

943

человек загадка

**Борис
СОКОЛОВ**

**ВЕРНЫЙ ПЕС
БРИТАНСКОЙ
КОРОНЫ**

ЧЕРЧИЛЛЬ

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Уинстон Черчилль вошел в историю Великобритании как самым яркий политик XX века, находившийся у власти при шести монархах — начиная с королевы Виктории и кончая ее праправнучкой Елизаветой II. Он успел поучаствовать в англосуданской войне и присутствовал при испытаниях атомной бомбы. Со своими неизменными атрибутами — котелком и тростью — Черчилль был прекрасным дипломатом, писателем, художником и даже садовником в своем саду в Чартвелле. Его картины периодически выставлялись в Королевской академии, а в 1958 году там прошла его личная выставка. Черчиллю приписывают крылатую фразу о том, что «историю пишут победители». Он был тучным, тем не менее его работоспособность была в норме. «Мой секрет: бутылка коньяка, коробка сигар в день, а главное — никакой физкультуры!»

Знак информационной продукции 12 +

- Детство и юность
- Лейтенант королевской армии
- Из военных в политики
- Счастливый союз
- Предвоенные годы
- Начало первой мировой
- Неудача в Дарданеллах
- Новый старт
- Биржевой крах и литературный триумф
- Вторая мировая война: его звездный час
- Гитлер поворачивает на восток
- Проблема второго фронта
- Высадка в нормандии
- Арденны
- Раздел Европы
- Фультонская речь
- Последние годы

Детство и юность

Сэр Уинстон Черчилль, без сомнения, принадлежит к числу самых выдающихся деятелей человечества. Его заслуженно считают самым великим на британских премьер-министров. Ведь именно Черчилль смог выиграть Вторую мировую войну, тяжелейшую из всех войн, которые когда-либо вела Британия. Причем он пришел к власти в тот момент, когда после краха Франции многим наблюдателям положение Англии казалось безнадежным и многие не исключали эвакуации британского правительства в Канаду.

Черчилль был весьма успешен в дни войн, Первой и Второй мировой, когда ему приходилось играть важную политическую роль. В дни мира его достижения были куда скромнее, хотя и не были отмечены явными провалами. Жизнь и политическая карьера Черчилля изобиловали драматическими поворотами, но он всегда стойко переносил удары судьбы. Хотя он дважды менял свою партийную принадлежность, были определенные принципы, которые он отстаивал всегда. Черчилль утверждал: «В моей стране представители власти гордятся тем, что они слуги государства; быть его хозяином считалось бы позором».

Сэр Уинстон мог назвать себя счастливым человеком. Он достиг в политике если не всего, то многого, чего хотел. Ему удалось создать антигитлеровскую коалицию и привести Англию к победе во Второй мировой войне. Правда, он так и не смог сохранить Британскую империю, но здесь он не мог противиться неумолимому ходу истории. Но он преуспел в создании и сохранении после войны англо-американского союза, ставшего основой НАТО и создавшего условия для противостояния советскому блоку.

Дворец Бленхейм

Уинстона Черчилля признавали не только выдающимся политиком, но и великим литератором. Он был удостоен Нобелевской премии по литературе за свои произведения и прежде всего за шеститомные мемуары «Вторая мировая война». Думаю, это лучшая книга о минувшей войне, хотя она, разумеется, субъективна, как и любые мемуары, и призвана оправдать все дела его автора и выставить не в лучшем свете его оппонентов.

Уинстон Черчилль родился 30 ноября 1874 года в родовом дворце Бленхейм. Его мать преждевременно разрешилась от бремени, поскольку перетанцевала на балу и едва успела добежать до гардеробной комнаты. Ее муж винил потом местного вудстокского врача, недосмотревшего за беременной леди Черчилль. Отец Уинстона, лорд Рандольф Спенсер-Черчилль, был третьим сыном Джона Уинстона Спенсера-Черчилля, 7-го герцога Мальборо, и многолетним депутатом британского парламента. По этой линии будущий британский премьер был потомком знаменитого полководца конца XVII начала XVIII века Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо. Уинстон написал его биографию «Мальборо: его жизнь и время».

Мать леди Рэндольф Черчилль, в девичестве Дженни Джером — была дочерью богатого американского финансиста. Таким образом, в жилах Уинстона текла как британская, так и американская кровь. Так что само происхождение диктовало ему добиваться прочного англо-американского союза, хотя отношения родителей были далеки от идиллических.

В отличие от отца, мать Черчилля не отличалась аристократическим происхождением. Зато у леди Рэндольф

Черчилль", в девичестве Дженни Джером, было другое немаловажное преимущество — она была дочерью простого американского миллионера, а семейство Черчиллей давно уже по было богатым, и третьему сыну герцога Мальборо не светили ни титул, ни достойное упоминания наследства. К тому же Дженни была одной из первых красавиц своего времени. Королева Румынии Мария свидетельствовала: "Леди Рандольф обладала ослепительной красотой, ее скорее можно было принять за итальянку или испанку. Глаза ее были большими и темными, изгиб губ был изысканным и почти озорным, волосы — иссиня-черными и блестящими, в ней было что-то креольское. Она была очень оживленной и много смеялась, показывая белоснежные зубы и всегда выглядя счастливой и хорошо проводящей время".

Ее отец, Леонард Джером, крупный биржевой игрок, основатель Американского Жокейского клуба, владелец акций "Нью-Йорк таймс" и Тихоокеанской почтовой паровой компании, а также театра на Мэдисон-авеню, друг и деловой партнер знаменитому мультимиллионеру Корнелиусу Вандербильту, был потомком изгнанного из Франции гугенота Тимоти Джерома, высадившегося в британских колониях в Северной Америке в 1717 году. За масштабные спекуляции нью-йоркской недвижимостью Леонарда Джерома прозвали "королем Уоллстрит". Свадьба Дженни и Рэндольфа в 1874 году была одной из первых свадеб британского аристократа и дочери американского миллионера. Молодая чета получила 3600 фунтов в год, из них 2500 гарантировал отец невесты, предоставивший капитал в 50 000 фунтов в приданое. Он же оплатил долги Рэндольфа в 2000 фунтов. Однако в дальнейшем из-за неудачной игры на бирже финансовые дела Леонарда Джерома ухудшились, и он несколько лет не мог помогать дочери в прежнем объеме. Брак же с Рэндольфом перерос просто в дружескую связь в 1886 году, когда супруга стали жить отдельно, обзаведясь любовницами и любовниками. Но Рэндольфа, подававшего большие надежды парламентария-консерватора, успевшего побывать министром по делам Индии и канцлером казначейства, погубил сифилис — сухотка спинного мозга свела его в могилу в 1895 году в возрасте 45 лет. Мать Уинстона не слишком долго горевала. В 1900 году она вышла за капитана шотландской гвардии 26-летнего Джорджа Корнуоллиса-Уэста, который был моложе ее на 20 лет и был ровесником Уинстона. Через 14 лет супруги развелись, чему способствовали финансовые проблемы Дженни. В 1918 году она вышла замуж за 41-летнего миллионера Монтегю Фиппен Порча. В 1921 году Дженни упала с лестницы и сломала ногу. Началась гангрена, и врачи не смогли спасти леди

Сэр Рэндольф Черчилль

У Уинстона Черчилля был младший брат Джон Стрейндж (Джек) Спенсер-Черчилль (1880–1947). Поговаривали, что его настоящим отцом был Эвелин Эдвард Томас Боскауэн. 7-й виконт Фальмауз, умерший в 1918 году. Джек был профессиональным военным. В годы Первой мировой войны он дослужился до чина майора, был награжден французскими орденами — Военным крестом и орденом Почетного легиона. После войны Джек стал бизнесменом в Сити. Они были очень близки с Уинстоном, и Джек с семьей частенько гостили в поместье Чартвелл.

Родители, занятые бурной политической и сексуальной жизнью, почти не уделяли Уинстону внимания. Как пишет германский историк Дитрих Айгнер. "между сыном и отцом не могло возникнуть чувства близости, так как сначала у лорда Рэндольфа почти никогда не было времени для своей семьи, а позднее не было желания понять другого человека, даже своего собственного сына. Мальчик тяжело переживал отсутствие отца, но еще больше он страдал оттого, что с ним рядом не было его матери".

Воспитание Уинстона было возложено на его няню Элизабет Энн Эверест, о которой он сохранил самые теплые чувства до конца жизни. Она прощала ему детские шалости и жалела за то, что он заикался и не выговаривал нескольких букв. В дальнейшем Уинстон успешно избавился от этих природных недостатков и стал одним из наиболее выдающихся ораторов своего времени. Кстати, он с детских лет очень любил играть в оловянных солдатиков, не подозревая, что в будущем ему придется

руководить настоящими многомиллионными армиями. А тетка Черчилля вспоминала, что Уинстон, еще будучи ребенком, говорил, что обязательно пойдет по пути отца, чтобы стать премьер-министром.

1 ноября 1882 года Черчилль поступил в привилегированную школу Сент-Джордж в Аскоте, плата за обучение в которой составляла 150 фунтов за год (когда Уинстон стал лейтенантом, его годовое жалованье было только 120 фунтов). Школа гарантировала поступление в самые престижные колледжи, например в Итон, где традиционно учились представители рода Черчиллей. Но в Сент-Джордже были узаконены телесные наказания, и Уинстон им регулярно подвергался, поскольку в детстве терпеть не мог дисциплину. По воспоминаниям одноклассника Черчилля искусствоведа Роджера Фрая, в результате порки "попки несчастных мальчиков превращались в кровавое месиво". Остальных школьников сажали около открытой двери в библиотеку, где проходила экзекуция, чтобы они, "дрожая от страха, слушали вопли" наказуемых. Через год учебы Черчилль оказался по дисциплине на последнем месте в классе. Его учителя утверждали, что Уинстон "не хочет учиться", "невоспитан", "ленив", "неисполнителен", "упрям". Лишь на второй год учебы, вняв настояниям няни, родители обратили внимание, что ребенок слишком часто подвергается экзекуциям. И в 1884 году его перевели в более скромную школу в Брайтоне. Здесь возглавлявшие школу две пожилые сестры Томсон стремились привнести науки детям не с помощью розги, которая "ум вострит", а посредством любви и доброты. Этот метод применительно к Уинстону оказался гораздо более эффективным. Однако либерализм со стороны педагогов имел и свою оборотную сторону. Между учениками постоянно вспыхивали потасовки, более сильные и наглые били более слабых и безответных. Уже через три месяца после пребывания в Брайтоне Уинстон схватился в рукопашной с одноклассником, хорошенько врезав ему в ухо. Тот в долгу не остался и ножом легко ранил Черчилля в грудь.

Уинстон Черчилль в возрасте 7 лет

В 1887 году посредственные успехи Уинстона в учебе и его скверное поведение заставили родителей предпочесть более престижному колледжу Итон, где традиционно учились представители рода Мальборо и Черчилли, менее престижный Харроу, где требования к поступающим были более чем щадящие, а плата за обучение — столь же высокой — 250 фунтов в год. Перед экзаменами лорд Рэндольф переговорил с директором школы, и Черчилль был принят, хотя на письменном экзамене по ненавистой латыни не написал ни слова. Хорошо знал Уинстон только те предметы, которые любил, — историю и поэзию, а латынь, как и математику, искренне ненавидел. Тем не менее нелюбовь к математике не помешала Черчиллю в дальнейшем делать весьма точные расчеты как политику и стратегу. Зато в тех предметах, которые он любил, в истории, в родном языке и в литературе, Уинстон делал заметные успехи. Ему помогала феноменальная память — Черчилль заучивал наизусть десятки страниц текста. У него уже тогда выработался неплохой литературный стиль, что позволило Уинстону устроить взаимовыгодный бартер: он писал за своих одноклассников сочинения, а те решали за него математические задачи, которые Черчилль так никогда и не освоил.

Уже в школьные годы Уинстон ощущал себя настоящим патриотом. Впоследствии он вспоминал, как пел в Харроу вместе с другими школьниками патриотические песни и как сильно хотел тогда "сделать хоть что-нибудь для славы своей страны". Хотя его недисциплинированность никада не делась.

В 1888 году Уинстон написал сочинение о будущей мировой войне, где точно предсказал год ее начала — 1914-й. А вот в составе противоборствующих коалиций Черчилль немного ошибся. В его сочинении Англия воевала с Россией (сказалось тогдашнее российско-английское противостояние в Центральной Азии и Афганистане), тогда как в Первой, равно как и во Второй, мировой войне эти государства оказались союзниками.

От знаменитого предка-полководца Уинстон унаследовал настоящую страсть к военному делу. Он был убежден, что "сражения есть самые знаменательные события мировой истории" и что судьбы народов и государств зависят от воли великого человека, особенно полководца. Черчилль утверждал в одной из своих речей: "Во всех великих битвах прошлого успеха добивался тот, кто проявлял высшую силу воли, способную вырвать победу из лап противника". Чего-чего, а воли у него было не занимать.

Еще в колледже Уинстон начал активно заниматься спортом. При этом было замечено, что гораздо больших успехов он достигал в одиночных видах вроде плавания и конном спорте, чем в командных (крикет, футбол, регби). Что ж, Черчилль на всю жизнь остался индивидуалистом и успешно работал в команде только в одном случае — если он ее возглавлял, будь то министерство или правительство. На меньшие роли он был не согласен.

Выбор военной профессии произошел на каникулах летом 1889 года. Отец застал Уинстона и его младшего брата Джорджа за игрой в солдатики и прямо спросил: "Уинстон, не хочешь стать военным?" И тот уверенно ответил: "Да".

В "военном классе" будущий премьер стал учиться более прилежно. Видно, военная служба в тот момент его привлекала. Хэрроу Черчилль окончил в числе всего 12 учеников, сумевших выдержать экзамены по всем предметам, особые успехи показав при изучении истории. Он также стал чемпионом школы по фехтованию, зато по дисциплине находился в классе на последнем месте. Позднее Уинстон признавался: "Если какой-либо предмет не возбуждал моего воображения, то я просто не мог его изучать. За все двенадцать лет, что я провел в учебных заведениях, ни одному преподавателю не удалось заставить меня написать даже стих на латыни или выучить хоть что-нибудь из греческого языка исключая алфавит". В Хэрроу Черчилль прославился как один из самых злостных хулиганов. Ему очень нравилось сталкивать товарищей в бассейн. Правда, порой перепадало и ему самому. Как-то раз несколько товарищей затолкали его в постель и уст роили своеобразный контрастный душ, облив сначала горячей, а потом холодной водой. Но даже в

столь беспомощном положении Черчилль кричал своим обидчикам: "Я все равно буду великим, а вы так и останетесь никем". И ведь сколько хулиганов было в колледже в то время, а великим-то действительно стал лишь один.

В конце 1892 года после провала на вторых вступительных экзаменах в Королевское военное училище Сэндхерст, отец забрал Уинстона из Хэрроу. Его определили в Лексэм-Гарденс-Эрлскорт в Лондоне на курсы к капитану Уолтеру Генри Джеймсу, который натаскивал нерадивых учеников для поступления в Сэндхерст. От уровня подготовки своего нового воспитанника капитан был не в восторге и честно сказал лорду Рэндольфу: "Ваш сын слишком невнимателен и чрезмерно заносчив. К тому же он постоянно поучает своих преподавателей, заявляя им, что его познания в истории настолько обширны, что он не желает продолжать дальнейшую учебу в данной области".

В 1893 году Черчилль лишь с третьей попытки сдал экзамены в престижное Королевское военное училище в Сэндхерсте. Его подвело плохое знание латыни. Показав 92-й результат из 102 поступивших курсантов, Уинстон первоначально был определен в менее престижный кавалерийский класс, где годовая плата за обучение была на 200 фунтов выше, а карьерные возможности — меньше. Перевестись в пехотный класс ему удалось только благодаря тому, что часть абитуриентов с более высокими экзаменационными баллами отказалась от поступления в училище.

Учеба отнимала практически все время. Первые занятия начинались в 6.45 утра и продолжались с небольшими перерывами на завтрак и обед до 16.00. Затем у курсантов было свободное время — они могли заняться спортом, чтением или просто гулять. До отбоя в 23.00 Черчилль много читал военную литературу, в том числе труды по стратегии и тактике, а также описания последних войн — гражданской войны в США 1861–1865 годов, франко-прусской войны 1870–1871 годов и русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Курсанты занимались картографией, тактикой, фортификацией, военной администрацией, полковым счетоводством, а также юриспруденцией, осваивали стрелковое и артиллерийское вооружение. Не последнее место занимали физические упражнения в гимнастическом зале, стрельба, копание окопов, строевая подготовка, марши и верховая езда.

Уинстон Черчилль — выпускник Сэндхерста

Лейтенант королевской армии

В 1894 году Черчилль окончил училище 20-м из 130 выпускников, что было довольно неплохим результатом, и в феврале 1895 года стал 2-м лейтенантом. Однако спустя восемь месяцев после окончания академии молодой лейтенант гусарского полка признался в письме матери, что "служба в армии — это совсем не то, что привлекает меня". Что же произошло? Ведь еще совсем недавно война была для Черчилля "благородной мужской игрой", "жестокой, но прекрасной"; а во время кавалерийских маневров, по собственному признанию, Черчилль "готов был кричать от восторга, предвкушая радость боя". Но очень скоро он понял, что военная служба — дело долгое и трудное, быстрой карьеры не сделаешь, особенно в условиях мирного времени (а Британская империя как на грех в это время не вела ни одной войны), да еще надо беспрекословно подчиняться старшим начальникам, чего Черчилль никогда не любил.

Тянуть лямку младшего офицера в элитном 4-м гусарском полку Уинстону не очень-то хотелось. В 1895 году он признавался в одном из писем: "Чем дольше я служу в армии, тем больше мне нравится служить, но тем больше я убеждаюсь в том, что это не для меня".

Благодаря связям матери, которая делала все для карьеры сына, в том же 1895 году он был направлен на Кубу военным корреспондентом газеты "Дейли график" освещать борьбу кубинских повстанцев против испанских войск, будучи прикомандированным к последним, но оставаясь при этом на действительной военной службе в британской армии. За пять опубликованных статей, часть из которых перепечатала "Нью-Йорк таймс" (хотя его происпанская позиция не находила поддержки у американской публики), он получил гонорар в 26 фунтов и 5 шиллингов, что было весомой прибавкой к годовому жалованью в 120 фунтов. Правительство Испании наградило его медалью "Красный крест", что дало повод британской прессе усомниться в нейтральности корреспонденций Черчилля. На Кубе он пристрастился к гаванским сигарам и послеобеденной сиесте, а также понял, как сложно регулярной армии бороться с партизанами.

Уинстон Черчилль в 1895 году

Черчилля уже тогда влекла политика, но для политической карьеры у него просто не было средств. Его мать изрядно поиздержалась после смерти мужа, а кампания по выборам в парламент была и по тем временам делом весьма недешевым. Ведь по тогдашним британским законам кандидат в депутаты парламента должен был оплачивать расходы по ведению предвыборной кампании только из собственных средств. А 300 фунтов годового дохода семейства Черчиллей для этих целей было явно недостаточно. Недостаток денежных средств в юности привел к тому, что до конца жизни Черчилль отличался известной скупостью. А еще Черчилль понимал, что путь к успеху в политике лежит, среди прочего, через искусство оратора, и успешно им овладел.

По дороге на Кубу Черчилль впервые посетил Соединенные Штаты, на короткое время остановившись в Нью-Йорке у своих

родственников. Позднее он говорил брату Джеку: "Америка — великая страна, где практичность ставится во главу угла, заменяя американцам романтику и красоту".

В октябре 1896 года Уинстон с полком отправился в индийский город Бангалор, где стал одним из лучших игроков сборной полка по поло. Мы-то все знаем Черчилля по портретам периода Второй мировой войны как толстяка-увальня. Трудно вообразить, что в молодые годы он был очень неплохим спортсменом. Ведь спорт изначально был занятием аристократок.

Служба в индийской глуши Черчиллю вскоре наскучила. Он отзывался о ней как о "бессмысленной и бесполезной ссылке". Уинстон рвался в бой. К тому же при высадке в Индии Черчилль вывихнул плечевой сустав, и последствия этой травмы еще долго давали о себе знать.

Хотя у службы в гарнизонном городе Бангалор были и свои преимущества. Каждый офицер жил на отдельной квартире и имел несколько человек индийской прислуги. Пока не было войн, Черчилль много читал. Особенно привлекали его книги по истории британской политической системы. А еще он читает и даже заучивает наизусть речи своего отца. Уинстон познакомился с трудами Гиббона, Маколея, Платона, Аристотеля, Шопенгауэра, Мальтуса, увлекся учением Дарвина. Уинстон читал для того, чтобы извлечь из прочитанного практическую пользу и на основе полученных знаний выстроить собственную жизнь. В марте 1897 года Черчилль писал матери из Бангалора: "Фактический материал из Annual Register (ежегодник, где публиковалась хроника политической жизни Англии. — Б.С.) вооружил меня, дав мне в руки острый меч воина. Маколей, Гиббон, Платон и другие должны укрепить мои мышцы, чтобы я мог эффективно использовать этот меч".

Летом 1897 года, вернувшись в отпуск в Англию, Черчилль совсем уже было решил рискнуть и включиться в политическую борьбу, бросив на кон все свои скромные финансовые средства и уволившись из армии. Но в это время в Северо-Западной Индии вспыхнуло восстание пуштунских племен, на подавление которого был брошен экспедиционный корпус во главе с другом его отца сэром Биндоном Блудом. И Черчилль решил, что это хороший шанс для него отличиться, что, во всяком случае в будущем, должно было помочь политической карьере. Он спешно вернулся в Индию и по совету Блуда, взяв отпуск в своем полку, добился прикомандирования к экспедиционному корпусу.

Итак, осенью 1897 года Уинстон отправился подавлять восстание пуштунских племен в горной области Малаканд, на северо-западе страны. Здесь ему впервые пришлось участвовать в

боях. В первой же схватке в Мамундской долине 16 сентября 1897 года Черчилль, по его собственному утверждению, убил или ранил четверых неприятелей. Так ли это было на самом деле, сказать трудно. Известно, что рассказы об уничтоженных врагах сродни охотничьим и рыбацким рассказам. Корреспонденции о ходе боевых действий Черчилль отправлял в лондонскую "Дейли телеграф".

Черчилль показал себя храбрым боевым офицером, но саму войну с пуштунами считал бессмысленной. Своей бабушке, герцогине Мальборо, он писал: "Люди племен пытаются раненых и уродуют убитых. Наши солдаты никогда не оставляют в живых пленных, независимо от того, ранены те или нет. Полевые госпитали и конвои с больными особенно привлекательны для врага в качестве целей для нападения, мы разрушаем резервуары, которые являются единственным источником воды летом, и применяем против них пули — новые пули "Дум-дум"... разрушительный эффект которых просто ужасен... Это разорительно финансово, безнравственно морально, сомнительно с военной точки зрения и является грубым политическим промахом". Черчилль считал, что гораздо более эффективной в Индии будет не тактика выжженной земли, а более терпимая политика, призванная умиротворить значительную часть повстанцев.

В письме одному из своих боевых товарищей Уинстон рассказал, как пехотинцы сикхского полка бросили раненого повстанца в печь для мусора и сожгли его заживо. А перед этим повстанцы буквально изрубили на куски роту 14-го Сикхского полка.

По окончании экспедиции Черчилль опубликовал книгу "История Малакандского полевого корпуса". Там он с иронией описывал, как воспринималась в Англии проводившаяся в зоне племен тактика "выжженной земли": "В Англии по этому вопросу высказывалось много неверных суждений. Один член палаты общин спросил государственного секретаря, принималось ли во внимание при наказании деревень, что сжигаться должны были только дома виновных в антибританских выступлениях. Он получил суровый ответ, что вина владельцев домов при их сожжении принималась во внимание. Конечно, трудно представить более нелепое зрелище, чем солдаты, которые только что ворвались в деревню, выбив противника штыками, которые отражают энергичные контратаки туземцев, причем опасность с каждой минутой увеличивается и угрожает потерями, и которые при этом расхаживают среди хижин и выясняют, какие дома принадлежат повстанцам, а какие — невинным гражданам.

Другой член палаты спросил, уничтожались ли целые деревни или только укрепления. "Только укрепления", — без колебаний ответил министр. Что же на самом деле? По всей афганской границе каждый дом представляет собой крепость. Деревни — это укрепления, а укрепления — деревни. В каждом доме имеются амбразуры, а есть ли при нем башня или нет, зависит только от состоятельности владельца. Еще один законодатель на страницах своего развлекательного еженедельного журнала посвятил этому вопросу несколько колонок и осудил подобную тактику как варварство. Она не только варварская, утверждал он, но и бессмысленная. Куда теперь пойдут жители деревень? Конечно, к врагу! За этим заявлением скрывается, пожалуй, самое удивительное непонимание истинного положения дел.

Автор, похоже, вообразил, что племена состоят из регулярной армии, которая сражается, и мирного законопослушного населения, которое занимается своим делом и время от времени, возможно, протестует против чрезмерных военных расходов. Что же до реального положения вещей, то каждый житель этих мест становится и остается солдатом с того момента, когда он оказывается в состоянии швырнуть камень, и до того времени, пока он в состоянии нажать на курок, после чего, вероятно, его убивают, так как он становится обузой для общества.

Вооружившись этими откорректированными фактами, я приглашаю читателя самого разобраться в вопросе о законности сожжения деревень. Лагерь британской бригады, которая движется по приказу правительства Индии и с согласия народа Соединенного Королевства, подвергается ночной атаке. Убито несколько офицеров, солдат и дорогостоящих вьючных животных. Нападавшие отступают в горы. Последовать туда за ними невозможно. Их нельзя поймать, их нельзя наказать. Остается только их собственность — эта собственность должна быть уничтожена. Их деревни становятся заложниками их хорошего поведения. Они прекрасно знают это, и когда атакуют конвой или лагерь, то делают это потому, что рассчитали стоимость потерь и пришли к выводу, что дело того стоит. Конечно, это жестокость и варварство, как и многое другое в войне, но было бы крайне нелогично считать законным уничтожение человеческих жизней и незаконным — уничтожение имущества.

В официальном языке для сожжения деревень обычно употребляют эвфемизмы "было захвачено и наказано столько-то деревень" или же "укрепления были снесены". Я не верю во все эти иносказания. Отсутствие уверенности, которое демонстрирует правительство Индии в лучших традициях британской демократии, является наименее привлекательной из его черт.

Людям нашего острова требуется только, чтобы дело было им прямо и честно наложено, и тогда они найдут разумное и практичное решение. Нели ого не так, то мы не должны занимать то привилегированное место в мире, которое занимаем".

Здесь Черчилль перед своими читателями откровенен до цинизма. Он прекрасно знает, поскольку на собственной шкуре испытал, что такое партизанская война против повстанцев в колониях, где каждый мирный житель ото потенциальный враг, где обе стороны стараются не брать пленных и добивать неприятельских раненых, где только сожжение деревень может заставить жителей не выступать против британской власти. В то же время после Второй мировой войны десятки и сотни германских генералов и офицеров были приговорены союзными военными трибуналами, в том числе британскими, к длительным срокам заключения или даже казнены за проведение тактики "выжженной земли" в борьбе против партизан, хотя она ничем принципиально не отличалась от той, которую применяли британские войска в Индии и в других колониях. Тут надо, правда, заметить, что эти трибуналы начали работать уже тогда, когда Черчилль не был премьер-министром, и сам он на протяжении войны решительно выступал против советского предложения просто расстрелять скопом 50 тыс. немецких генералов и офицеров. Но он в то же время понимал, что в политике часто приходится прибегать к готтентотской морали: "Плохо, если сосед угнал моих буйволов, хорошо, если я угнал буйволов у соседа". А еще индийский опыт показал Черчиллю, что многие покоренные британцами народы только и думают, как бы восстать против своих господ. И у него появились мысли о том, что британская колониальная политика должна быть гибче, чтобы по крайней мере верхушке покоренных народов и племен выгоднее было бы быть в составе Британской империи, чем вне ее.

Исходя из опыта войны в Индии, Черчилль пришел к следующему философскому заключению: "Пуля в ногу может превратить храбреца в труса. Удар по голове делает из умного человека дурака. Я читал даже, что достаточное количество абсента может превратить хорошего человека в негодяя. Торжество разума над материей, похоже, еще не полностью достигнуто". Абсенту Уинстон предпочитал коньяк и виски.

В сущности, вся война велась для того, чтобы наказать повстанцев и заставить их вернуть 21 современную винтовку, которые они захватили у убитых ими солдат 35-го Сикхского полка. Когда винтовки были наконец возвращены, Черчилль следующим образом это прокомментировал: "Это была одна из

самых невыгодных сделок в истории. Люди многоречиво рассуждают о "полном разоружении приграничных племен" как об очевидной политике. Несомненно, такое разоружение было бы весьма желательным. Но его осуществление было бы мероприятием столь же болезненным, как извлечение жал у ос голыми руками".

Вероятно, из книги о Малакандском походе или из печатавшихся в "Дейли телеграф" писем Черчилля почерпнули эпизод с сожжением заживо пленного повстанца безвестные авторы легенды о гибели красного партизанского командира на Дальнем Востоке Сергея Лазо, будто бы сожженного японцами и уссурийскими казаками в паровозной топке. Дело в том, что заместителем председателя Военного совета Временного правительства Дальнего Востока — Приморской областной земской управы Сергей Лазо был арестован японскими войсками во Владивостоке в начале апреля 1920 года, после того как красные партизаны уничтожили японский гарнизон и колонистов в Николаевске-на-Амуре. По официальной советской версии, Лазо и его товарищей, Алексея Луцкого и Всеволода Сибирцева, японские военные вывезли из Владивостока и передали забайкальским казакам атамана Семенова и после пыток расстреляли. Лазо якобы расстреливать не стали, а еще живым бросили в паровозную топку на станции станции Муравьево-Амурская, точно так же как пуштунского повстанца в книге Черчилля. Однако в топку паровоза того времени живого человека никак не засунешь, а больших печей для сжигания мусора на российском Дальнем Востоке не было. Размер входного отверстия — 64 на 45 сантиметров. При таких габаритах туда, пожалуй, даже девушку на последней стадии анорексии не засунешь, не то что здоровяка Лазо. Очевидно, у печи для сжигания мусора, которой пользовались пехотинцы-сикхи, входное отверстие было значительно больше. В действительности первой о смерти Сергея Лазо сообщила японская газета "Джапан Кроникл" еще в апреле 1920 года — он был расстрелян во Владивостоке, и труп сожжен. Поскольку точное место расстрела так и не было названо, надо было придумать легенду, подходящую для пропагандистских целей и приурочивающую гибель Лазо к определенной станции, где можно было поставить памятник. Отсюда и пошли знаменитые стихи Маяковского:

В паровозных топках
сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом.
Отрекитесь! — ревели,

но из
горящих глоток
лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм!

Здесь опять-таки некоторая поэтическая вольность — ведь сжигали Лазо, по официальной версии, не японцы, а казаки есаула Бочкарева. Кстати сказать, в советском фильме "Сергей Лазо" убийцу Лазо Бочкарева сыграл великий русский режиссер Андрей Тарковский (это была чуть ли не единственная его роль в кино; как говорится, роль маленькая, но со словами). Позднее это вызвало подозрения в Госкино, что Тарковский потому взялся сыграть казачьего есаула, что ему нравится расстреливать красных командиров и комиссаров. По этому поводу можно сказать только, что есаул Валериан Иванович Бочкарев действительно существовал, только был он из уссурийских, а не забайкальских казаков. В 1921 году белое Приамурское правительство с большим трудом спланировало его добровольческий отряд из Владивостока на Камчатку, поскольку опасалось казачьей вольницы. Там произведенный в полковники за освобождение от красных Охотска Бочкарев немало обогатился на торговле пушниной, а затем благополучно эмигрировал в Шанхай (по другим данным, погиб в начале 1923 года в селе Гижиге в Северо-Эвенском районе Магаданской области в бою с красными). Но нет никаких данных, что он хоть как-то был причастен к гибели Лазо.

Но вернемся к Черчиллю. После возвращения из Малакандского похода, как мы уже упоминали, он собрал свои письма и корреспонденции в книгу, которую издал в 1898 году под названием "История Малакандского полевого корпуса", имевшую успех. За ней последовали биография Гарибальди и книга об истории гражданской войны в США, а также единственный роман Черчилля — "Саврола, или Революция в Лаурании". Сначала он по частям печатался в "Макмиллан's мэгэзин", а спустя два года вышел отдельной книгой. Роман, в отличие от исторических книг, не имел большого успеха, хотя и принес автору весьма приличный доход в 700 фунтов.

Критика отмечала, что особо удались Черчиллю сцены военных действий: сказался личный боевой опыт. А вот мелодраматические диалоги вышли у начинающего писателя значительно хуже. Главный герой романа — Саврола, "великий вождь демократии" в республике Лауринии, которой правит жестокий диктатор Моляра. Саврола — персонаж явно

автобиографический, а в Лаурации угадываются черты старой доброй Англии. Например, лауранийцы, подобно англичанам, любят играть в поло. Саврола, как и Черчилль, человек целенаправленный, умеющий владеть собой. Сюжет сочинения Черчилля развивается вполне в духе бульварных романов. Симпатичная и молодая супруга диктатора становится возлюбленной Савролы. Он возглавляет революцию, направленную на восстановление поправленной диктатором конституции. По ходу действия Саврола произносит слова о "надежде на процветание, на которое имеет право каждый, даже самый бедный человек". Но сам черчиллевский герой достаточно трезво оценивает свои возможности: "Кто я в этой толпе: господин или раб? Во всяком случае, у меня нет иллюзий!"

Восставший народ под предводительством Савролы свергает тирана, и Моляра гибнет на ступенях дворца. Однако победа свободы и демократии омрачена происками тайного анархистско-социалистического общества Карла Кройце, члены которого являются сторонниками насилия и имеют большое влияние на рабочий класс. Здесь присутствует явный намек на Карла Маркса и марксистов. В переводе фамилия героя Kreutz означает "крест" (по-немецки слово "крест" пишется немного иначе: Kreuz, но произносится одинаково), что содержит иронический намек на обожествление Маркса его последователями. Имя героя в романе тоже пишется по-немецки: Karl, а не Carl, как должно было быть по-английски.

После возвращения из Малакандского похода Черчилль сразу же стал хлопотать о новой командировке, на этот раз в Судан, для освещения подавления махдистского восстания. Его назначили на сверхштатную должность лейтенанта, специально оговорив, что в случае гибели или тяжелого ранения Черчилль или его семья не сможет рассчитывать на страховые выплаты из армейских страховых фондов. Командировку в Судан оплатила великосветская газета "Морнинг пост", куда Черчилль должен был направлять свои репортажи. Уинстон участвовал в решающем сражении при Омдурмане 2 сентября 1898 года, в том числе и в последней атаке британской кавалерии в конном строю. Черчилль так описал ее в книге о Суданской кампании "Война на реке", ставшей бестселлером и принесшей Черчиллю настоящую литературную славу: "Дервиши сражались самоотверженно — резали лошадям жилки, рубили поводья и стремянные ремни. Они расстреливали наших солдат в упор, закидывали острыми копьями, выпавших из седла безжалостно рубили мечами, пока те не переставали подавать признаков жизни... Я перешел на рысь и поскакал к отдельно стоящим неприятелям, стреляя им в лицо из

пистолета (у Черчилля был германский "маузер", чьи достоинства он полностью оценил. — Б. С.), и убил нескольких: троих — наверняка, двоих — с большой долей сомнения и еще одного — весьма сомнительно".

В письме матери Черчилль пытался дать рациональные объяснения своей храбрости: "Быть все время на виду, блистать, обращать на себя внимание, так надо вести себя, чтобы стать героем в глазах публики, в этом залог успешной политической карьеры. Однажды я проскакал на своей серой лошадке по самой линии огня, тогда как все спрятались в укрытие. Может, это и глупо, но ставки велики, тем более когда у тебя есть зрители. Если на тебя никто не смотрит, то и храбрость ни к чему".

Возможно, Черчилль несколько преувеличил свои успехи. Всего в битве при Омдурмане англо-египетские войска (8 тыс. британцев и 18 тыс. египтян, имевших 50 современных орудий и 80 пулеметов) потеряли 48 убитых и 128 раненых. Потери суданцев, которых будто бы насчитывалось 60 тыс. человек, никто толком не считал. В отчете Китченера говорилось о 5 тыс. пленных (что, вероятно, однако к истине) и 9,7 тыс. убитых и 25 тыс. раненых (потери убитыми и ранеными, возможно, преувеличены, хотя они наверняка в десятки раз превышали потери египтян и британцев).

Эту же атаку Черчилль рассматривал как философское отражение сути жизни: "С некоторой точки прения кавалерийская атака очень похожа на обычную жизнь. Пока вы в порядке, твердо держитесь в седле и хорошо вооружены, враги далеко вас обходят. Но, стоит вам потерять стремя, лишиться узды, выронить оружие или получить ранение самому или лошади, — и тут же со всех сторон на вас ринутся враги".

Черчилль критиковал главнокомандующего генерала Китченера за жестокое отношение к пленным и неуважение к мусульманским обычаям. Он утверждал: "Китченер великий полководец, но его трудно обвинить в том, что он великий джентльмен". Подобное вопиющее нарушение субординации привело к тому, что Черчилль не был награжден за суданскую кампанию.

После возвращения из Судана Черчилль вышел в отставку, собираясь начать политическую карьеру в рядах консервативной партии. Литературные доходы принесли ему достаточно средств для ведения предвыборной кампании. Однако на дополнительных выборах в небольшом английском промышленном городке Олдем Черчилль потерпел поражение. Для местных рабочих он оказался слишком аристократом.

Англо-бурская война заставила Черчилля вновь вернуться к

профессии военного корреспондента, непосредственно участвующего в боевых действиях. 15 октября 1899 года он отправился в Южную Африку корреспондентом "Морнинг пост" с жалованьем в 250 фунтов в год. Он боялся только одного — что не успеет попасть на театр боевых действий до окончания войны. Но война получилась совсем молниеносной. Один из корреспондентов, работавших в Южной Африке, вспоминал: "Уинстон — просто удивительный человек. Он не питает ни малейшего почтения к старшим по званию и положению, разговаривая с ними, словно со своими сверстниками. Он одинок и держится и с излишней самоуверенностью, недоступной другим. Я еще ни разу не встречал столь амбициозного, храброго и открыто эгоистичного типа". Из Кейптауна Уинстон писал матери: "Мы недооценили военную силу и дух буров, и я сильно сомневаюсь, что одного армейского корпуса будет достаточно, чтобы сломить сопротивление. Так или иначе нам предстоит жестокое, кровавое сражение, в котором мы, скорее всего, потеряем десять или двенадцать тысяч человек. Я же верю, что буду сохранен для будущих событий". Первоначально Черчилль хотел попасть в осажденный бурами Ледисмит и предлагал 200 фунтов тому, кто сможет провести его сквозь неприятельские позиции, но проводников так и не нашлось. Уже 15 ноября Черчилль отправился на бронепоезде в рейд в районе Эсткорта. Вскоре бронепоезд был обстрелян артиллерией буров. Двигаясь задним ходом, состав врезался в валуны, которыми буры перегородили путь. Ремонтная платформа и два броневагона сошли с рельсов, а единственное орудие ставшего неподвижным бронепоезда было выведено из строя прямым попаданием. Черчилль командовал расчисткой пути. Он бесстрашно вел себя под огнем, но, когда путь был расчищен, выяснилось, что сцепка оставшегося на рельсах вагона перебита снарядами. Тяжелораненых погрузили на паровоз и отправили в тыл. Когда паровоз оторвался от неприятеля, Черчилль спрыгнул и присоединился к 50 оставшимся британским солдатам, вместе с которыми и был взят в плен. Он объяснил, что не мог бросить их на произвол судьбы, хотя перед пленением предусмотрительно выбросил пистолет и требовал от буров освободить его как не участвующего в боях представителя прессы (буры это требование проигнорировали). Их поместили в лагерь военнопленных в Претории. Капитан Энтони Уэлдон впоследствии утверждал: "Я беседовал с машинистом поезда и путевым рабочим, они сходятся во мнении, что никто не вел себя отважнее и хладнокровнее, чем мистер Черчилль". А другой капитан, Джеймс Вили, принимавший участие в расчистке путей, полагал: "Уинстон очень

храбрый малый, хотя и без царя в голове". Черчилль был легко ранен и взят в плен бурским генералом Луисом Ботой, с которым они позднее стали друзьями.

Уинстон Черчилль во время Англо-бурской войны

Но уже 12 декабря Черчилль бежал из плена. За его поимку буры назначили награду в 25 фунтов, что, кстати сказать, было немного больше его месячного жалованья в газете. Они выпустили следующее объявление: "Разыскивается Уинстон Черчилль, британский подданный, возраст — 25 лет, рост — 5 футов 8 дюймов (173 см), без особых примет, ходит с высоко поднятой головой. Кожа бледная, волосы рыжеватые, носит короткие усы. Говорит в нос, слегка шепелявит. Не владеет языком африкаанс, одет в коричневый пиджак, находится в бегах..." К счастью, по такому неконкретному описанию найти человека было трудно, тем более что и усы, и коричневые пиджаки носили многие местные жители.

Два других участника побега — командир бронепоезда лейтенант Холдейн, бывший сослуживец Уинстона по кампании в Малаканде, и главный сержант Бруки — были схвачены охраной при попытке перелезть через стену. Черчилль так и не дождался их в кустах на противоположной стороне стены. Впоследствии его обвиняли, будто он бросил товарищей, но доказательств этому не было, а в 1912 году Черчилль вынудил журнал "Блэквуде мэгэзин" напечатать опровержение и принести извинения за подобные утверждения. Ходили слухи, будто Черчилль бежал, переодевшись в женское платье. В действительности он был одет в полевую форму и имел в карманах 75 фунтов денег и 4 плитки шоколада.

После тридцати часов скитаний голодному Черчиллю

необычайно повезло. Он постучался в единственный дом на 20 миль в округе, принадлежащий англичанину — Джону Ховарду, управляющему трансваальскими шахтами. Ховард, будучи гражданином Трансвааля, тем не менее отказался воевать против соотечественников-британцев, но буры не трогали его как ценного и незаменимого специалиста. Несколько дней Ховард прятал Черчилля в заброшенных шахтах, где тот коротал время за чтением романа Стивенсона "Похищенный". Потом Черчилля, одетого уже в штатский пиджак, в товарном вагоне переправили в Уитбанк. Там другой горный инженер, англичанин Даниэл Девенан, несколько дней укрывал его в шахте, а затем помог тайно переправиться на поезде на территорию португальского Мозамбика, откуда беглец уже беспрепятственно прибыл в Дурбан. Очень удачным оказалось то, что о прибытии Черчилля в мозамбикский Лоренсу-Маркиш стало известно в конце недели, которая в Англии была названа Черной неделей из-за нескольких поражений, которые англичане потерпели от буров. Побег Черчилля стал единственным светлым пятном на общем мрачном фоне, что привлекло к нему повышенное внимание прессы. А в Дурбане Черчилля ждала триумфальная встреча. Он выступил с речью перед большой толпой, восторженно приветствовавшей его. Вскоре после возвращения из плена Черчилль писал: "Мне уже 25 лет, и времени остается ужасно мало".

После побега Черчилль получил должность лейтенанта легкой кавалерии без жалованья, оставшись специальным корреспондентом "Морнинг пост". Когда ему советовали побыстрее вернуться в Англию, он отвечал: "Не волнуйтесь! У меня твердое предчувствие, что я создан для чего-то большего и меня хранит Бог". Уинстон участвовал во многих боях и в деблокаде гарнизона Ледисмита. Замужество, проявленное в ходе сражения при горе Спионкоп 24 января 1900 года, его представили к Кресту Виктории, но, поскольку он сразу после этого боя ушел в отставку, ходу этому представлению не дали. В бою при горе Спионкоп англичане потеряли 1733 убитых и раненых, а у Черчилля в очередной раз оказалась прострелена шляпа.

О южноафриканской кампании Черчилль написал две книги — "Марш Иена Гамильтона" и "Из Лондона в Ледисмит".

Из военных в политики

По возвращении в Лондон Черчилль представил министру колоний Джозефу Чемберлену свои предложения по урегулированию южноафриканского конфликта. Он предлагал бурам сотрудничество с британцами в Южной Африке в качестве равноправных народов.

Еще до начала турне по Америке, которое было предложено ему его американским агентом сразу же, как только он прибыл в Дурбан, Черчилль совершил триумфальную поездку по Англии, ставшую фактически бесплатной предвыборной кампанией. Он опять баллотировался как кандидат от Олдема. На этот раз город встретил его как героя. Потомок герцога Мальборо сумел завоевать сердца жителей рабочего городка. В предвыборных речах он живо рассказывал о побеге из плена. Ему удавалось мастерски создавать впечатление, что он обращается ко всем и к каждому. И 1 октября 1900 года Черчилль с большим перевесом был избран в парламент. Перед тем как появиться в Вестминстере в новом качестве, он с успехом прочел лекции в Америке, посвященные южноафриканским событиям.

Став депутатом парламента, Черчилль свою первую речь там 18 февраля 1901 года посвятил проблеме мирного урегулирования в Южной Африке, призвав проявить милосердие к побежденным бурам и "помочь им смириться с поражением". Он заявил: "Будь я буром, надеюсь, что я сражался бы на поле брани".

В парламенте Черчилль отстаивал принцип свободы торговли, считая, что он поможет улучшить благосостояние народа.

Для того чтобы сделать политическую карьеру, Черчилль решил сменить партийную принадлежность. В мае 1904 года, не получив места в кабинете, Черчилль переметнулся к либералам. Последние вознаградили его в декабре 1904 года должностью парламентского статс-секретаря в министерстве колоний. А в январе 1906 года Черчилль выиграл парламентские выборы как кандидат от либералов в северо-западном округе Манчестера. Черчилль был убежден, что верность политика определенным принципам должна быть выше, чем верность партии. Перейдя к либералам, он не порвал связей с влиятельными консервативными политиками. Черчилль надеялся использовать их для налаживания межпартийного диалога. Однако в реальности такой диалог обычно удавалось наладить лишь в критических ситуациях Первой и Второй мировых войн, когда правительству на практике приходилось проводить

двухпартийную согласованную политику. В 1911 году Черчилль организовал "Другой клуб" — центр интеллектуалов, способных подняться над узкими партийными рамками.

Теперь он выступал за либерализацию британского иммиграционного законодательства, что открывало путь в Англию выходцам из Восточной Европы, прежде всего полякам и евреям. После прихода либералов к власти Черчилль стал заместителем министра колоний. Он стремился обеспечить британское господство в Южной Африке посредством союза с побежденными бурами (африканерами). Лидеры бурской оппозиции генералы Бота и Смэтс стали личными друзьями Черчилля и в начале Первой мировой войны обеспечили лояльность большинства буров Британской империи. А во Вторую мировую войну Ян Смэтс возглавлял южноафриканское правительство.

В апреле 1908 года при реорганизации правительства Черчилль стал министром торговли. Таким образом, 33-летний Черчилль стал самым молодым министром торговли и промышленности в британской истории. Он сразу же добился установления минимальной оплаты труда, улучшения системы медицинского страхования и пенсионной системы, а также принятия закона об учреждении бирж труда. Он также предложил на рассмотрение проект закона о пособии по безработице, принятый в 1911 году.

В 1908 году Черчилль провозгласил: "Либерализм — это не социализм и никогда им не будет... Социализм стремится искоренить богатство, либерализм — бедность. Социализм уничтожает личную заинтересованность, либерализм ее охраняет, примирив с правами общества. Социализм губит предпринимательство, либерализм лишь освобождает его от гнета привилегий... Социализм ставит во главу угла регламент, либерализм — человека. Социализм критикует капитал, либерализм — монополии". До конца своих дней Уинстон пребывал в убеждении, что коммунисты "ведут нескончаемую войну против цивилизации, чтобы уничтожить все институты власти, все правительства, все государства в мире. Они стремятся создать международный союз нищих, преступников, бездарностей, бунтовщиков, больных, дебилов и дураков, который должен охватить весь мир".

Черчилль старался провести в жизнь социальные реформы, чтобы предотвратить социальную революцию. В частности, он активно участвовал в разработке законопроекта о защите трудящихся от несчастных случаев.

В 1909 году в борьбе за "Народный бюджет" Ллойда Джорджа,

с которым Черчилль подружился на всю жизнь, он отстаивал высокие налоги на землю, что должно было дать средства для финансирования законов о социальном страховании. Но осуществление этих идей натолкнулось на ожесточенное сопротивление палаты лордов, лишение которой права вето привело к открытому конфликту двух палат парламента.

Согласно действовавшему до 1918 года положению о выборах, каждый вновь назначенный министром должен был пройти процедуру перевыборов в парламент. На этот раз Черчилль в Манчестере проиграл, но спустя 14 дней, несмотря на бурные выступления суфражисток — воинствующих поборниц избирательных прав для женщин, сделавших его главной мишенью своих нападок, — он победил в шотландском городе Данди. Там Черчилль познакомился с Клементиной Хозье, представительницей знатного и богатого семейства, проживавшего в этом городе. Клементина вскоре стала его женой.

СЧАСТЛИВЫЙ СОЮЗ

Надо сказать, что Черчилль определенно не был донжуаном. За почти полвека, прошедших с момента его смерти, не появилось каких-либо мемуаров или документов, позволяющих уличить его в адюльтере. Добрачные же любовные увлечения Уинстона были хорошо известны еще при его жизни, причем до сих пор нельзя с уверенностью сказать, имели ли они чисто платонический характер, или там было что-то более серьезное.

Черчилль не обращал особого внимания на женщин, поскольку был сосредоточен на своем великом предназначении, которое видел в занятиях политикой. А о симпатичных женщинах он говорил: "Возможно, она и красива для вас, но только не для меня". Среди женщин он чувствовал себя неловко и остроумием блистал лишь в мужской компании. К тому же в молодости он не был любителем танцев. Природный эгоизм также не способствовал привлечению женских симпатий. Черчилль привык подавлять собеседника, подчинять его своей воле, а это не могло способствовать его успеху у прекрасного пола, к которому Черчилль, к слову сказать, никогда особенно не стремился. Уинстон говорил: "Я туп и неуклюж в женском вопросе, поэтому мне приходится быть самодостаточным". В отношениях с женщинами у Черчилля романтизм сочетался с неуклюжестью, из-за чего он нередко выглядел смешным в глазах предмета своего обожания, да и всего высшего света.

В ноябре 1896 года Черчилль на турнире по поло в Секундерабаде встретился с дочерью британского резидента в Хайдарабаде Памелой Плоуден. Он радостно сообщил матери: "Она самая прекрасная девушка, какую я когда-либо видел! Она очень умна и красива! Мы собираемся вместо отправиться в Хайдарабад верхом на слоне!" Но во время поездки и последующих встреч дальше поцелуев дело не пошло, и любовь быстро переросла в дружбу, продолжавшуюся вплоть до смерти Уинстона. Летом 1902 года Памела вышла замуж за графа Виктора Литтона. Черчилль признавался, что "Памела — единственная женщина, с которой я смог бы прожить долгую и счастливую жизнь". Именно ей принадлежит следующая афористичная характеристика Черчилля: "Первый раз, когда вы встречаете Уинстона, вы видите все его недостатки, и только в течение всей оставшейся жизни вы начинаете открывать его достоинства". В письмах к ней Черчилль утверждал: "Я способен любить. К тому же мои чувства постоянны и не подвержены переменчивым любовным капризам, наваянным сиюминутным

увлечением. Моя любовь глубока и сильна. Ничто не сможет ее изменить".

Опять-таки нет никаких свидетельств, что какой-либо из мимолетных романов Черчилля до женитьбы вышел из платонической стадии. После мисс Плоуден Черчилль сватался к Мюриэль Уилсон, дочери очень богатого судовладельца, что было немаловажно для Уинстона, почти не имевшего собственных средств, но живущего по принципу: "Если расходы превысили доходы — поступления должны быть увеличены". Он предложил ей руку и сердце, но получил отказ. То ли Мюриэль не понравился эгоизм жениха, то ли она рассчитывала на более выгодную партию. Но друзьями они все же остались.

Очередной отказ Уинстон получил от американской актрисы Этель Бэрримор, которая, по ее собственному признанию, "никогда не считала себя способной к нормальному существованию в мире большой политики".

Наконец, летом 1904 года во время одного из светских приемов наш герой познакомился с 19-летней Клементиной Огилви Хозье, дочерью полковника сэра Генри Монтагю Хозье и леди Блаич, старшей дочери десятого графа Д'Энрли. Для обоих это оказалось любовью на всю жизнь, хотя первоначально они не произвели особенного впечатления друг на друга. А вот насчет того, что полковник Хозье действительно был отцом Клементины, существовали серьезные сомнения. Дело в том, что к моменту развода супругов Хозье в 1891 году леди Бланч имела уже девять только известных широкой публике любовников. А сколько их было всего — знает один Господь Бог. Позднее она будто бы призналась, что родила Клементину и ее старшую сестру Китти от капитана 12-го уланского полка Джорджа Миддлтона, который погиб в 1892 году в возрасте 46 лет, упав с лошади. Полковник Хозье от Клементины и Кити отрекся и лишил жену содержания. Некоторые исследователи выдвигают другую кандидатуру настоящего отца Клементины — дипломата Бертрама Митфорда, работавшего в британских посольствах в России, Японии и Китае. Митфорд прожил долгую жизнь и умер в 1916 году в возрасте 79 лет.

Клементина Черчилль в 1915 г.

Известный лейбористский политик Рой Дженкинс был прав, когда утверждал: "Удивительно, как Уинстон и Клементина, будучи оба отпрысками ветреных дам, создали один из самых знаменитых в истории брачных союзов, прославившись как своим счастьем, так и своей верностью".

Но чего им это стоило! В отличие от своего отца, Уинстон не был ходяком, но в частной жизни был далеко не сахар и совершенно не умел угождать дамским капризам.

Как вспоминала Клементина, "Уинстон держался со мной слишком скованно. Он не только не решился пригласить меня потанцевать, но даже постеснялся проводить на ужин". Потом они не виделись целых четыре года. Новая встреча случилась только в марте 1908 года на приеме у леди Сент-Хелье, где Уинстон присутствовал как заместитель министра по делам колоний. Сначала Черчилль не собирался быть на приеме, но вспомнил, что в свое время леди Сент-Хелье немало способствовала его устройству в суданскую экспедицию, и переменил свое решение. На этот раз Клементина оказалась соседкой Уинстона на банкете. Он спросил свою будущую жену, читала ли она его книгу "Лорд Рэндольф Черчилль", и, получив отрицательный ответ, обещал прислать книгу на следующий день. Но обещание так и не выполнил, чем очень расстроил Клементину. Однако на этот раз Черчилль действительно полюбил. В апреле по его просьбе мать пригласила к себе в арендуемый особняк в Солсбери Холл леди Бланч с дочерью. Теперь Уинстон признался Клементине если не в любви, то к в растущей симпатии к ней: "Мне очень понравилась наша беседа в это воскресенье. Что за радость встретить такую умную и благородную молодую девушку. Я надеюсь, мы еще

встретимся и узнаем друг друга получше. Я не вижу причин, почему бы нам не продолжить общаться".

4 августа 1908 года Уинстон после свадьбы своего брата Джека остановился в загородном доме своего кузена капитана Фредерика Геста, где среди ночи из-за аварии отопительной системы возник пожар. Черчилль начал руководить эвакуацией из горящего дома ценных вещей еще до приезда пожарных и сам с риском для жизни спасал из огня бюсты и древние манускрипты. Клементине, находившейся тогда в Италии, он писал: "Пожар был великолепным развлечением, мы здорово повеселились. Жаль лишь, что подобное веселье обходится слишком дорого". Позднее Клемми узнала, что Уинстон чуть не погиб на пожаре, когда за его спиной обрушилась крыша. Задержись он на пару минут, мог бы погибнуть под обломками. Такая безрассудная храбрость девушке только понравилась, и она начала понимать, что Уинстон ей небезразличен. После возвращения из Италии она воспользовалась приглашением Черчилля посетить родовое поместье герцогов Мальборо Бленхейм. На третий день пребывания в поместье, когда они осматривали розарий, Уинстон преподнес Клементине "самое замечательное кольцо" с огромным красным рубином и двумя бриллиантами. Свадьбу назначили на середину сентября. Вечером Клементина нарисовала для жениха большое сердечко с надписью "Уинстон" внутри. В несколько оставшихся дней, что они жили в Бленхейме, влюбленные обменивались записочками примерно такого содержания: "Моя дорогая. Как ты? Я шлю тебе мою лучшую любовь. Я только что встал, не желаешь прогуляться со мной после завтрака в розарии? Всегда твой У.".

"Мой дорогой. Я в полном порядке и с огромным удовольствием прогуляюсь с тобой в розарии.

Всегда твоя Клементина "

За год до свадьбы Уинстона и Клементины сэр Генри Хозье умер, и Черчилль просил у леди Бланч руки дочери. Он честно заявил: "Я не богат и не слишком влиятелен, но я люблю вашу дочь, и это чувство достаточно сильно для того, чтобы взять на себя великую и священную ответственность за нее. Я смогу сделать ее счастливой, обеспечить ей положение в обществе, достойное ее красоты и добродетели". И будущая теща дала свое согласие. Она полагала, что "трудно сказать, кто из них влюблен больше. Зная характер Уинстона, думаю, что он. Весь мир слышал о его замечательных умственных способностях, но какой, оказывается, он очаровательный и любящий в частной жизни".

Влюбленные писали друг другу письма. Клемми признавалась: "И как я только жила все эти двадцать три года без тебя? Все, что произошло за пять последних месяцев, кажется мне каким-то прекрасным сном". Уинстон отвечал в том же духе: "У меня просто нет слов, чтобы передать тебе любовь и радость, которые переполняют меня, когда ты находишься рядом".

15 августа о предстоящей свадьбе было официально объявлено. Правда, в последний момент Клементина порывалась отменить свадьбу, возможно, опасаясь, что Уинстон слишком часто будет изменять ей с политикой. Но брат Билл сумел внушить ей, до этого трижды разрывавшей помолвки, не делать этого в четвертый раз.

Мюриэль Уилсон поздравила Уинстона с предстоящей свадьбой: "Я ужасно рада, что ты женишься. Я прекрасно знаю, как тебе порой одиноко и как поможет тебе жена. Поздравь от меня Клементину, желаю тебе от чистого сердца удачи и счастья".

Уинни и Клемми обвенчались 12 сентября в два часа пополудни в церкви Святой Маргариты и Вестминстере. Черчилль был в традиционном фраке и цилиндре, по поводу чего некоторые издания иронизировали, что жених похож на принарядившегося кучера. Клементина была в бриллиантовых серьгах, подаренных женихом, и сверкающем платье из белого атласа, со струящейся белой фатой из нежного тюля, украшенной флердоранжем. В свадебном букете, который она несла в руках вместе с Евангелием, были традиционные миртовые веточки и лилии. Новобрачных поздравили министр финансов Ллойд Джордж, предполагаемый отец невесты Бертрам Митфорд, леди Рандольф и бабушка невесты графиня Эйрли.

Забегая вперед, скажем, что в браке Черчилля не все складывалось гладко. Клемми по натуре была романтической идеалисткой и не очень уютно себя чувствовала в мире политики, без которого не мог жить ее супруг. В 1920 году Клемми, вероятно из-за недостаточного внимания со стороны вечно занятого мужа, впала в тяжелую многомесячную депрессию. Впоследствии приступы депрессии повторялись, и все по той же причине. Клемми несколько раз уезжала отдыхать одна. Дочь Мэри характеризовала свою мать как женщину "с натянутыми как струпа нервами" и "неуравновешенным характером".

В декабре 1943 года Черчилль застрял в Тунисе с воспалением легких, усугубленным сердечным приступом. Он был тронут приездом Клемми. Но сама она с улыбкой сказала доктору: "О да! Он очень рад моему приезду, но через пять минут и не вспомнит, что я здесь". А дочь Сару отец успокоил довольно своеобразно: "Не волнуйся, если я умру: война уже выиграна!"

У Уинстона и Клементины родились сын Рэндольф (1911–1968) и четыре дочери: Диана (1909–1963), Сара (1914–1982), Маригольд (1918–1921) и Мэри (баронесса Соме) (1922). Политическую карьеру, хотя и не слишком успешно, пытался сделать только Рэндольф, в 1940–1945 годах являвшийся депутатом палаты общин от консервативной партии. Он начал писать многотомную академическую биографию отца, но успел завершить только два первых тома. Диана в 1939–1945 годах служила в женской вспомогательной службе королевского военноморского флота, дважды была замужем, но неудачно, а потом покончила жизнь самоубийством из-за тяжелого нервного расстройства. Маригольд в возрасте трех лет умерла от септицемии, Сара (в первом браке фон Самек, во втором браке Бочамп, в третьем браке Тьючет-Джессон, баронесса Одли) во время войны служила в женской вспомогательной службе королевских ВВС, затем стала актрисой и танцовщицей и страдала от алкоголизма. Ее любовная связь с женатым американским послом в Лондоне Джоном Гильбертом Винантом закончилась самоубийством последнего после их разрыва в 1947 году. Мэри в годы войны служила во вспомогательной территориальной службе и получила ранг "младшего командира", что соответствует армейскому капитану. Она сопровождала своего отца в качестве адъютанта в нескольких заморских путешествиях. Мэри также написала биографию своей матери.

Предвоенные годы

После январских выборов 1910 года Черчилль возглавил Министерство внутренних дел. 15 февраля 1910 года он заявил коллегам по кабинету: "Пришло время упразднить верхнюю палату". Черчилль также стал президентом "Бюджетной лиги", которая возглавила уличную агитацию против палаты лордов. В результате в 1911 году был принят компромиссный закон, согласно которому палата лордов была лишена абсолютного права вето. Тогда же был принят закон о страховании по болезни и безработице.

Став шефом МВД, Уинстон всерьез озаботился проблемой улучшения условий содержания заключенных. В то же время незаконные забастовки Черчилль всегда подавлял весьма жестко, видя в них угрозу государственной стабильности. Он не колеблясь отдал приказ о подавлении незаконной забастовки шахтеров Южного Уэльса с помощью полиции и армии, чем разочаровал своих друзей на левом фланге либеральной партии, тем более что в ходе подавления забастовки двое рабочих погибли.

В сентябре 1911 года Черчилль был назначен военно-морским министром. Еще в августе он представил кабинету записку, где излагал свою точку зрения на возможное возникновение и ход германо-французской войны. А в том, что такая война скоро начнется, Черчилль нисколько не сомневался. Он был убежден, что Англия ни в коем случае не должна оставить Францию один на один с агрессором, поскольку именно Германия является главным геополитическим соперником Британской империи. Если Германия сокрушит Францию, Лондону будет очень трудно сохранить свою империю. По признанию Черчилля, сделавшись морским министром, он "не мог думать ни о чем, кроме приближающейся войны". Новый министр сразу же провел масштабные реформы на флоте, добившись его перевода с угля на нефть и поощряя строительство новых линкоров класса "супердредноут", повысив главный калибр их орудий до 15 дюймов. Он отменил телесные наказания, поднял жалованье матросам и открыл им путь для производства в офицеры, а также сделал воскресенье выходным днем на флоте. Чтобы гарантировать поставки нефти, Черчилль убедил правительство установить финансовый контроль над Англоперсидской нефтяной компанией, вложив в нее 2 млн фунтов стерлингов, и добился одобрения этой сделки парламентом. В 1914 году, еще до начала войны. Черчилль заключил договор о поставках иранской нефти

англо-иранской нефтяной компанией для нужд британского флота. Он следующим образом характеризовал различия между ролью военного флота для Англии и для Германии: "Для Англии флот — жизненная необходимость, а для Германии — предмет роскоши и орудие экспансии. Как бы силен ни был наш флот, он не страшен самой маленькой деревушке на Европейском континенте. Но надежды нашего народа и нашей империи и все наши ценности, накопленные за века жертв и подвигов, погибли бы, окажись под угрозой господство Англии на море. Только британский флот делает Соединенное Королевство великой державой. Германия же была великой державой, с которой считался и которую уважал весь цивилизованный мир еще до того, как у нее появился первый военный корабль".

В конце 1912 года было достигнуто соглашение с Францией о распределении зон ответственности флотов на Средиземном и Северном морях в случае возникновения войны с Германией, что позволило сконцентрировать главные силы британского флота для операций против Германии. Черчилль утверждал: "Самым поздним сроком начала войны нужно считать осень 1914 года". И он не ошибся в своем прогнозе.

Руководить военно-морским министерством Черчиллю явно пришлось по душе. В те годы профсоюзный лидер и будущий министр продовольствия и внутренних дел Джои Роберт Клайиз утверждал, что "Черчилль всегда оставался солдатом в штатском". Также английский историк Эли Халеви считал, что "в душе этот либеральный, даже ультралиберальный политик всегда был солдатом".

Черчилль стал отцом военно-морской авиации, которая уже во Второй мировой войне благодаря появлению авианосцев стала играть решающую роль в боевых действиях на море. Хотя первоначально Черчилль предполагал использовать самолеты главным образом для морской разведки. Но вскоре будущий британский премьер одним из первых оценил боевой потенциал авиации, предложив установить на самолетах пулеметы, торпеды и приспособления для сбрасывания бомб. Ему также еще до начала Первой мировой войны пришла в голову идея создания авианосцев. Не случайно первый авианосец в мире был построен в Англии. Черчилль также стал инициатором создания самолета, способного взлетать с водной поверхности и садиться на нее, и он же придумал название этой машины — "гидросамолет".

Вскоре после прихода в Адмиралтейство Черчилль сам поднялся в воздух в качестве пассажира, а потом заявил: "Сейчас самолеты хрупки и ломки, но, поверьте мне, настанет день, когда они, сделавшись надежными, будут представлять огромную

ценность для нашей страны". Его любовь к Королевским ВВС отразилась в том, что в годы Второй мировой войны Черчилль имел звание почетного командора ВВС и чаще всего щеголял в мундире офицера авиации.

В 1912–1913 годах Черчилль с энтузиазмом брал уроки пилотирования, совершая до десяти вылетов в сутки. Летал он и на дирижаблях. Потом он восторженно говорил жене: "Это удивительное транспортное средство. Им так легко управлять, что мне даже в течение целого часа разрешили побыть первым пилотом". Впрочем, настоящим асом Уинстон так и не стал. Пилотировал он самолет довольно уверенно, но с взлетом и посадкой все время возникали проблемы. Черчиллю мешали замедленная реакция и излишняя эмоциональность. Для пилота он был недостаточно хладнокровен. После нескольких авиакатастроф, происшедших с его друзьями-пилотами, Клементина безуспешно пыталась убедить Уинстона поменьше летать: "Заклинаю тебя, не поднимайся в воздух этим утром — обещали сильный ветер, и вообще сегодня не самый удачный день для воздухоплавания".

"Тебе не о чем беспокоиться, — успокоил супругу Черчилль. — На аэродроме одновременно взлетают по двадцать самолетов, и тысячи вылетов обходятся без единого несчастного случая".

Но тут же добавил: "Ты так хорошо меня знаешь. С помощью своей интуиции ты видишь все мои достоинства и недостатки. Иногда мне кажется, что я способен завоевать целый мир, но я тут же понимаю, что я не более как тщеславный дурак... Твоя любовь ко мне — самое великое счастье, выпавшее на мою долю. Ничто в этом мире не может изменить мою привязанность к тебе. Я хочу стать лишь еще более достойным тебя".

Уинстон продолжал полеты почти до самого начала Первой мировой войны, совершил 140 вылетов и готовился сдать экзамен на самостоятельное пилотирование, но не успел. Клементина как раз ждала третьего ребенка, и он не хотел, чтобы она нервничала из-за его полетов. Главное же с началом Первой мировой войны первому лорду Адмиралтейства (так официально именуется в Англии военно-морской министр) Черчиллю стало не до пилотирования.

Как отмечает германский историк Дитрих Айгнер, "без сомнения, в это время наряду с Ллойдом Джорджем он был самой яркой звездой на политическом небосклоне Англии, как и всякая незаурядная личность, вызывал споры, а порой и враждебность. Но он обладал немалым весом в высших политических кругах и имел хорошие перспективы для того, чтобы продолжать

восхождение к самой вершине. Надо было только искоренить свою юношескую поспешность и обуздать присущее ему высокомерие".

Однако очень скоро карьера и популярность Черчилля подверглись суровым испытаниям.

Начало первой мировой

Начало Первой мировой войны Черчилль встретил с воодушевлением. Он надеялся, что она позволит ему проявить себя не только как действительно великий политик и полководец (точнее, флотоводец). "Я заинтересован, увлечен и просто счастлив", — признавался он в письме жене 28 июля 1911 года. Премьер Асквит запомнил Черчилля в дни кризиса, приведшего к войне, "в очень воинственном настроении", а секретарю кабинета Морису Хенки показалось, что "Черчилль прямо-таки изголодался по войне". В этот критический момент морской министр был одним из немногих членов правительства, кто решительно выступал за войну против Германии, которую он ожидал уже три года. 2 августа, не будучи еще уполномочен кабинетом, он распорядился завершить мобилизацию флота. А в узком кругу наиболее влиятельных министров Черчилль высказывался категорически против отсрочки вступления Британии в войну, поскольку война все равно неизбежна, а любое промедление будет выигрышем для Германии, делавшей ставку на "молниеносную войну".

В то же время отъезжавшему из Лондона влиятельному германскому бизнесмену, владельцу крупнейшей в мире судоходной компании "Гамбург-Америкалайн" Альберту Баллину, Черчилль 27 июля при прощании заявил: "Мой дорогой друг, давайте не будем воевать!" Но это была всего лишь уловка, призванная посеять у правящих кругов Германии иллюзию, что Англия воевать не будет. Черчилль рассчитывал таким образом надежнее втянуть Германию в мировую войну.

С началом Первой мировой войны Черчиллем был возвращен на пост первого морского лорда Адмиралтейства (фактически это была вторая по значимости должность в Адмиралтействе, на которую всегда назначался профессиональный военный моряк) адмирал сэр Джон Арбетнот Фишер, ушедший в отставку в 1910 году. Он выступал за проведение операций на германском побережье Балтийского моря, что Черчилль справедливо считал авантюрой, способной лишь привести к большим потерям британского флота из-за минной опасности и атак подводных лодок.

Черчилль надеялся вызвать германский флот на бой и разгромить его в генеральном сражении. Но более слабый германский флот пока что избегал встречи с британским "Грэнд Флитом". Громких побед на море в ближайшее время не предвиделось, и Черчилль решил попытать счастья на суше.

3 октября 1914 года он прибыл в Антверпен и лично возглавил оборону города, который бельгийское правительство предлагало сдать немцам. Порт Антверпен, окруженный поясом укреплений, обороняла бельгийская армия, и Черчилль предложил срочно направить туда британские войска, командование которыми он готов был взять на себя, чтобы не отдать порт противнику и обеспечить защиту остальных портов Северного моря на побережье Бельгии и Франции — от Остенде до Кале. По просьбе военного министра лорда Китченора он привлек к обороне кадровую бригаду морской пехоты и две военно-морские бригады, только что сформированные из моряков, плохо экипированные и слабо подготовленные к сухопутным боям.

Во время обстрелов Антверпена Черчилль невозмутимо разгуливал под пулями, несмотря на беспокойство своего помощника-адмирала. Черчилль отправил телеграмму в Лондон, в которой сообщал о своей готовности оставить Адмиралтейство, чтобы на мес те руководить британской армией. Он уверял премьера Асквита: "Речь идет не о политической карьере, а только о военной славе".

Разрешение Черчиллю, на его счастье, не было дано. Антверпен пал 10 октября, причем погибло 2,5 тыс. бельгийских солдат, 17,5 тыс., в том числе многие раненые, попали в плен, а еще 33 тыс. бельгийских и 1500 британских военнослужащих были интернированы в Нидерландах. Еще 7 тыс. бельгийских и британских военнослужащих смогли переодеться в гражданское платье, а затем, будучи интернированными в качестве гражданских беженцев, смогли бежать в Англию и продолжить борьбу. Потери британского контингента в Антверпене составили 57 убитых, 138 эвакуированных раненых, 1479 интернированных в Нидерландах и 936 пленных. Черчилля обвиняли в неоправданной трате ресурсов и жизней, хотя многие отмечали, что оборона Антверпена помогла англичанам удержать Кале и Дюнкерк.

Если бы Черчиллю разрешили принять командование над обороной Антверпена и остаться в осажденном городе до конца, он бы, по всей видимости, погиб, попал в плен или, вероятнее всего, был бы интернирован в Нидерландах до конца войны. Но даже в последнем случае продолжение политической карьеры оказалось бы под вопросом, поскольку после возвращения из Нидерландов или из плена его место в правительство было бы уже давно занято, и не факт, что ему предоставили бы новый министерский портфель. Шанс на политическое выживание у него оставался бы только в том случае, если бы ему удалось оказаться

среди тех 7 тыс. интернированных в Нидерландах, кому удалось бежать в Англию в первые недели после интернирования.

Неудача в Дарданеллах

Черчилль в конце 1914-го и в начале 1915 года был горячим сторонником проведения Дарданелльской операции — захвата черноморских проливов и Стамбула (Константинополя), что, по его мнению, привело бы к капитуляции Османской империи и открыло бы путь для прямых поставок вооружений и военных материалов в Россию через Средиземное и Черное моря. Вместо того чтобы, по его выражению, "жевать колючую проволоку у и жертвовать десятками тысяч жизней на Западном фронте, Черчилль предлагал использовать преимущество британского флота и обойти с фланга Центральные державы. Таким образом можно было попытаться сокрушить их самое слабое звено — Турцию. Таким образом, Дарданелльская операция задумывалась как операция по оказанию помощи России и должна была решающим образом переломить ход войны в пользу Антанты. Эта операция во многом предпринималась в ответ на просьбы из Петрограда о помощи, так как в русской армии ощущалась острая нехватка артиллерийских снарядов и других боеприпасов.

Стратегический замысел предложенной Черчиллем операции был хорош, но вот ее исполнение оставляло желать много лучшего. Военный опыт Черчилля практически ограничивался ротным уровнем, к тому же в весьма специфических условиях колониальных войн. Он никогда не руководил ни большими группировками сухопутных войск, ни силами флота в боевых условиях. Поэтому Черчилль сперва наивно думал, что для падения Константинополя хватит чисто морской операции с небольшим десантом морской пехоты, но эксперты убедили его, что без высадки значительных сухопутных сил не обойтись. Однако операция готовилась в большой спешке и в условиях, когда английское и французское командование стремилось минимизировать численность войск, снимаемых с Западного фронта.

Атака британской пехоты в ходе Дарданелльской операции

Британцы недооценили оборонительные возможности турок, которым помогали германские советники и германские корабли — линейный крейсер "Гебен" и крейсер "Бреслау", а главное, недооценили минную опасность. Вообще будущий театр боевых действий был практически не разведан.

13 января 1915 года было принято решение о проведении Дарданелльской операции. Первоначально рассчитывали обойтись небольшим десантом морской пехоты. 19 февраля англо-французская эскадра из 6 линкоров и линейного крейсера весь день обстреливала турецкие форты в районе Проливов, но не смогла нанести им существенного вреда. 18 марта более мощная англо-французская эскадра, войдя в пролив Дарданеллы, подавила турецкие форты и прорвалась в Мраморное море, но потеряла при этом на минах четыре броненосца. Еще два броненосца были повреждены. Это была слишком высокая цена за несколько устаревших фортов, на которых было потеряно только 8 орудий и которые турки к тому же смогли частично восстановить, поскольку немедленной высадки десанта не последовало. Турецкий гарнизон Стамбула в феврале 1915 года насчитывал 34,5 тыс. человек с 263 орудиями и 8 пулеметами. Если бы в тот момент союзники могли бы высадить тот десант, который они высадили в апреле, они, наверное, смогли бы овладеть турецкой столицей. Но в тот момент французы и британцы еще не собрали силы для десанта.

Пришлось разрабатывать масштабную десантную операцию, которая последовала 25 апреля. В первой волне на полуостров Галлиполи должны были высадиться 12 тыс. пехотинцев. Из них более 3 тыс. оказались убиты или ранены. Всего же в первый день из союзной группировки в 81 тыс. человек было потеряно убитыми и ранеными 18 тыс. человек. Начались затяжные бои,

ряды франко-британского экспедиционного корпуса редели от болезней. Уже 17 мая Черчилля убрали из Адмиралтейства, назначив на малозначительный министерский пост канцлера Ланкастерского герцогства. Двумя днями ранее был уволен с поста первого военно-морского лорда адмирал "Джекки" Фишер, на которого также возложили ответственность за провал Дарданелльской операции и назначили на малозначительную должность председателя правительственного бюро по изобретениям и исследованиям.

Имела ли Дарданелльская операция шансы на успех, и могла ли она решающим образом повлиять на ход Первой мировой войны? Думаю, что на оба вопроса можно ответить положительно, оговорившись, что создать условия для ее успеха в конкретных обстоятельствах весны 1915 года было очень трудно. Цель вывода из войны Турции, сохранения фронта против Австро-Венгрии на Балканах и широких поставок в Россию через Проливы была вполне достижима. Турция и турецкие войска были внутренне слабы, а германских войск на территории Оттоманской империи тогда еще не было. Но слабость турок сыграла с союзным командованием, и в частности с Черчиллем, злую шутку. Он решил, что можно действовать быстро и обойтись сравнительно небольшими силами.

Шансы на успех у Дарданелльской операции были, но только при условии, если бы она была тщательно подготовлена и проводилась с использованием значительных сил и средств. Надо было сразу высаживать на Галлиполи мощный десант, а союзный флот — оснастить необходимым числом тральщиков. Для того чтобы это сделать, требовалось несколько месяцев на подготовку, в том числе создание достаточной группировки британских и французских десантных судов в Средиземном море, способной высадить уже в первой волне десанта в районе Проливов не менее 6 дивизий (120 тыс. человек, т. е. в 10 раз больше, чем было в реальности высажено в первой волне), и иметь наготове еще полумиллионную группировку для развития успеха в последующие дни. Эти силы были бы в состоянии быстро разбить 5-ю турецкую армию, оборонявшую Проливы, и овладеть Стамбулом (Константинополем). Тогда бы не пришлось тратить значительное число судов и ресурсов на снабжение морским путем высаженного на Галлиполи экспедиционного корпуса в течение полугода. Но для этого надо было предварительно сосредоточить все необходимые сухопутные и морские силы, включая десантные суда, не тратить время и ресурсы на чисто морские операции против Дарданелл, стоившие больших потерь, но не принесшие сколько-нибудь существенных результатов.

И здесь, пожалуй, больше виноват был не Черчилль, а адмирал Фишер. Он не был энтузиастом Дарданелльской операции, но, когда решение о ее проведении было принято, Фишер, как военно-морской профессионал с колоссальным опытом, должен был настоять на бесполезности чисто морской операции и указать Черчиллю, сколько сил и средств необходимо сосредоточить для успешной высадки и захвата Стамбула.

На практике в Дарданелльской операции союзникам пришлось использовать 610 тыс. человек, из которых 490 тыс. пришлось на страны Британской империи, а 120 тыс. — на Францию и ее колонии в Северной Африке, тогда как турки противопоставили им не более 450 тыс. человек.

На практике же происходило очень постепенное наращивание численности десанта, что давало время туркам как следует подготовиться к отражению атак союзников, подбрасывая подкрепления и боеприпасы.

В случае успеха Дарданелльской операции картина войны могла бы радикально измениться. После капитуляции Турции Сербия и Черногория вполне могли бы с помощью англо-французских войск удерживать фронт против Австро-Венгрии. Болгария в этом случае наверняка не выступила бы на стороне Центральных держав, как это она в действительности сделала, когда стал ясен неуспех Дарданелльской операции, а либо сохранила бы нейтралитет, либо присоединилась бы к Антанте. Также к Антанте уже в 1915 году присоединилась бы Румыния. В Россию бы весной 1915 года потек широкий поток военных грузов, а русские войска, освободившиеся на Кавказском фронте, укрепили бы фронты против Австро-Венгрии и Германии. В результате поражение русских армией весной-осенью 1915 года было бы гораздо менее серьезным, и они остановились бы западнее тех рубежей, на которых и действительности оказались. В результате у Антанты были бы все шансы заставить Германию и Австро-Венгрию капитулировать уже к концу 1916 года. Тогда не было бы ни революции в России, ни Второй мировой войны, по крайней мере в том виде, в каком она была в действительности.

В феврале 1915 года в интервью парижской "Матэн" Черчилль заявил, что борьба будет вестись до полной капитуляции Германии и что врага будут душить так долго, пока у него не остановится сердце.

А на самом деле в ноябре 1915 года франко-британские войска, так и не сумев захватить Стамбул, были эвакуированы с Галлиполийского полуострова. Эвакуация завершилась 8 декабря. К тому времени удержание Галлиполи потеряло всякий смысл. В сентябре Болгария выступила на стороне Центральных держав.

Австро-германские и болгарские войска разгромили Сербию и Черногорию. Теперь была установлена территориальная связь между Турцией и ее союзниками, так что захват англо-британскими войсками Стамбула уже ничего бы не решил, да и на практике оказался невозможен. Теперь войска из Галлиполи эвакуировали для нового Салоникского фронта.

В ходе Дарданелльской операции британские потери убитыми и умершими от ран и болезней! составили 34 072 человека, французские — более 10 000, австралийские — 8709, новозеландские — 2721, индийские — 1358 и ньюфаундлендские — 49 человек, а всего 56 707 человек. Потери ранеными составили соответственно у Англии — 78 520 человек, у Франции — 17 371, у Австралии — 19 441, у Новой Зеландии — 4752, у Индии — 3421, у Ньюфаундленда — 93 человека, а всего — 123 598. Кроме того, англичане потеряли 7654 пропавшими без вести. Общие боевые потери союзников составили 187 959 человек, включая 64 361 — безвозвратные. Потери Англии и стран Британской империи эвакуированными больными составили около 90 тыс. человек, а французской армии — около 20 тыс. человек. Вместе с эвакуированными больными общие потери союзников достигают около 298 тыс. человек. Турки потеряли, по оценке союзников. 74 635 убитыми и 110 194 ранеными. По турецким же данным, общие потери турецкой армии не превышали 218 тыс. человек, в том числе 66 тыс. убитыми. Потери турецкой армии в боях за Дарданеллы в период с 4 апреля по 19 декабря 1915 года составили 595 офицеров и 56 048 солдат убитыми, 1018 офицеров и 95 989 солдат ранеными и 27 офицеров и 11 151 солдат пропавшими без вести, а всего 164 828 человек. Было эвакуировано 64 400 больных. С добавлением эвакуированных больных турецкие потери составят 229 268 человек. По турецким данным, около 21 тыс. раненых и больных умерли в госпиталях. Тогда общие безвозвратные потери турок можно оценить в 88,8 тыс. человек. Общие потери союзников в 1,3 раза превышали потери турок — за счет большого числа больных. А вот по безвозвратным потерям соотношение было в пользу союзников — 1,38:1.

Позднее, в мемуарах "Мировой кризис", Черчилль утверждал, что во время войны генералы и адмиралы почти всегда ошибались, тогда как гражданские политики почти всегда действовали правильно. Но объективный анализ Дарданелльской операции приводит к выводу, что ошибки в равной мере совершали и те, и другие.

В 1969 году Клементина рассказывала Мартину Гилберту, автору наиболее фундаментальной биографии Черчилля в восьми

томах (первые два тома написал сын Черчилля Рэндольф): "Провал в Дарданеллах преследовал Уинстона в течение всей жизни. После ухода из Адмиралтейства он считал себя конечным человеком. Он думал, что никогда больше не вернется в правительство. Я думала, что он никогда больше не придет в норму, и боялась, что он умрет от горя". В тот раз Черчилль вышел из депрессии благодаря обращению к живописи, ставшей его любимым хобби. Тогда в Саррее он создал несколько неплохих пейзажных акварелей. Сам Черчилль признавался: "Я даже не знаю, как бы я смог пережить эти ужасные месяцы с мая по ноябрь, когда ушел из кабинета министров, если бы в мою жизнь не вошло это новое большое увлечение. Все лето я самозабвенно рисовал. Нет другого такого рода деятельности, которая полностью отвлекала бы от мрачных мыслей. Вот, например, гольф. Он совершенно не подходит для этой цели. Играя партии, я большую часть времени думаю о делах. Даже между чаккерами в поло то и дело мелькают печальные мысли. В живописи же все иначе. Я не знаю какого-либо другого занятия, которое, абсолютно не изматывая тело, настолько полно поглощает ум. Какие бы заботы ни принес день, какие бы угрозы ни таило в себе будущее, едва картина начинает рождаться, все тревоги отступают, для них больше нет места в голове. Они уходят в тень и исчезают во мраке".

Всего за более чем 40 лет занятий живописью Черчилль создал около 500 картин.

15 ноября 1915 года Черчилль ушел из правительства и отправился на Западный фронт, в звании майора будучи назначен в штаб 2-го батальона полка гвардейских гренадеров. Некоторое время спустя был произведен в подполковники и с 1 января 1916 года стал командовать 6-м батальоном Шотландских Королевских Фузилеров во Фландрии и оставался на этом посту вплоть до мая 1916 года. Черчилль хотел командовать бригадой, но ему в этом было отказано. Лорд Диде позднее объяснил, почему Черчилль рвался на фронт:

"Он был с гвардейскими гренадерами, в штабе которых дарил сухой закон. Они предпочитали чай с молоком, который не производил никакого впечатления на Черчилля. Зато на фронте, в траншеях, был разрешен алкоголь. Поэтому он сказал полковнику, что ему надо увидеть больше на войне, и таким образом попал на линию фронта. Полковнику этот поступок Черчилля очень понравился". Он не боялся лезть под пули, заявляя окружающим: "Глупо укрываться от той пули, которая уже просвистела. Раз она вас не задела, значит, она предназначена не вам". Черчилль был гуманным и заботливым командиром, и

солдаты его батальона искренне расстроились, когда он их покинул.

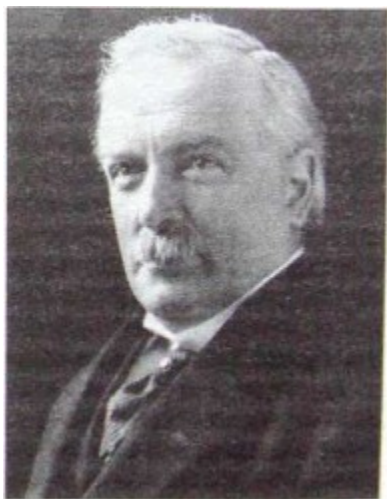
Черчилль писал одному из своих друзей о днях, проведенных на фронте, что "ведет веселую жизнь с милыми людьми, абсолютно счастлив и свободен от забот и не может вспомнить, переживал ли еще когда-нибудь такие приятные три недели".

Когда Черчилль отправился на Западный фронт после ухода из правительства, была идея присвоения ему звания бригадного генерала, что дало бы ему некоторые возможности для проявления полководческого таланта. Однако производству Черчилля в генералы категорически воспротивился тогдашний командующий британскими экспедиционными силами во Франции и Бельгии генерал Дуглас Хейг, так что военная карьера будущего премьера не состоялась. Наверное, и к лучшему. Все-таки главным призванием Черчилля, при всей многогранности его личности, была политика, где ему предстояло исполнить великую миссию — привести Англию к победе во Второй мировой войне, спасти Туманный Альбион от порабощения Гитлером.

Командуя батальоном шотландских стрелков, Черчилль нарисовал четыре картины: одну — в укрытии а три — непосредственно на линии огня. На солдат и офицеров батальона подобное спокойное мужество произвело чрезвычайно сильное впечатление. Каждый раз, когда батальон оказывался на линии фронта, Черчилль невозмутимо делал зарисовки, не обращая внимания на неприятельский огонь.

Новый старт

Когда в декабре 1916 года Ллойд Джордж встал во главе правительства, он решил вернуть Черчилля в состав кабинета, несмотря на противодействие консерваторов. В начале 1917 года Черчилль выступил в парламенте с обзором военного положения. А 16 июля 1917 года он был назначен министром вооружений, хотя и не был еще введен в состав узкого военного кабинета.

Дэвид Ллойд Джордж

В качестве председателя "Комиссии по сухопутным кораблям" (Landships Committee) Черчилль принял участие в разработке первых танков и создании танковых войск. Весной 1917 года он говорил: "Машины могут заменить люден... Различные механизмы способны сделать человека сильнее, служить опорой венцу творения". Танки должны были уменьшить потери и стать главным средством для обеспечения прорыва германского фронта на западе. И в "черный день" германской армии, 8 августа 1918 года, Черчилль присутствовал при танковой атаке союзников, которая привела к прорыву германского фронта.

Когда в июле 1918 года начались волнения среди рабочих военных заводов, Черчилль сразу же пригрозил забастовщикам отправкой на фронт, убив стачку в зародыше.

После капитуляции Германии в ноябре 1918 года коалиция Ллойда Джорджа победила на парламентских выборах в декабре 1918 года, на которых впервые право голоса получили женщины. Но теперь либеральная партия раскололась на группу Асквита,

перешедшую в оппозицию, на новую самостоятельную лейбористскую партию, основой которой стало левое крыло либералов, и на сторонников Ллойда Джорджа. В результате три четверти портфелей в кабинете Ллойда Джорджа досталось консерваторам. Черчилль понял, что конец либеральной партии не за горами.

После выборов Черчилль перешел в министерство по военным делам и авиации. Ему пришлось решать трудную задачу — демобилизацию миллионов британских военнослужащих. Новый министр отменил прежнюю практику, когда из армии увольняли прежде всего тех, в ком остро нуждалась промышленность и кого поэтому призвали в армию последними. Теперь демобилизация осуществлялась строго в соответствии со сроком службы и пребывания на фронте. Таким образом удалось избежать недовольства старослужащих. В первую очередь увольнялись военнослужащие ранних призывов. В течение полугода из вооруженных сил были уволены три миллиона человек. В том, что демобилизация прошла без каких-либо социальных потрясений, была большая заслуга Черчилля.

Черчилль не раз говорил о необходимости "задушить большевизм в колыбели". Став в июле 1917 года министром вооружений, он был одним из инициаторов британской военной интервенции в России после того, как там в ноябре 1917 года победили большевики. Ленина он называл "чудовищем, карабкающимся по пирамиде, сложенной из черепов", а большевистское учение — "философией ненависти и смерти". И предупреждал: "В конечном счете коммунистический нигилизм ведет к тому, что большевики разрушают все, что попадает на их пути... Они, как вампиры, высасывают кровь из своих жертв". Как считал Черчилль, России не на что надеяться, пока "гнусная шайка фанатиков-космополитов продолжает держать за волосы и тиранить русский народ". Его вывод был однозначным: "Большевистская тирания — самая страшная в истории человечества, самая разрушительная и постыдная".

У Черчилля даже был план, согласно которому несколько десятков тысяч солдат англо-французского экспедиционного корпуса должны были соединиться с белыми армиями и свергнуть большевиков. После окончания Первой мировой войны он действовал под лозунгом: "Мир с немецким народом, война с большевистской тиранией!"

Однако очень скоро стало ясно, что солдаты, особенно французские, сыты по горло Первой мировой войной и вмешиваться в гражданскую войну в России не имеют никакого желания. Пришлось ограничиться оставлением британских,

французских и других союзных войск в Мурманске, Архангельске и Владивостоке и снабжением белых армий вооружением и боеприпасами, но это оказалось недостаточно для их победы. С конца 1919 года, после поражений армий Деникина и Колчака. Англия по настоянию Ллойда Джорджа вообще прекратила помощь белым армиям, хотя оптимист Черчилль еще 21 октября 1919 года видел "убедительные основания полагать, что русский народ за короткий период времени положит конец большевистской тирании".

"Германию, — писал Черчилль 23 ноября 1919 года, — не следует теснить дальше на восток все более жесткими репарационными требованиями, так как на востоке она может найти все, в чем нуждается. "Лига побежденных народов" вполне может замыслить войну; поэтому, сохраняя высочайшую бдительность, надо предупредить опасность альянса между русскими и немцами; мы должны непрерывно наблюдать за Германией, в военном плане держать ее под контролем и с помощью экономических поощрений опять ввести ее в содружество европейских народов".

Однако в ноябре 1919 года, несмотря на горячие протесты Черчилля, кабинет принял постановление о выводе британских войск из России и приостановке какой-либо помощи белым, которые к тому времени уже потерпели поражение и были обречены.

Чтобы британские рабочие не заболели "русской болезнью", Черчилль выступал за развитие социальных программ. В то же время ему так и не удалось убедить премьер-министра Дэвида Ллойда Джорджа начать полномасштабную интервенцию с использованием в боевых действиях десятков и сотен тысяч британских солдат. Премьер признавал, что британская армия очень устала за годы Первой мировой войны и вряд ли будет в восторге, что ей вновь придется воевать, теперь против России, которая еще вчера была союзницей по Антанте, причем воевать в ходе интервенции, цели которой были совершенно неясны миллионам жителей Соединенного Королевства.

В конце июля 1920 года под впечатлением поражений, которые поляки потерпели от Красной армии в ходе советско-польской войны, Черчилль писал: "Немцам открыт путь к покаянию за преступления в мировой войне, они должны образовать защитный вал, охраняющий мирную, законопослушную, упорядоченную жизнь от потока варварства, который бушует сейчас на востоке. Оказав таким образом себе и своим бывшим противникам на западе эту услугу, продиктованную не страстью к военным авантюрам, а жадной

славы, они, без сомнения, сделают большой шаг по пути к собственному освобождению".

Однако поляки смогли разгромить Красную армию и без германской поддержки. Хватило помощи от Франции, США и Румынии. А вот Англия даже в условиях критического военного положения Польши никакой помощи ей не оказала. Черчилль не сумел переубедить Ллойда Джорджа, который как раз в это время вел переговоры с Советской Россией о заключении торгового соглашения.

При активной поддержке Черчилля в 1921 году для военного министерства была принята предпосылка, положенная в основу бюджетного законодательства и гласившая, что "Британская империя в течение ближайших десяти лет не будет вовлечена ни в какую крупную войну и не будет необходимости в экспедиционных войсках". Так и получилось, если считать с 1921 года. Но беда в том, что это положение неизменно повторялось из года в год, вплоть до середины 30-х годов. И все это время приходилось увеличивать реальные военные расходы. А когда рост германской военной угрозы заставил отказаться от столь оптимистического взгляда на будущее, Англия уже существенно отстала от Германии в гонке сухопутных и авиационных вооружений.

Став военным министром и по совместительству министром авиации, Черчилль решил завершить свою летную подготовку и сдать экзамен на пилота. 18 июля 1919 года он вместе со своим инструктором, асом Первой мировой войны полковником Джеком Скоттом, попал в аварию. Когда Уинстон стал поднимать самолет в воздух, на высоте около 20–25 метров машина вдруг начала резко терять скорость. Скотт взял управление на себя, но тщетно — самолет перешел в свободное падение. К счастью, он не успел набрать высоту, а Скотт перед самым падением смог отключить мотор, что предотвратило возгорание. Черчилль вспоминал: "Я увидел под собой залитый солнцем аэродром и успел подумать, что у солнечных бликов какой-то зловещий оттенок. И тут я понял, что это Смерть". Но Уинстону, как всегда, повезло. От удара о землю его выбросило из кабины, но все ограничилось легкой контузией и несколькими ссадинами на лице. Скотт же получил более серьезные повреждения. После этого инцидента Черчилль внял наконец просьбам жены и других своих родных и навсегда завязал с пилотированием.

В 30-е годы Черчилль будет ратовать за создание эффективной системы ПВО, станет одним из инициаторов разработки радаров. Уже во время Второй мировой войны он предложил разбрасывать алюминиевую фольгу, чтобы радарные

станции противника не могли распознать самолеты, поскольку фольга оставляла на экране примерно такой же след, как и летящий строй самолетов. Черчилль также изобрел навигационный прибор, позволяющий пилотировать машину в условиях плохой видимости. И он по-прежнему много летал, но теперь уже в качестве пассажира.

В связи с тем, что роль военного министерства после заключения мира значительно ослабла, в феврале 1921 года Черчилль перешел в министерство колоний. Сразу после прихода на этот пост он созвал в Каире конференцию всех британских представителей на Ближнем Востоке, попытавшись урегулировать политические вопросы с арабскими лидерами британских подмандатных территорий и санкционировал правление Хашимитских династий в Трансиордании и Ираке.

Однако нерешенным оставался палестинский вопрос. Черчилль хотел избежать открытого конфликта с исламским миром, но в то же время симпатизировал сионизму и дружил с доктором Хаимом Вейцманом, одним из лидеров сионистского движения, отстаивавшим идею общности британских и еврейских интересов. 8 февраля 1921 года Черчилль опубликовал статью "Сионизм против большевизма", где утверждал, что еврейский народ может реализовать свой потенциал в Палестине до того, как на родине погромов, в России, он превратится в носителя всемирного разрушительного движения. Черчилль поддерживал еврейскую колонизацию Палестины, но не знал, как примирить ее с требованиями палестинских арабов о создании здесь арабского государства.

В Ирландии Черчилль провел переговоры с партией "Шин фейн", боровшейся за независимость. Ему удалось добиться того, что 6 декабря 1921 года ирландские лидеры подписали наконец договор о разделе острова на Ирландскую республику и Северную Ирландию, населенную преимущественно протестантами и оставшуюся в составе Соединенного Королевства. Этого удалось достичь благодаря тому, что британская армия и формирования полицейского резерва из бывших кадровых военнослужащих, так называемые черно-пегие (названные так, поскольку носили армейские штаны цвета хаки и черный полицейский мундир), нанесли поражение партизанским отрядам ирландских националистов.

22 октября 1922 года кабинет министров Ллойда Джорджа ушел в отставку. Причиной стало поражение Греции в греко-турецкой войне и неспособность Англии предотвратить разгром греческой армии. Черчилль ратовал за использование британских войск, стоявших в районе Дарданелл. 15 сентября он в

ультимативной форме потребовал от турок остановить наступление, угрожая в противном случае открытием военных действий со стороны британских войск. Однако командующий британскими войсками в районе Проливов отказался передавать ультиматум, и войны удалось избежать. К тому же Франция отказалась выступить против Турции.

Биржевой крах и литературный триумф

В ноябре 1922 года Черчилль столь же разгромно проиграл выборы в своем округе Данди, как проиграла их либеральная партия, которая уже никогда больше не могла претендовать на роль одной из двух крупнейших партий Великобритании. Раскол и конкуренция со стороны лейбористов привели либералов к краху.

В 1924 году Черчилль покинул ряды либералов и вернулся к консерваторам, чтобы стать министром финансов в новом правительстве. Он мотивировал свой переход тем, что только консерваторы могут противостоять коммунистическому влиянию в Англии и победить лейбористов, которые, как полагал Уинстон, во многом разделяли коммунистические идеи. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Черчилля, стало то, что фракция Асквита поддержала создание лейбористского правительства меньшинства. "Я думаю только об одном, — писал Черчилль 7 марта 1924 году лидеру консерваторов Стэнли Болдуину, — как собрать и объединить все силы перед предстоящим натиском социализма". В марте как раз проходили выборы в районе Вестминстерского аббатства. На них Черчилль шел как независимый кандидат. Руководство консервативной партии оказало ему мощную поддержку, миллионер Джеймс Ранкин финансировал его предвыборную кампанию (теперь закон позволял это делать). На этот раз Черчилль проиграл всего 43 голоса своему сопернику-консерватору, но более важным было то обстоятельство, что блудного сына вновь стал считать своим консервативный истеблишмент.

Черчиллю быстро подыскали округ с гарантированным попаданием в парламент, и в октябре 1924 года он снова вошел в палату общин в качестве депутата от Эппинга (графство Эссекс). Он избирался как независимый кандидат, но в парламенте сразу же присоединился к фракции консерваторов. Отныне он всегда избирался в парламент только от округа Эппинг.

За два года вынужденного безделья Черчилль начал писать мемуары об эпохе Первой мировой войны, назвав их "Мировой кризис". В этой книге он, в частности, доказывал, что всегда сохранял верность своим убеждениям, хотя не раз менял партийную принадлежность.

Черчилль верил в неизбежность попытки немецкого военного реванша.

Черчилль считал коммунистическую опасность весьма актуальной как для Англии, так и для стран Британской империи и требовал "задушить коммунизм в колыбели". Михаил Булгаков, автор сатирической повести "Роковые яйца", где рожденные из-за красного луча, открытого профессором Владимиром Ипатьичем Персиковым, пародирующим Владимира Ильича Ленина, гигантские гады пожирают людей и едва не завоёвывают Москву, но гибнут от внезапно ударивших морозов, сохранил в своем архиве следующее сообщение ТАСС от 24 января 1926 года, озаглавленное: "Черчилль боится социализма". Там говорилось, что 22 января министр финансов Великобритании Уинстон Черчилль, выступая с речью в связи с забастовками рабочих в Шотландии, указал, что "ужасные условия, существующие в Глазго, порождают коммунизм", но "мы не желаем видеть на нашем столе московские крокодиловые яйца (подчеркнуто Булгаковым. — Б.С.). Я уверен, что наступит время, когда либеральная партия окажет всемерную помощь консервативной партии для искоренения этих доктрин. Я не боюсь большевистской революции в Англии, но боюсь попытки социалистического большинства самочинно ввести социализм. Одна десятая доля социализма, который разорил Россию, окончательно погубила бы Англию..." Таким образом, Черчиллем двигала не русофобия, а скорее русофильство. Он по-своему жалел Россию — жертву коммунистического эксперимента.

Стэнли Болдуин, формируя кабинет после октябрьских выборов 1924 года, предложил Черчиллю второй по значимости пост — министра финансов. Эту идею поддержал министр здравоохранения Невиль Чемберлен, который помнил о былой приверженности Черчилля программам социального страхования. Эту приверженность Уинстон сохранил и на новом посту.

В 1922 году Черчилль приобрел за 2 тыс. фунтов поместье Чартвелл в графстве Кент. Он содержал там, а также в своей лондонской городской квартире и в летней резиденции на Французской Ривьере не менее дюжины слуг, а также трех (а потом шесть) секретарш и группу молодых ученых, ответственных за сбор материалов для биографии первого герцога Мальборо, а потом и для других его трудов. Годовой доход Черчилля к моменту экономического кризиса 1929 года поднялся до 35 тыс. фунтов, и наряду с Бернардом Шоу он считался самым высокооплачиваемым автором своего времени. Он также добился немалых успехов на почве садовой архитектуры и, лично руководя дорогостоящей перестройкой Чартвелла, стал неплохим каменщиком и даже вступил в тред-юнион строительных рабочих, чтобы показать, что он ни в коем случае не является врагом

профсоюзов.

Черчилль очень высоко ценил способность просто говорить о сложных вещах, так как это помогало действовать быстро и решительно. Он сам старался держаться этого принципа и требовал того же от своих сотрудников.

Отмечу, что финансовые дела Черчилля вел банкир из Сити Бренден Бракен. Он умер в 1958 году, не оставив мемуаров и приказав уничтожить все свои бумаги. Возможно, там было что скрывать.

К концу 1924 года британская экономика все еще не оправилась от последствий Первой мировой войны, которая вызвала резкое сокращение мировой торговли. Побежденные страны лежали в руинах, придавленные репарациями, и потребление в них резко упало. Все это привело к кризису главные экспортные отрасли Англии: угледобычу, текстильную, сталелитейную и судостроительную промышленность. Значительно упал также фрахт судов британского торгового флота. В результате репарации, получаемые от Германии, шли главным образом на выплату пособий по безработице, а также на погашение британских долгов Соединенным Штатам военного времени. Между двумя мировыми войнами безработица в Великобритании держалась на уровне одного миллиона человек.

По совету банкиров Сити, надеявшихся вернуть Лондону роль главного мирового финансового центра. Черчилль в 1925 году вернул фунт к золотому стандарту, что должно было укрепить британскую валюту на основе довоенного паритета фунта стерлингов и золота. При этом финансовые резервы Великобритании не ограничивались золотом, а включали также другие конвертируемые валюты, прежде всего доллары США. Однако возвращение к золотому стандарту вызвало повышение стоимости фунта на 10 процентов, что еще больше сократило экспортные возможности британской промышленности. Твердый фунт теоретически мог привлечь в британскую промышленность и торговлю иностранных инвесторов. Однако после мировой войны свободных капиталов в мире было мало, и капиталы на Британские острова так и не пришли, в том числе из-за сильного профсоюзного движения и относительно высокой зарплаты британских рабочих. Положение британских шахтеров, которым приходилось конкурировать с репарационным германским и дешевым польским углем, еще более ухудшилось. Владельцы шахт вынуждены были увеличивать рабочий день и сокращать зарплату. Черчилль обещал в течение девяти месяцев начиная с августа компенсировать сокращение зарплаты шахтерам государственными выплатами. Денег в казне хватило только до

апреля 1926 года. Когда выплаты были прекращены и к тому же правительство отказалось участвовать в согласительной комиссии тред-юнионов и шахтовладельцев, забастовка стала неизбежной. Требования шахтеров поддержал Британский конгресс тред-юнионов. 30 апреля шахтовладельцы передали Федерации горняков свои предложения, предусматривавшие снижение с 33 1/3 до 20 процентов надбавки к тарифу зарплаты 1913/14 года, а также увеличение рабочего дня шахтеров с 7 до 8 часов. Федерация горняков отвергла эти предложения. В тот же день был объявлен локаут рабочих угольной промышленности. Горняки выступали под лозунгом: "Ни пенса из зарплаты, ни секунды к рабочему дню". В результате с 4 по 12 мая 1926 года Великобритании потрясла крупнейшая в истории всеобщая забастовка, в которой на ее пике участвовало до 5 млн. человек. В стране было объявлено чрезвычайное положение. В период всеобщей забастовки Черчилль стал издавать правительственную ежедневную газету "Бритиш газетт", которая в тот период оставалась единственной крупной газетой страны с тиражом 2,2 млн экземпляров. Всеобщая забастовка окончилась после того, как Верховный суд вынес решение о ее незаконности, а шахтеры бастовали вплоть до 30 ноября. Правительство выиграло, так как шахтерам пришлось сократиться на урезание зарплат и увеличение рабочего дня. После забастовки был принят закон об отношениях в промышленности, запрещавший всеобщие забастовки и пикетирование. В отношениях с забастовщиками правительство руководствовалось принципом, сформулированным Черчиллем: "Начинать переговоры только тогда, когда противник повержен".

После посещения в Риме в 1927 году Муссолини Черчилль говорил об "огромной заслуге" дуче, сокрушившего коммунистов в Италии. И даже 10 лет спустя Муссолини был для него "достойной удивления исторической личностью", не утратившей своего блеска. По словам Черчилля, "была потеряна свобода, но Италия была спасена". Сам он, правда, жертвовать свободой британцев не собирался ни при каких обстоятельствах, а во время войны сделал все для сокрушения фашистской Италии.

В качестве министра финансов Черчилль руководствовался двумя основными принципами — экономии государственных средств и свободной торговли. Он также старался снижать прямые налоги, что было выгодно представителям имущих классов, и делал больший упор на косвенные налоги, которые были в большей мере бременем для трудящихся. С другой стороны, Черчилль добился выплаты пенсий всем вдовам и сиротам погибших в Первой мировой войне.

Однако неблагоприятная финансово-экономическая конъюнктура привела к тому, что к 1929 году золотовалютные резервы, имевшиеся у британского казначейства в начале 20-х годов, были в значительной мере израсходованы. 4 июня 1929 года, после того как консерваторы потеряли значительное число мест на майских выборах, Черчилль ушел с поста министра финансов, выставив в качестве причины разногласия с новым премьером лейбористом Макдональдом по вопросам торговых тарифов и предоставления независимости Индии (Черчилль был против независимости крупнейшей британской колонии). В 20-е годы министром по делам Индии был друг Черчилля, лорд Биркенхед, с которым у них не было разногласий, и, по некоторым данным, в случае успеха на выборах 1929 года он собирался переместить Черчилля на пост министра по делам Индии, осознав, что его финансовая политика оказалась в тупике.

А когда консерваторы в 1931 году выиграли выборы и образовали коалицию с либералами и частью лейбористов, министерского поста Черчиллю не предложили, поскольку его не хотели видеть в правительстве ни либералы, ни лейбористы, и прежде всего его не хотел премьер Джеймс Рамсей Макдональд. Да и сам Черчилль категорически не хотел быть в кабинете, возглавляемом лейбористом, и требовал размежевания консерваторов с лейбористской партией: "До тех пор пока консервативная партия обладает независимостью и свободой, ее желания будут иметь вес в парламенте. Я предсказываю, что с того момента, как консервативная партия приобретет свободу, она вместе с ней приобретет и силу".

24 октября 1929 года, в день краха нью-йоркской фондовой биржи, Черчилль как раз находился в Нью-Йорке. В честь Черчилля в доме Перси Рокфеллера был дан банкет, на котором Бернард Барух, крупный биржевой делец и экономический советник президента Герберта Гувера, невесело пошутил, обращаясь к пятидесяти наиболее влиятельным членам биржи:

"Друзья и бывшие миллионеры!" Черчилль тогда еще не понял масштаба свершившейся катастрофы. 30 октября, покидая Америку, Уинстон заявил журналистам: "Биржевой крах — лишь преходящее событие в жизни отважных и трудолюбивых людей, и он никак не скажется на их финансовом благополучии". Хотя, возможно, бывший британский министр финансов хотел лишь успокоить американскую и мировую общественность, справедливо полагая, что паника только усугубит положение. Сам Черчилль в результате кризиса лишился всех своих сбережений, вложенных преимущественно в ценные бумаги. Но в 30-е годы он смог компенсировать потери за счет литературного труда,

опубликовав мемуары "Мировой кризис", биографию первого герцога Мальборо, многочисленные публицистические работы и первые тома "Истории англосаксонских народов". По подсчетам его биографа Мартина Гилберта, только в 1929–1937 годах литературные доходы Черчилля составили свыше 100 тыс. фунтов стерлингов. Черчиллю помогло то, что он был настоящим трудоголиком. Один из его помощников вспоминал: "Я никогда не видел его усталым. Он всегда действовал точно, как часовой механизм. Он знал, как правильно распределять и расходовать жизненную энергию. Во время работы Уинстон превращался в настоящего диктатора. Он сам устанавливал для себя безжалостные временные рамки и выходил из себя, если кто-то ломал его график".

Но только-только литературные заработки поправили финансовое положение Черчилля, как произошел новый крах. В результате неудачных финансовых спекуляций в Америке Черчилль получил 18 тыс. фунтов стерлингов долга. Если бы не помощь друзей-банкиров, пришлось бы продать любимое поместье Чартвелл.

В конце 1931 года Черчилль основал отколовшуюся от "Общества Индийской империи" "Индийскую лигу защиты", финансируемую махараджами, для борьбы против предоставления Индии статуса доминиона и за сохранение прежней системы колониального правления, которая махараджаей вполне устраивала. Предоставление статуса доминиона фактически означало независимость Индии, так как по Вестминстерскому статуту, принятому в декабре 1931 года, доминионы получили практически полную самостоятельность во внешней и внутренней политике. Черчилль не без основания считал, что уход Индии будет означать конец Британской империи, но он не понимал, что сохранить Индию в качестве колонии, равно как и саму империю, уже невозможно.

Черчилль писал еще в январе 1930 года лорду Ирвину, вице-королю (наместнику) Индии: "Обязанность консервативной партии — послужить тормозом и противовесом лейбористам по индийскому вопросу". В 1929–1935 годах он был одним из самых активных оппонентов правительству Макдональда по индийскому вопросу. Черчилль опубликовал множество статей на эту тему и неоднократно выступал в парламенте. Еще в ноябре 1929 года он отмечал, что "расширение статуса доминиона для Индии невозможно в настоящий момент. И мы не должны пытаться измерить путь к достижению статуса доминиона годами или поколениями. Скорость продвижения зависит только от внутреннего порядка и степени "цивилизованности" индийцев". А

выступая 12 декабря 1930 года на первом собрании, организованном "Обществом Индийской империи", он заявил: "Настоящая конференция "круглого стола" (с участием делегатов от Индии, но без участия Индийского национального конгресса, главной политической силы страны. — Б.С.) не имеет права разрабатывать для Индии конституцию. Ни одно соглашение, достигнутое на конференции, нельзя позволять оформить как новый правительственный акт об управлении Индией, Ответственность за принятие такого акта всецело принадлежит британскому правительству". Черчилль совершенно справедливо заметил: "Представители от Индии на конференции "круглого стола" ни в коем случае не являются теми силами, которые сомневаются в возможностях Британии управлять Индией... Делегаты от Индии не могут поручиться, что партия ИНК примет любое соглашение, достигнутое здесь, в Лондоне. Поэтому уступки, сделанные Индии на конференции, будут использоваться как отправная точка для новых требований революционеров". Черчилль был совершенно прав в том, что британская сторона, обещая Индии статус доминиона, фактически делала уступки не тем, кто участвовал в конференции "круглого стола" и не являлся противником сохранения британского правления, а бойкотировавшему конференцию ИНК, руководство которого в результате в ответ на эту уступку не брало на себя никаких обязательств.

Черчилль был убежден, что "в отношениях с колониями всегда нужно четко знать, как далеко собираетесь пойти в уступках и где намереваетесь остановиться, так как, если вы уступили принципы, оговорки и предосторожности часто уже не имеют смысла". Он указывал на те внутренние проблемы Индии, которые не позволяют ей стать настоящим доминионом: "Процент политически грамотных деятелей несопоставим с огромным населением Индии. Западные идеи, которые они впитали, не имеют отношения к тому, как живет и думает Индия. Преобладающее большинство не умеет ни читать, ни писать. По меньшей мере в Индии 70 национальностей и еще больше религиозных сект и учений. Многие из них находятся в состоянии вражды".

Черчилль полагал, что Индии еще очень далеко до Австралии или Канады хотя бы потому, что население Индии в десятки раз превосходило по численности население Австралии и Канады, вместе взятых, и лишь ничтожная часть индийского населения была знакома с основами британской культуры.

Черчилль уверял: "Махараджи, которые были нашими союзниками, выступают сейчас за перемены. Но британская

администрация собирается ликвидировать свои дела в Индии. Она будет заменена новой. Конечно, даже самые верные последователи должны приспособиться к новой ситуации и системе.... То же самое относится и к мусульманам. Почему даже представитель 60 миллионов отвергнутых индусами (то есть неприкасаемых) высказался в защиту конституции с ответственным индийским правительством? Конечно, все должны принять во внимание, что случится, когда наша власть прекратит действовать на территории Индии. Все, кто останется, должны будут найти общий язык с новой властью".

В то же время идея Всеиндийской федерации возникла только на конференции "круглого стола", и она фактически была реализована в независимой Индии. Правда, для этого пришлось разделить Британскую Индию на собственно Индию и Пакистан.

Черчилль возмущался, что "социалистическое правительство пытается иметь дело с индийскими политиками в русле той же самой лести и пустой болтовни, которые иногда бывают годными в британском парламенте... Наши действия всегда должны идти дальше, чем слова и обещания. Для этого нужно превращать уступки, которые мы обещаем, в реальные действия".

Обещание предоставления статуса доминиона Индии оказалось пустым, так как в Акте об управлении Индией 1935 года его уже не было. Но в годы Второй мировой войны Черчиллю пришлось согласиться на будущее предоставление Индии самоуправления, т. е. прав доминиона, поскольку только таким образом можно было добиться лояльности индийской общественности и армии в борьбе с Японией.

Черчилль справедливо считал, что поиск компромисса и выработка новой конституции Индии займут не месяцы, а годы. И он был уверен, что, как только конституция вступит в силу, "350 миллионов беззащитных индийцев будут управляться собственным индийским правительством, которое будет представлять собой политическую и религиозную олигархию, выбранную меньшинством индийцев".

А за этим, как полагал Черчилль, непременно последует гражданская война, поскольку отношения между мусульманами и индусами обострятся и приведут к вооруженным столкновениям и взаимному истреблению. К сожалению, он оказался хорошим пророком.

Аналогичное мнение высказывал и Ганди во время своего визита в Англию в сентябре 1931 года: "В Индии может возникнуть гражданская война и борьба между общинами в связи с нашим требованием "свараджа" (самоуправления. — Б.С.), но только на короткое время. Если ваша армия не будет

вмешиваться, тогда война закончится сама по себе истощением или уничтожением той или иной стороны".

Во время индузо-мусульманской резни в индийском городе Канпуре погибло более тысячи человек. 9 июля 1931 года Черчилль заявил, что "события в Канпуре — репетиция того, что случится по всей Индии, когда британцы удалятся".

Черчилль считал, что основой индийской политики должно стать развитие автономии провинций. Центральная власть, которая гарантировала бы беспристрастное отношение к различным национальностям, конфессиям, кастам и сословиям, поправила бы положение, если реформы стали бы терпеть неудачи, должна была сохраняться в руках британцев. Только после того, как провинциальные индийские власти показали бы себя состоятельными, могла бы идти речь о предоставлении Индии независимости в той или иной форме.

В итоге, когда Британская Индия в августе 1947 года получила независимость и была разделена на два доминиона: Индийский Союз и Пакистан, начались кровавые столкновения между индуистами, мусульманами и сикхами, в результате которых, по официальным данным, погибло около 1 млн человек. 13 млн человек стали беженцами, причем 4 млн из них так и не были обнаружены по новому месту жительства. Значительная часть их, возможно, также погибла. Кроме того, разделение Британской Индии привело к кровопролитным войнам между Индией и Пакистаном в 1947–1948, 1965 и 1971 годах, причем в 1971 году в результате резни, учиненной пакистанской армией и мусульманскими переселенцами из Индии на территории нынешней Бангладеш, погибло до 1 млн человек.

26 января 1931 года, выступая в Палате общин, Черчилль произнес историческую фразу: "Англичане озабочены ростом безработицы и налоговой политикой. Также их внимание поглощено спортивными новостями и криминальной хроникой... Ряд историков доказывает, что многие важные события в истории человечества вызваны определенными болезнями. Они объясняют закат и падение Римской империи как следствие малярии. Это интересная теория. Но что за болезнь мы испытываем в настоящее время на этом острове? Еще более опасную болезнь, чем малярия, — это болезнь воли". Именно болезнью воли Черчилль объяснял последующую "политику умиротворения" в отношении Гитлера.

Когда в 1931 году Черчилль отправился в США читать лекции, то в Нью-Йорке — из-за рассеянности ли, привычки к левостороннему движению, или потому, что тот декабрьский день был под номером 13, - сразу угодил под машину.

А едва оправившись после 15 переломов, надиктовал журналу "Кольерз" статью "Мои нью-йоркские неприятные приключения". Это ироничное эссе, перепечатанное чуть ли не всеми американскими газетами, принесло автору две с половиной тысячи долларов (гонорар целиком окупил стоимость трехнедельного послебольничного отдыха Черчилля с женой и дочерью на Багамских островах) и обеспечило лектору отличный промоушен.

Супруга Черчилля порой путешествовала одна. В 1935 году в круизе вокруг Индонезии и Филиппин Клемми увлеклась своим попутчиком, продавцом картин Теренсом Филиппом. Романтическая страсть стареющей женщины к образованному и остроумному молодому мужчине могла быть только чисто платонической, поскольку Филипп был гомосексуалистом. Все кончилось очень быстро, пусть и дало Уинстону повод для ревности, хотя рогоносцем он так и не стал. Но никаких серьезных угроз их браку никогда не возникало.

В 1935 году Болдуин отверг предложение взять Черчилля в правительство. Он подчеркнул, что лично против Черчилля ничего не имеет, но тот наверняка стал бы вносить раскол в партии по наиболее важным проблемам внешней политики. Особенно негативно по отношению к Черчиллю многие консерваторы были настроены в связи с его позицией в индийском вопросе.

Черчилль всегда утверждал, что не боится остаться в одиночестве: "Если я один удостоен чести защищать интересы британской нации, я намерен вскоре получить очень сильного союзника, союзника с мрачным именем — развитие событий".

После прихода Гитлера к власти Черчилль активнее всех в Англии выступал против вооружения Германии, ревизии Версальского договора и политики "умиротворения" агрессоров.

После заключения Мюнхенского соглашения Черчилль заявил в Палате общин: "У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье, теперь вы получите войну... Боюсь, что теперь Чехословакия не сможет сохранить свою политическую независимость. Вот увидите, пройдет какое-то время, может быть годы, а может быть месяцы, и нацистская Германия поглотит ее... Мы потерпели поражение, не участвуя в войне, и последствия этого поражения еще долго будут напоминать о себе... Не думайте, что опасность миновала. Это еще далеко не конец, это только начало грандиозного сведения счетов. Это лишь первый тревожный звонок. Мы лишь омочили губы в чаше бедствий, из которой мы будем нить не один год, если не сделаем последнего усилия, чтобы вновь обрести бодрость духа и силы сражаться".

Советником Черчилля по германским делам был Фридрих А. Линдемманн, профессор физики из Оксфорда, сын инженера Адольфа Линдемманна, эмигранта-аристократа из Германии, и вдовы американского банкира Ольги Нобл, впоследствии ставший виконтом Червеллом. Он был одним из немногих, с кем Черчилль по-настоящему подружился. Червелл был одним из авторов идеи "ковровых бомбардировок" германских городов. При этом в характерах у Линдемманна и Черчилля было мало общего. Будущий виконт Червелл был вегетарианцем, не курил и не пил, хотя Черчилль иногда вынуждал его пропустить пару стаканов бренди. Он также был неплохим пианистом и хорошим теннисистом, даже участвовавшим в Уимблдонском турнире. Линдемманн верил, что мир должен управляться узким кружком интеллектуалов и аристократов ("супермены, которым должны подчиниться илоты"), и это обеспечит стабильность и мир во всем мире. Отметим, что Линдемманн был очень неплохим физиком. Он, в частности, нашел некоторые оригинальные доказательства правоты теории относительности Эйнштейна. Общим с Черчиллем у Линдемманна было увлечение авиацией, причем профессору, в отличие от политика, удалось освоить самостоятельное пилотирование, причем настолько, что он смог в воздухе проверять некоторые из своих изобретений, принятых на вооружение Королевскими ВВС. Во время Второй мировой войны, после назначения Черчилля премьер-министром, Линдемманн стал ведущим научным советником правительства, встречаясь с Черчиллем практически ежедневно и сопровождая его в зарубежных поездках. Он создал при правительстве Статистическое бюро, куда стекалась вся статистика, связанная с вооруженными силами и военным производством.

Черчилль разделял социал-дарвинистские взгляды "о вечной борьбе за существование" и о войне как "нормальном состоянии" в жизни народов. Поэтому он противился разоружению держав-победительниц, за что выступало правительство Макдональда в рамках борьбы за всеобщее разоружение. Черчилль опасался как германского реваншизма, так и быстрой милитаризации Советского Союза.

А пацифистов из Лиги наций Черчилль называл "ослепленными болванами". И ведь опять-таки он в своих прогнозах не ошибся.

Вспоминая 1932 год, Черчилль признавался: "Тогда у меня не было никакого национального предубеждения против Гитлера. Я был почти не знаком с его политическими идеями, с его карьерой и очень слабо представлял себе, что это был за человек". В тот момент идея германского реванша не ассоциировалась у него с

конкретными личностями, в том числе с Гитлером.

Черчилль говорил посетившему его на пути в эмиграцию в США бывшему германскому канцлеру Генриху Брюнингу в сентябре 1934 года: "Мир занят только борьбой за господство". И добавил: "Германия опять должна быть побеждена, и на этот раз окончательно. Иначе Англия и Франция не будут знать покоя".

Единственный способ избежать войны Черчилль видел в быстрейшем вооружении Британии и прежде всего в наращивании мощи ее авиации, а также в создании антигерманской коалиции с участием Франции, США и стран Центральной и Восточной Европы. Он деятельно пропагандировал необходимость борьбы с германской опасностью, стараясь привлечь к этому делу многих видных европейских публицистов. Порой Черчилль в пропагандистских целях в несколько раз преувеличивал действительную численность германских самолетов. Черчилль также знал, что вплоть до начала войны немцы не в состоянии были бомбить Лондон со своей территории, поскольку не имели ни дальних бомбардировщиков, ни дальних истребителей. Да и планы использования ограниченных сил люфтваффе не предусматривали бомбардировку гражданских зданий и жилых кварталов. Предполагалось сосредоточиться на бомбардировках военных и стратегических объектов. Но Черчилль, опять же в пропагандистских целях, утверждал, что немцы могут стереть с лица земли Лондон, используя в том числе и химическое оружие. Под влиянием Черчилля премьер-министр Болдуин сделал в Палате общин сенсационное признание о том, что правительство было недостаточно информировано относительно действительных темпов и масштабов вооружения люфтваффе.

С 1935 по 1939 год Черчилль вместе с Линдемманом входил в специальный Комитет по противовоздушной обороне при правительстве и получал всю разведывательную информацию о германских вооруженных силах, а также данные о британских войсках. Кроме того, информация о вермахте поступала в созданный Линдемманом в Чартвелле информационный центр от германских антифашистов Эвальда фон Клейста-Шменцина, сына будущего фельдмаршала Эвальда фон Клейста, и Карла-Фридриха Герделера, бывшего обер-бургомистра Лейпцига. Герделер был казнен после провала заговора 20 июля 1944 года, а вот Клейсту-младшему, в отличие от отца, погибшего во Владимирской тюрьме, посчастливилось уцелеть и умереть только в марте 2013 года, в 90-летнем возрасте.

После оккупации Германией Рейнской области в марте 1936 года и отказа Германии от всех военных ограничений Версальского договора Черчилль больше не верил, что можно

будет избежать войны. Его призыв к введению в Рейнскую область международных полицейских сил не был услышан. В начале 1937 года в узком кругу Черчилль призывал к скорейшей войне с Германией, утверждая, что "чем раньше мы начнем, тем лучше". В 1938 году он, несмотря на возражения президента Бенеша, считал, что единственная возможность сохранить Чехословакию — это немедленно начать войну против Германии с участием Англии и Франции. А в октябре, после Мюнхенского соглашения, которое он назвал "бесстыдным сговором", Черчилль в принципе не исключал альянса с Советским Союзом. Он считал, что британский народ в тот момент был морально готов к войне, но Чемберлен предпочел мир любой ценой, точнее, ценой предательства Чехословакии. Правда, британский премьер искренне верил, что Гитлер удовлетворится Судетской областью — завершением процесса собирания немецких земель, — и всю Чехословакию оккупировать не станет. Когда в марте 1939 года случилось иначе и Чехословакия перестала существовать, Чемберлен как будто отказался от "политики умиротворения" и предоставил гарантии безопасности Польше — следующей потенциальной жертве германской агрессии. Черчилль же безуспешно пытался убедить правительство в Праге не выполнять Мюнхенского соглашения.

После пакта Молотова — Риббентроппа и братского раздела Польши и других стран Восточной Европы между Сталиным и Гитлером казалось, что союз между Британской империей и СССР — дело очень далекого будущего. Однако, когда 17 сентября 1939 года советские войска по соглашению с Германией вторглись в восточные районы Польши, Черчилль заявил, что тем самым создан потенциальный Восточный фронт против Гитлера. Только что назначенный вновь морской министр сознавал, что между Гитлером и Сталиным существуют непреодолимые противоречия, что оба диктатора не доверяют друг другу. Поэтому столкновение между ними неизбежно и не за горами. А тогда более слабый Советский Союз вынужден будет обратиться к помощи Англии...

Сталин, Молотов, Шапошников и Риббентроп при подписании Советско-германского договора 23 августа 1939 г.

Американский историк, бывший сотрудник Госдепартамента Герберт Фейс пишет: "В последующие годы Сталин имел обыкновение говорить, что, даже заключая пакт с Гитлером, он прекрасно понимал, что через какое-то время Советский Союз вступит в войну с Германией; что фактически основной причиной такой настойчивости с его стороны было желание получить защитные буферные зоны с западной стороны и выиграть время для укрепления Советской армии. Но совершенно ясно, что в то же время ни он, ни его окружение не ожидали молниеносной и окончательной победы Германии над Францией в июне 1940 года и того, что смертельная опасность нависнет над Великобританией. Я убежден, что советские руководители и не предполагали, что в рамках одного года Германия изменит свое отношение и развернется против Советского Союза".

Здесь все верно, за исключением одного: Сталин полагал, что Гитлер собирается напасть на него в 1942 году, а сам планировал напасть на Германию в 1941 году. Если бы не неожиданно быстрый крах Франции, советское наступление могло начаться даже летом 1940 года. Еще до завершения советско-финской войны, в конце февраля 1940 года, Сталин ориентировал Красную армию на Германию как главного противника, а после окончания боев в Финляндии срочно перебросил к западным границам освободившиеся войска. Кроме того, демобилизация призванных

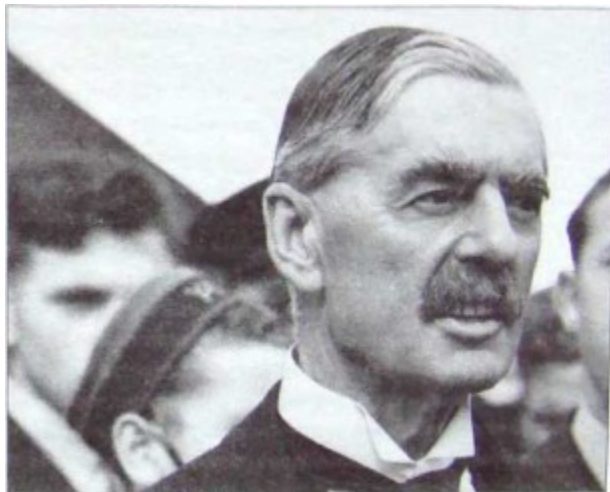
на финскую войну была отложена до 1 июля 1940 года. Что же касается 1941 года, то на плане стратегического развертывания Красной армии на Западе от 11 марта 1941 года сохранилась резолюция заместителя начальника Генштаба генерала Ватутина: "Наступление начать 12 июня". Однако к 12 июня подготовиться не успели, и нападение перенесли на июль. 4 июня 1941 года Политбюро постановило к 1 июля сформировать 238-ю стрелковую дивизию из поляков и лиц, знающих польский язык. Такая дивизия могла понадобиться только для действий на территории Польши после прихода туда Красной армии.

Вторая мировая война: его звездный час

3 сентября 1939 года, в день вступления Англии во Вторую мировую войну, Уинстону Черчиллю было предложено занять пост первого лорда Адмиралтейства с правом голоса в Военном совете. Иначе и быть не могло. После того как Вторая мировая война действительно началась, неудобно было оставлять вне кабинета человека, который неизменно говорил о неизбежности ее возникновения и столь активно предупреждал об опасности германского реванша. Выступая в этот день в парламенте, Черчилль заявил: "Мы сражаемся не за Данциг и не за Польшу. Мы сражаемся, чтобы спасти целый мир от фашистской тирании, подобной чуме, чтобы защитить все самое святое, что есть у человека... Мы можем быть уверены, что задача, которую мы добровольно на себя взяли, не превышает сил и возможностей мировой Британской империи и Французской республики".

Существует легенда, что, узнав о назначении Черчилля, корабли британского флота и военно-морские базы обменялись сообщением с текстом: "Уинстон вернулся". Хотя документальных свидетельств, что данное сообщение действительно было отправлено, до сих пор не обнаружено, эта легенда хорошо передает отношение народа к Черчиллю в военные годы.

Уже через неделю после начала войны Черчилль стал разрабатывать планы по вовлечению в нее скандинавских стран, чтобы блокировать экспорт в Германию шведской железной руды, критически важной для германской военной промышленности. Он также предлагал начать широкомасштабные бомбардировки германской территории. Однако этому противилась Франция, опасавшаяся, что ответные удары немцев обрушатся в первую очередь на французские города.

Нэвил Чемберлен

20 сентября 1939 года Чемберлен заявил, что основной военной целью Англии является "окончательно избавить Европу от постоянного страха перед немецкой агрессией"; и все же антифашисты не доверяли этим заявлениям "реакционера и антисоветчика" Черчилля. Между тем с самого начала войны Черчилль рассматривал Советский Союз как потенциального союзника в противостоянии с Гитлером. 6 октября 1939 года, вслед за заключением советско-германского договора о дружбе и границе и выдвижением Гитлером предложений о мире с Англией, Черчилль пригласил к себе советского посла И.М. Майского и в ответ на его вопрос: "Что вы думаете о мирных предложениях Гитлера?" — сказал: "Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм". Далее он разъяснил позицию британского правительства, которая, согласно записи Майского, сводилась к следующему: "1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в нашу, а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании". Не исключено, что советский дипломат преувеличил меру радости Черчилля по поводу включения

Прибалтики в советскую сферу влияния и его готовности признать советские приобретения по пакту Молотова — Риббентропа. К тому времени британское правительство уже располагало достоверными донесениями о содержании секретного дополнительного протокола к Советско-германскому пакту о ненападении, по которому эти территории отходили в советскую сферу влияния.

В начале ноября 1939 года Черчилль утверждал: "Я уверен, что нам предстоят большие потрясения; но у меня есть твердое убеждение, что Германия, которая сегодня напала на всех нас, является далеко не таким мощным и хорошо организованным государственным организмом, как тот, который 21 год назад государства-союзники и Соединенные Штаты принудили просить о перемирии".

И тут очень трудно сказать, был ли морской министр прав или не прав, когда настаивал, что нацистская Германия слабее кайзеровской. С одной стороны, успехи Гитлера выглядят более впечатляющими, чем успехи Гинденбурга, Людендорфа и других кайзеровских генералов. Фюреру удалось завоевать Францию и принудить ее к капитуляции, тогда как в Первой мировой эта задача для Германии оказалась непосильной. Во Второй мировой войне Германии удалось оккупировать Бельгию, Голландию, Люксембург, Данию, Норвегию. Из этих стран, в Первой мировой заявивших о своем нейтралитете, кайзеровская Германия смогла захватить только Бельгию и Люксембург. Подобно тому как в 1915 году немцами и их союзниками были оккупированы Сербия и Черногория, Гитлер в 1941 году занял Югославию и даже смог оккупировать Грецию, что оказалось невыполнимой задачей для немцев и их союзников в Первую мировую войну. Также и в России при Гитлере германские и союзные с ними войска продвинулись дальше, чем германские и австро-венгерские и турецкие войска в 1918 году, вплотную подойдя к Москве, Ленинграду, почти полностью захватив Сталинград (Царицын), чего не удалось сделать в 1918 году союзным с немцами казакам атамана Краснова, и Северный Кавказ. В то же время вне пределов контроля Германии во Второй мировой войне осталось Закавказье, которое в Первую мировую войну удалось почти полностью захватить туркам и немцам. Наконец, Роммель вплотную подошел к Нилу, захватив часть Египта, тогда как в Первую мировую войну германские успехи в Африке ограничивались партизанской войной, которую вел генерал Леттов-Форбек в восточноафриканском регионе.

Однако у Гитлера были и очевидные минусы по сравнению с ситуацией, сложившейся в Первой мировой войне. Прежде всего,

в 1914 году германский флот был почти равен по мощи британскому и имел некоторые шансы на успех в генеральном сражении, что ставило под угрозу Британские острова. В 1939 году германский надводный флот не шел ни в какое сравнение по своей мощи с британским и не имел никаких шансов на успех в случае попытки десанта в Англии. Подводная война, несмотря на ряд громких успехов, оказалась в конечном счете одинаково безрезультатной как в Первой, так и во Второй мировой войне.

В Первой мировой войне германская авиация на равных сражалась с авиацией Англии, Франции и США до самого конца войны. А вот во Второй мировой войне германская авиация и зенитная артиллерия уже со второй половины 1943 года не могли эффективно защищать германские города от англо-американских бомбардировок, а начиная с середины 1944 года союзная авиация безраздельно господствовала в воздухе. Фактически Германия Гитлера проиграла войну уже к концу 1942 года, после проигрыша Роммелем сражения под Эль-Аламейном и окружения группировки Паулюса в Сталинграде. Если бы на месте нацистской Германии была бы кайзеровская, она могла бы смело капитулировать уже в конце 1942 года, или это сделала бы начавшаяся в результате поражения революция. Однако Гитлер понимал, что союзники не собираются оставлять его в живых, а созданное им тоталитарное государство исключало возможность революции. Поэтому война продлилась еще два с половиной года, до полной оккупации территории Германии союзными войсками.

Когда 30 ноября 1939 года СССР совершил агрессию против Финляндии, но встретил неожиданно упорное и эффективное сопротивление финнов, встал вопрос о посылке на помощь финнам англо-французского экспедиционного корпуса, одной из задач которого также стало бы недопущение экспорта железной руды из Швеции в Германию. Однако, пока экспедиционный корпус готовился, Финляндия предпочла 12 марта 1940 года заключить компромиссный московский мир.

Но Черчилль не оставил своих скандинавских планов и с согласия военного кабинета готовил высадку экспедиционного корпуса в Норвегии, намеченную на апрель. Немцы успели его опередить, высадив десанты в Норвегии и Дании 9 апреля. Высадившийся вслед за немцами англо-французский десант в Нарвике смог лишь удержать Нарвикский плацдарм. Однако германский флот в ходе боев в Норвегии понес большие потери. Тем не менее после поражения во Франции союзникам пришлось эвакуировать Нарвик и на долгое время оставить попытки блокировать поставки шведской руды в Германию. Тем не менее неудачу норвежской операции общественное мнение не склонно

было ставить в вину Черчиллю, обвиняя во всем Чемберлена. По этому поводу Черчилль с удивлением заметил: "В Первой мировой войне я мог говорить то, что хотел, но все это оборачивалось против меня: на этот раз я тоже могу говорить, что хочу, и всегда оказываюсь прав".

8 мая 1940 года голосование о доверии в парламенте закончилось для Чемберлена, который был уже серьезно болен и умер 9 ноября, неутешительно: перевес голосов, поданных за него, сократился с 200 до 81. Британский премьер не рискнул остаться на своем посту в условиях такого раскола коалиции, особенно после начавшегося немецкого наступления во Франции и Бельгии, и подал в отставку. В качестве его преемника наиболее подходящей фигурой казался Черчилль, хотя его конкурентом и попробовал стать лорд Галифакс, против которого, однако, выступили лейбористы. 10 мая 1940 года Черчилль возглавил коалиционное правительство. В тот же день он создал министерство обороны, в которое объединил военное и морское министерства и министерство авиации, и также возглавил его. Таким образом, военное руководство было целиком объединено в руках премьера, которому также предстояло координировать усилия фронта и тыла. В своей первой речи "Кровь, пот и слезы", произнесенной 13 мая 1940 года в Палате общин в качестве премьер-министра, Черчилль утверждал: "Я повторю перед Палатой то, что уже сказал присоединившимся к новому правительству: "Я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжелого труда, слез и пота". Нам предстоит суровое испытание. Перед нами много долгих месяцев борьбы и страданий. Вы спрашиваете, какова наша политика? Я отвечу: вести войну на море, суше и в воздухе, со всей нашей мощью и со всей той силой, которую Бог может даровать нам; вести войну против чудовищной тирании, равной которой никогда не было в мрачном и скорбном перечне человеческих преступлений. Такова наша политика. Вы спрашиваете, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа — победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы; победа, независимо от того, насколько долг и тернист может оказаться путь к ней; без победы мы не выживем. Необходимо понять: не сможет выжить Британская империя — погибнет все то, ради чего она существовала, погибнет все то, что веками отстаивало человечество, к чему веками стремилось оно и к чему будет стремиться. Однако я принимаю свои обязанности с энергией и надеждой. Я уверен, что люди не дадут погибнуть нашему делу. Сейчас я чувствую себя вправе потребовать помощи от каждого, и я говорю: "Пойдемте же вперед вместе, объединив наши силы"".

Эта речь произвела неизгладимое впечатление на современников. "Он один, — писала его старая и верная подруга Виолетта Бонем-Картер, дочь бывшего премьера Асквита, — собственными силами повернул ход истории, "на плечах своих он нес весь небосвод" (цитата из мифа об исполине Атласе. — Б.С.), спас свою страну и дело свободы".

После разгрома Франции Черчилль, по его собственным словам, осознал, что на карту поставлены "дальнейшее существование Великобритании, ее миссия в мире и ее величие". После посещения Парижа 16 мая он понял, что капитуляция Франции не за горами и что Британской империи какое-то время придется сражаться в одиночестве. 19 мая командир британского экспедиционного корпуса генерал Горт, осведомленный благодаря работе дешифровального устройства "Энигма" ("Ультра") о передвижениях германских войск и их намерении окружить основные французские и британские силы в Бельгии, решил отступить к побережью. Это решение было одобрено Черчиллем.

4 июня 1940 года, после эвакуации 200-тысячного британского экспедиционного корпуса и 130 тыс. французских солдат из Дюнкерка, Черчилль произнес свою знаменитую речь "Мы будем сражаться на побережье": "Несмотря на то, что значительные пространства Европы и многие старые и ставные государства подпали или могут подпасть под власть гестапо и всего отвратительного аппарата нацистского господства, мы не сдадимся и не покоримся. Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и на океанах, мы будем сражаться с возрастающей уверенностью и растущей силой в воздухе; мы будем оборонять наш Остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в пунктах высадки, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы не сдадимся никогда, и даже, если случится так, во что я ни на мгновение не верю, что этот Остров или большая его часть будет порабощена и будет умирать с голода, тогда наша Империя за морем, вооруженная и под охраной Британского Флота, будет продолжать сражение до тех пор, пока в благословенное Богом время Новый Мир со всей его силой и мощью не отправится на спасение и освобождение старого".

18 июня, после капитуляции Франции, родилась речь "Их звездный час", где Черчилль утверждал: "То, что генерал Вейган называл битвой за Францию, окончено. Со дня на день начнется битва за Англию. От исхода этого сражения зависит судьба христианской цивилизации. От этого зависит наша собственная

британская жизнь и длительная непрерывность наших учреждений и нашей Империи. Скоро на нас обрушатся вся ярость и мощь врага. Гитлер знает, что или ему надо сломить нас на нашем Острове, или он проиграет войну. Если мы выстоим и борьбе с ним, вся Европа может стать свободной, и жизнь всего мира двинется вперед на широкие, залитые солнцем высоты. Но если мы потерпим поражение, весь мир, включая Соединенные Штаты, включая все, что мы знаем и любим, погрузится в бездну нового Темного века, который лучи извращенной науки сделают более губительным и, возможно, более длительным. Поэтому соберемся с духом для выполнения нашего долга и будем держаться так, что если Британская империя и Британское Содружество просуществуют тысячу лет, то и тогда, через тысячу лет, люди скажут: "Это был их звездный час".

Насчет тысячелетнего существования Британской империи Черчилль оказался плохим пророком. А вот насчет "звездного часа" не ошибся, ибо победа во Второй мировой войне далась Англии труднее, чем в любой другой войне в ее истории.

Летом 1940 года Черчилль оставил британский флот в Восточном Средиземноморье, несмотря на предложение ряда адмиралов отвести его к Гибралтару. Он считал Италию слабейшим звеном вражеской коалиции и полагал необходимым сосредоточить против нее основные усилия, действуя по одному из основных принципов стратегии: стараться сосредоточить свои превосходящие силы против слабейшей группировки противника. Но прежде надо было отразить угрозу германского вторжения на Британские острова.

Уже в июле 1940 года Черчилль направил левого лейбориста сэра Стаффорда Криниса в качестве специального посланника в Москву. Кринис должен был предложить Сталину отказаться от союза с Гитлером, обещая учесть за это разумные территориальные притязания со стороны СССР в Восточной Европе. Но 22 июня 1941 года эта миссия была невыполнима.

Зато США сразу после поражения Франции начали оказывать Великобритании всестороннюю и действенную поддержку. В частности, уже в сентябре 1940 года Англия получила от США 50 эсминцев в обмен на разрешение американцам арендовать военные базы на территории британских владений в Вест-Индии, Ньюфаундленде и Британской Гвиане. Черчилль справедливо считал, что Англия ничего не теряет, поскольку эти балы фактически будут использоваться США против Германии. Эсминцы же были остро необходимы Англии для эскортирования атлантических конвоев. И еще до принятия 11 марта 1941 года конгрессом акта о ленд-лизе Америка поставляла Англии

продовольствие, стратегические материалы и вооружение.

Перед нападением на Россию, чтобы избежать войны на два фронта, Гитлер решил покончить с Англией. 2 июля 1940 года он отдал приказ о подготовке плана высадки в Англии, а 16 июля он издал директиву о подготовке операции по высадке десанта на Британские острова, которой было присвоено кодовое наименование "Морской лев". Еще до появления плана "Морской лев", 21 июня 1940 года, Генштаб германских сухопутных сил сообщил командованию флота, что не разрабатывает плана высадки в Англии, поскольку считает такую высадку неосуществимой. Также и люфтваффе еще в январе 1940 года считали высадку в Англии неосуществимой из-за невозможности нейтрализовать британскую авиацию.

Флот, напротив, занимался разработкой планов вторжения в Англию еще с середины ноября 1939 года, но только после капитуляции Франции, последовавшей 22 июня 1940 года, эти планы встали в практическую плоскость.

21 мая 1940 года, когда определился решающий успех вермахта во Франции, Гитлер обсудил с главнокомандующим флотом гросс-адмиралом Эрихом фон Редером возможность высадки в Англии после завершения французской кампании.

В директиве от 16 июля говорилось: "Учитывая, что Англия, несмотря на свое безнадежное военное положение, не проявляет никаких признаков готовности к соглашению, я решил начать подготовку и, если возникнет необходимость, высадить десант в Англии. Цель этой операции — устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если это потребуется, полностью захватить ее". Германские войска должны были форсировать Ла-Манш, высадиться между Дувром и Портсмутом в составе 25 дивизий, а затем наступать, чтобы окружить Лондон. Фронт предполагалось растянуть от Фолкстона до Богнора. Командовать армией вторжения должен был только что произведенный в фельдмаршалы Рундштедт.

Чтобы завоевать господство в воздухе, необходимое для проведения операции "Морской лев", люфтваффе с 9 июля 1940 года начали массированное наступление на Англию, постепенно наращивая удары. Первоначальной целью были прибрежные конвои и порт Дувр, но постепенно география и цели бомбардировок расширились.

1 августа 1940 г. Гитлер издал директиву № 17 "О ведении воздушной и морской войны против Англии". Там говорилось: "С целью создания предпосылок для окончательного разгрома Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой, нежели до сих пор, форме. Для этого

приказываю:

1. Германским военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию...

2. По достижении временного или местного превосходства в воздухе продолжать действия авиации против гаваней, особенно против сооружений, предназначенных для хранения запасов продовольствия... Налеты на порты южного побережья производить с учетом запланированной операции в возможно меньшем масштабе...

4. Усиленную воздушную войну вести таким образом, чтобы авиация в любой момент могла быть привлечена к поддержке операций военно-морского флота... Кроме того, она должна сохранить свою боеспособность для операции "Морской лев".

5. Терроризирующие налеты в качестве возмездия остаются в моей компетенции".

Новое наступление предполагалось начать уже 5 августа, но реально массированные удары начались только после 15 августа.

Для битвы за Англию люфтваффе имели 929 истребителей, 875 бомбардировщиков и 315 пикирующих бомбардировщиков в составе 2-го и 3-го воздушных флотов, базировавшихся в Северной Франции, Бельгии и Голландии. Кроме того, против Британских островов могли действовать 123 бомбардировщика и 34 истребителя 5-го воздушного флота в Норвегии. Британские Королевские ВВС могли выставить против люфтваффе лишь 700 истребителей и 500 бомбардировщиков. Всего же немцы во время воздушного наступления на Британию использовали 2550 самолетов, а англичане — 1963 самолета. Однако у англичан было одно решающее преимущество. Их самолеты действовали с аэродромов в Южной Англии и могли быстро вернуться на базы для пополнения запасов горючего и боеприпасов, совершая, таким образом, но несколько вылетов в день. Германские же самолеты действовали на пределе своего радиуса и не могли делать ежедневно более одного вылета. Кроме того, подбитые британские самолеты имели гораздо больше шансов дотянуть до своих баз, чем германские, многие из которых падали на обратном пути в воды Ла-Манша. Также и британские летчики, спасшиеся со сбитых машин на парашюте, как правило, возвращались в строй, тогда как их немецкие коллеги отправлялись до конца войны в лагеря военнопленных или гибли в водах Атлантики. Британские "спитфайеры" были не хуже немецких Ме-109, а большие потери опытных летчиков люфтваффе быстро уравнивали позиции сторон и в сфере уровня боевой подготовки пилотов. Англичанам также очень помогли

радары — одно из любимых детищ Черчилля. Как только немецкие самолеты поднимались в воздух с аэродромов в Западной Европе, радары уже на дистанции 200 км обнаруживали их и очень точно определяли курс полета, и английские истребители уже поджидали их перед целями.

Поэтому 12 августа массированным налетам люфтваффе подверглись британские радары, но лишь один из них оказался серьезно поврежден. 13 и 14 августа 1500 машин люфтваффе бомбили английские аэродромы, но результат оказался совершенно ничтожен. Было уничтожено всего 13 английских самолетов при потере 47 немецких. 15 августа 800 германских самолетов бомбили южное побережье Англии. Рассчитывая, что все силы британской истребительной авиации были стянуты туда, 100 бомбардировщиков в сопровождении 34 истребителей — двухмоторных Me-110 5-го флота — попытались атаковать восточное побережье, но были перехвачены семью эскадрильями "харрикейнов" и "спитфайеров", которым тяжелые Me-110 не могли противостоять из-за худшей маневренности и меньшей скорости. Англичане потерь не понесли, а немцы лишились 30 машин. На юге Англии в этот день немцы потеряли 75 самолетов против 34 английских. Отсутствие у немцев тяжелых стратегических бомбардировщиков ограничивало бомбовую нагрузку и заставляло вести преимущественно прицельное бомбометание с малых высот, что делало бомбардировщики уязвимыми для средств ПВО.

15 и 16 августа, в решающие дни наступления люфтваффе. Черчилль прибыл в штаб командования истребительной авиацией, а затем — в штаб 11-й авиационной бригады, которая приняла на себя основной удар противника. На обратном пути сопровождавший премьера начальник его личного штаба генерал Хейстингс Лайонел Немей услышал, как потрясенный Уинстон воскликнул: "Никогда за всю историю войн столь многие не были так обязаны столь немногим!" 20 августа он повторил эту ставшую крылатой фразу в палате общин.

С июля по октябрь 1940 года Королевские ВВС безвозвратно потеряли 415 пилотов — почти вдвое меньше, чем во время сражений во Франции. Это произошло потому, что практически все воздушные схватки в ходе битвы за Британию происходили над британской территорией и большинство пилотов, спустившихся с парашютами, смогли снова вернуться в строй, да и дотянуть до аэродрома подбитым машинам было значительно легче. Во время же битвы за Францию большинство британских пилотов были сбиты над боевыми порядками немецких войск, так что уцелевшие либо попадали в немецкий плен, либо вынуждены

были скрываться и числились пропавшими без вести.

24 августа люфтваффе переключились на уничтожение секторных станций — подземных центров управления, наводящих самолеты на цели с помощью радаров. С этого дня и вплоть до 6 сентября удары наносились главным образом по наземным объектам британских ВВС. Пять передовых аэродромов истребительной авиации на юге Англии были основательно разрушены, а шесть из семи ключевых секторных станций подверглись ожесточенной бомбардировке. До 6 сентября англичане потеряли 295 самолетов и 103 летчиков. Еще 170 машин были повреждены. Немцы лишились 385 самолетов, включая 214 истребителей. Затем люфтваффе переключились на бомбардировки Лондона. Это рассматривалось как непосредственная подготовка вторжения. Расчет был на то, что массированные налеты вызовут панику в британской столице и беженцы забьют дорога, ограничив возможности по переброске британских войск для отражения германского десанта. Вечером и ночью 7 сентября Лондон бомбили 625 бомбардировщиков и 648 истребителей. Было убито 842 человека и ранено 2347. Британские истребители этот налет прозевали, и потери люфтваффе были ничтожны. Но дневной налет на Лондон 15 сентября закончился катастрофой. 200 бомбардировщиков, которых сопровождали 600 истребителей, попали под атаки "спитфайеров" и "харрикейнов", наведенных с помощью радаров. Было сбито 56 немецких самолетов, включая 34 бомбардировщика. Англичане потеряли 26 машин. Из строя была выведена четверть всех бомбардировщиков. Это был проигрыш люфтваффе "битвы за Британию". После этого немцы перешли исключительно к ночным налетам на Лондон, но они имели уже только моральное, а не стратегическое значение, поскольку операция "Морской лев" была отложена на неопределенный срок. 14 ноября 1940 года в рамках этой стратегии, направленной на подрыв морального духа британцев, был подвергнут жестокой бомбардировке Ковентри, центр авиапромышленности, но военного значения это уже не имело. Во второй половине ноября массированные налеты на Англию были прекращены.

Всего к исходу октября 1940 года, когда воздушная "Битва за Британию" закончилась, немцы безвозвратно потеряли 1877 машин (в том числе 1014 бомбардировщиков и 873 истребителя), а англичане — только 1547 (в том числе 1023 истребителя, 376 бомбардировщиков и 148 самолетов берегового командования). При этом англичане легче могли восполнить потери в самолетах, так как британские заводы выпустили 9924 машины, а немецкие — только 8070. Еще тяжелее были безвозвратные потери

люфтваффе в пилотах. Они составили 2698 убитыми и 967 взятыми в плен. Британские же экипажи потеряли 544 убитыми и 422 ранеными. Сказалось также то, что в германских потерях самолетов резко преобладали бомбардировщики, экипажи которых были более многочисленны, чем экипажи истребителей. Причиной поражения люфтваффе стала не частая смена стратегии, как думают некоторые историки, а действие постоянных долговременных факторов в виде географического преимущества англичан в виде близости баз, наличия радаров и секторных станций. В условиях примерного качественного равенства истребителей сторон эти преимущества с лихвой компенсирован! численное превосходство люфтваффе. Частая смена стратегии Герингом была вызвана постепенным истощением сил и постоянным поиском слабых мест Англии. Растущие потери не позволяли продолжать те стратегии, к которым англичане уже успевали приспособиться.

Широко распространено мнение, что благодаря дешифровальной системе "Ультра" англичане еще за три дня знали о грядущем налете люфтваффе на Ковентри, последовавшем в ночь с 14 на 15 ноября 1910 года. Но Черчилль будто бы запретил эвакуацию, чем обрек на гибель тысячи людей, зато не выдал немцам, что англичане читают их шифры. В действительности же британская разведка знала только, что готовится крупный налет, но вплоть до середины дня 14 ноября не знала, какой именно город будет его целью, склоняясь к мысли, что жертвой налета, скорее всего, будет Лондон. Только во второй половине 14 ноября стало известно, что удар планируется по Ковентри, но в этот момент времени на эвакуацию все равно уже не было. Так что Черчилль не стоял перед дьявольской дилеммой — спасти тысячи жизней или сохранить военную тайну.

К вторжению на Британские острова готовились и германские сухопутные войска. В директиве Гитлера от 16 июля говорилось: "Учитывая, что Англия, несмотря на свое безнадежное военное положение, не проявляет никаких признаков готовности к соглашению, я решил начать подготовку и, если возникнет необходимость, высадить десант в Англии. Цель этой операции — устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если это потребует, полностью захватить её". Германские войска должны были форсировать Ла-Манш, высадиться между Дувром и Портсмутом в составе 25 дивизий, а затем наступать с целью отрезать Лондон. Фронт предполагалось растянуть от Фолкстона до Богнора. Командовать армией вторжения должен был только что произведенный в

фельдмаршалы Рундштедт.

Уже 17 июля был отдан приказ о размещении на побережье Ла-Манша тринадцати дивизий, которые должны были составить первую волну вторжения численностью 260 тыс. человек. В первом эшелоне предполагалось высадить 90 тысяч. Всю операцию главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал Вальтер фон Браухич рассчитывал завершить в течение месяца, причем упорное сопротивление британских войск предполагалось лишь на протяжении первых двух недель. Однако высадка при атом предполагалась на широком фронте в 200 миль, что, по заключению адмирала Редера, было непосильной задачей для германского флота. Для того чтобы высадить на таком широком фронте 90 тыс. солдат с боевой техникой, требовалось 1722 баржи, 1161 моторный катер, 471 буксир и 155 транспортов. Даже если бы ату армаду удалось сконцентрировать в портах Ла-Манша (а это действительно удалось сделать), люфтваффе никак не смогли бы защитить их в портах от ударов британской авиации, а тем более в море и в период высадки — от атак британского флота.

К середине сентября Черчилль имел на Британских островах уже 20 боеспособных дивизий, включая три танковых, и одну танковую бригаду. Этих сил должно было хватить, чтобы остановить продвижение первой волны вторжения. А затем можно было надеяться, что королевская авиация и флот уничтожат германские десантные средства и вынудят армию вторжения капитулировать. Для немедленного же десанта в конце июля у германского флота просто не было необходимых транспортных средств в районе Ла-Манша, поскольку операции "Морской лев" до завершения французской кампании никто не планировал и заранее десантные средства не собирал.

На совещании 21 июля Редер предлагал перенести операцию "Морской лев" на май 1941 года. Однако Гитлер резонно возразил, что к этому времени германский флот все равно не сможет сократить разрыв с британским флотом, а британская сухопутная армия, да и авиация к тому времени наверняка усилятся. И приказал готовить операцию к середине сентября. Ее начало в это время или перенос на май 1941 года зависели от того, сможет ли люфтваффе нанести английской авиации и флоту, а также военной промышленности такой урон, который исключит эффективное противодействие высадке.

В качестве предпосылки для осуществления десанта фюрер требовал: "Английская авиация должна быть настолько морально и фактически подавлена, чтобы она больше не могла противодействовать переправе германских войск в качестве

заслуживающей упоминания силы... Желательно незадолго до переправы сковать британские военно-морские силы как в Северном, так и в Средиземном море, где будут действовать итальянцы. Уже сейчас надо попытаться нанести урон британскому флоту с помощью авиации и торпедных атак". Для достижения этих целей было предпринято массированное воздушное наступление на Британию.

Командование германских сухопутных сил настаивало на том, что армия вторжения должна состоять из 40 дивизий. Однако Редер полагал, что численность десанта не должна превышать 25 дивизий, иначе флот не сможет его снабжать. Но тогда десант уступал по численности личного состава и тяжелой техники британской армии, что существенно снижало шансы на успех.

13 августа начальник штаба оперативного руководства Йодль в меморандуме в качестве обязательных условий проведения операции "Морской лев" назвал гарантированное недопущение британского флота к району высадки и полное господство люфтваффе в воздухе над всей территорией Англии. Оба эти условия были практически невыполнимы. Даже если бы воздушное наступление на Англию имело определенный успех, люфтваффе не смогли бы полностью нейтрализовать британскую авиацию. А для нанесения тяжелых потерь флоту, укрывавшемуся в отдаленных базах, у Германии отсутствовала авианосная авиация.

16 августа фюрер решил отказаться от десанта в заливе Лайм, чтобы высадка производилась меньшими силами и на более узком фронте.

Директива ОКВ от 27 августа за подписью Кейтеля устанавливала окончательные планы десантирования в четырех основных районах на южном побережье между Фолкстоном и Селси Билл и восточнее Портсмута, чтобы овладеть рубежом Портсмут, Темза, восточнее Лондона у Грейвсенда. Одновременно проводилось демонстрационное сосредоточение плавсредств против восточного побережья Англии, которые в день "Д" должны были направиться к предполагаемым районам высадки, а с полпути лечь на обратный курс.

1 сентября началось сосредоточение десантных средств в портах Ла-Манша. Ранее делать это опасались из-за угрозы британских бомбардировок. 3 сентября 1940 года Гитлер определил 21 сентября днем начала операции "Морской лев". Он рассчитывал, что к тому времени британские истребители будут нейтрализованы. Транспорты должны были выйти в море 20 сентября, а окончательный приказ о начале операции должен был

быть отдан 11 сентября. Однако уже 10 сентября британские ВВС начали наносить чувствительные удары по германским транспортам. 13 сентября легкие корабли Британского флота обстреляли Остенде, Кале, Булонь и Шербур, а авиация потопила 80 барж в Остенде. Стало ясно, что английская авиация не уничтожена и сохраняет боеспособность. Поэтому германское вторжение в Англию пришлось 17 сентября отложить на неопределенный срок. Этому решению Гитлера способствовали и большие потери, которые английская авиация нанесла германским судам, сосредоточенным в портах Ла-Манша. К тому времени был потоплен или поврежден 21 транспорт из 170 и 214 десантных барж из 1918. В случае же, если бы они вышли в открытое море и попытались осуществить высадку, они были бы гарантированно уничтожены еще до того, как подошли к британскому побережью. Уже 18 сентября пришлось отдать приказ о рассредоточении транспортов, чтобы не подставлять их под неприятельские бомбы. 12 октября было объявлено, что вторжение переносится на весну 1941 года, но в его успех уже никто не верил.

Необходимо подчеркнуть, что вплоть до сентября 1940 года операция "Морской лев" рассматривалась Гитлером и германским военным командованием как вполне реальный проект. Это доказывается тем, что для ее выполнения были привлечены основные силы люфтваффе и сосредоточен внушительный десантный флот. Однако в отсутствие господства в воздухе и на море этот флот, даже в случае успешной высадки, был бы очень быстро уничтожен британской авиацией и военно-морским флотом, которому слабый германский военно-морской флот не смог бы противостоять. Германские войска на британском берегу остались бы без снабжения и в скором времени вынуждены были бы капитулировать. Именно так произошло с германо-итальянскими войсками в Тунисе три года спустя, в мае 1943 года. Гитлер действительно начал бы операцию "Морской лев" в сентябре 1940 года, если бы люфтваффе к тому времени удалось завоевать господство в воздухе над Британскими островами и нейтрализовать действия британской авиации.

Формально операция "Морской лев" была отменена Гитлером только 9 января 1941 года. Однако уже с конца сентября 1940 года, когда проигрыш воздушного сражения над Англией исключил успешную высадку на Британские острова, она стала использоваться в качестве дезинформационного прикрытия будущего германского нападения на СССР.

Решающую роль в срыве планировавшегося германского вторжения на Британские острова сыграла британская авиация —

любимое детище Черчилля. Но и личные заслуги премьера нельзя недооценивать. Своими речами, заслуженно считающимися шедеврами ораторского искусства, он сумел вдохновить британцев на борьбу, а как премьер успешно скоординировал все усилия по отражению германских атак.

После тяжелого сердечного приступа в 1941 году здоровье Черчилля значительно ухудшилось, однако он не снижал политической активности и делал все для достижения победы.

Гитлер поворачивает на восток

Надежды на победу в войне с Германией Черчилль связывал с привлечением на свою сторону могущественных союзников — США и СССР. Он предупреждал Сталина о грядущем нападении Германии на Советский Союз. Первое послание Черчилля Сталину датировано 1 июля 1940 года. Британский премьер предлагал забыть былые распри и начать переговоры о совместных действиях по предотвращению "германского господства" над Европой, в том числе путем разделения сфер ответственности на Балканах. Сталин на него не ответил.

В начале апреля 1941 года у Черчилля исчезли последние сомнения, что Германия вынашивает планы напасть на Советский Союз. По его поручению министр иностранных дел Иден сообщил о переброске германских войск к советским границам советскому послу в Лондоне Майскому, но тот уклончиво ответил, что СССР пока не обсуждал с Германией возможность заключения новых соглашений и что концентрация немецких войск не вызывает беспокойства у Москвы. Тогда с Майским встретился сам Черчилль и сообщил ему что в случае германского нападения Англия окажет Советскому Союзу помощь. Майский же в ответ потребовал от Англии признания советской аннексии государств Прибалтики. Также и второе послание британского премьера Сталину от 19 апреля 1941 года, где сообщалось о переброске германских танковых дивизий из Югославии обратно в Румынию, что говорило о возможном скором начале войны Германии против СССР, как и первое, осталось без ответа. Двусторонней переписка стала после 22 июня 1941 года.

Франклин Рузвельт

15 июня 1941 года Черчилль обратился с личным посланием к президенту США Франклину Рузвельту с предложением начать действовать совместно после возникновения германо-советской войны. Согласно всем заслуживающим доверия источникам, подчеркивал британский премьер, германское нападение на Россию неизбежно в самые ближайшие дни: "Если вспыхнет новая война, мы, конечно, должны будем оказать всемерную поддержку и любую помощь русским, руководствуясь принципом, что Гитлер является врагом, которого мы должны победить. Я не ожидаю никаких политических реакции и уверен, что германо-русский конфликт не вызовет у вас никакого замешательства".

Так Черчилль отреагировал на заявление ТАСС от 11 июня о том, что Германия так же скрупулезно соблюдает советско-германские договоры, как и Советский Союз, и отсутствие какой-либо реакции Германии на это заявление.

22 июня 1941 года, когда Гитлер уже напал на Советский Союз. Черчилль выступил с речью, где заявил о своей поддержке Москвы. Однако заметил при этом: "Нацистский режим неотличим от худших черт коммунизма. Он лишен каких-либо принципов и основ, кроме ненавистного аппетита к расовому доминированию. Он изощрен во всех формах человеческой злобы, в эффективной жестокости и свирепой агрессии. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошрое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями, отступает. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы

обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома; их матери и жены молятся — о, да — потому что в такое время все молятся о сохранении своих любимых, о возвращении кормильца, покровителя и защитника... У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвлечь нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока с Божьей помощью не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги. И, следовательно, мы окажем любую, какую сможем, помощь России и русским. Мы будем призывать всех наших друзей во всех частях мира выбрать тот же курс и твердо и непоколебимо следовать ему до конца. Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара".

Перед этой речью он сказал своему секретарю Джоку Колвиллу: "У меня лишь одна цель — уничтожить Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в Палате общин".

В мемуарах Черчилль писал: "Сейчас нам предстоит вскрыть ошибочность и тщетность хладнокровных расчетов советского правительства и колоссальной коммунистической машины и их поразительное незнание собственного положения. Они проявили полное безразличие к участи западных держав, хотя это означало уничтожение того самого второго фронта, открытия которого им суждено было вскоре требовать. Они, казалось, и не подозревали, что Гитлер уже более шести месяцев назад принял решение уничтожить их. Если же их разведка поставила их в известность о переброске на восток огромных германских сил, усиливавшейся с каждым днем, то они упустили многие необходимые шаги, которые следовало предпринять при этих обстоятельствах...

Война — это по преимуществу список ошибок, но история вряд ли знает ошибку, равную той, которую допустили Сталин и коммунистические вожди, когда они отбросили все возможности на Балканах и лениво выжидали надвигавшегося на Россию нападения или были неспособны понять, что их ждет. До тех пор

мы считали их расчетливыми эгоистами. В этот период они оказались к тому же простаками. Сила, масса, мужество и выносливость матушки России еще должны были быть брошены на весы. Но если брать за критерий стратегию, политику, прозорливость и компетентность, то Сталин и его комиссары показали себя в тот момент Второй мировой войны совершенно недалекими".

На самом деле, как мы уже говорили, Сталин сам планировал нападение на Германию и значительно переоценивал боеспособность Красной армии. Этим и объяснилась его уверенность, что до 1942 года Гитлер на СССР не нападет.

Сталин ограничился тем, что опубликовал изложение речи Черчилля в "Правде". Он еще не осознал, что Красная армия потерпела катастрофу. Такое понимание пришло к нему лишь к 3 июля, когда он выступил с обращением к народу.

7 июля Черчилль отправил послание Сталину, где заверял, что Британия сделает все, чтобы помочь России, насколько позволят ее ресурсы. После этого Сталин приступил к переговорам с послом Криписом об условиях англо-советского сотрудничества. 12 июля Молотов и Крипис подписали соглашение о взаимопомощи и незаключении сепаратного мира или перемирия.

19 июля Черчилль получил первое послание от Сталина, в котором тот требовал от Великобритании скорейшего открытия Второго фронта в Северной Франции и Норвегии, подчеркивая, что сейчас самое подходящее время для этого, поскольку основные силы Гитлера отвлечены на советско-германский фронт.

Черчилль незамедлительно ответил, что Британия предпримет все возможное, но проблема заключается в ограниченности британских ресурсов и крайней сложности десантной операции. Поэтому сейчас нечего и думать о проведении успешной крупномасштабной операции на Западе. Он напомнил Сталину о том, что Британия больше года воевала в одиночестве и в ближайшее время помощь может быть оказана только силами флота и авиации.

В своем послании Черчиллю от 3 сентября 1941 года Сталин утверждал: "Относительная стабилизация на фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на Восточный фронт 30–34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов, а также вследствие большой активности 20 финских и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада свои силы на Восток... В итоге мы потеряли больше половины Украины, и,

кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда... Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой". Единственный выход из этого опасного положения Иосиф Виссарионович видел в том, чтобы "создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с Восточного фронта 30–40 немецких дивизий и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с.г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых и средних). Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом".

Сталин хотел любой ценой оттянуть немецкие дивизии с Восточного фронта, чтобы ослабить натиск на Красную армию и хоть немного уменьшить громадные советские потери. Черчилль, в свою очередь, понимал, что крах СССР сделает невозможным британскую победу в войне в обозримом будущем, но одновременно сознавал, что обреченная на неудачу высадка во Франции и гибель там наиболее боеспособных дивизий поставит Англию на краю пропасти.

Черчилль 5 сентября в телеграмме британскому послу в Москве Крипису объяснил, почему открытие второго фронта в ближайшее время невозможно: "Все наши генералы убеждены в том, что это (высадка. — Б.С.) кончится только кровопролитными боями, в результате которых мы будем отброшены, а если нам удастся закрепиться на небольших плацдармах, то через несколько дней их все равно придется оставить. Побережье Франции укреплено до предела, и у немцев до сих пор еще больше дивизий на Западе, чем у нас в Великобритании, причем они располагают сильной поддержкой с воздуха. У нас нет такого количества судов, которое необходимо для переброски большой армии на Европейский континент, если только мы не растянем эту переброску на много месяцев (англичане тогда из находившихся в метрополии 39 дивизий, включая 5 бронетанковых, были в состоянии высадить во Франции всего 6 дивизий, которые не имели никаких шансов на успех в борьбе против германской группировки на Западе. — Б.С.). Отвлечение наших флотилий для выполнения подобной операции парализовало бы поддержку армий на Среднем Востоке и полностью прекратило бы наше судоходство в Атлантическом океане. Это могло бы привести к проигрышу битвы за Атлантику, а также к голоду и гибели Британских островов".

В тот же день Черчилль конфиденциально сообщил Рузвельту, что, хотя во время беседы Майский при передаче сталинского послания советский посол ни словом не обмолвился о возможности сепаратных соглашений, у него создаюсь впечатление, что русские не исключают такой возможности. Это не сможет повлиять на военные планы американского и британского правительств, но должно заставить их ускорить отправку совместной миссии в Москву.

1 октября в Москве был подписан первый протокол о британских и американских поставках СССР в период до 1 июля 1942 года.

Советский Союз, как известно, смог устоять в 41-м и без второго фронта, хотя в сентябре и октябре последовали катастрофы под Киевом и Вязьмой и в германском плену оказалось еще более 1,5 млн человек. Не играл еще решающей роли и ленд-лиз, так как первые поставки прибыли в СССР только в конце года. Однако Сталин имел еще резервы. 18 октября, после разгрома войск западного направления, он направил телеграммы в Уральский, Сибирский и Приволжский округа, требуя подготовить к концу ноября для введения в бой имеющиеся там 40 дивизий. У немцев же в тот момент резервов больше не было. Переброшенные с Востока свежие советские дивизии и обеспечили успех Красной армии в битве под Москвой. Ленд-лиз стал играть важную роль позднее, обеспечив возможности для роста производства вооружения и боевой техники в СССР и обретения Красной армией значительно большей мобильности.

Отметим, что все поставленные в СССР из США, Англии и Канады грузы, включая и те, что не дошли до пункта назначения, были оценены в 13,253 млрд долларов. Поставки из США составили 11,36 млрд долларов, из Великобритании — 1,693 млрд (420 млн фунтов стерлингов) и из Канады — 200 млн долларов. ВВП США в 1910 году составлял 101,4 млрд долларов. Точно оценить размер советской ВВП в 1941–1945 годах невозможно. Однако для середины 80-х годов было установлено соотношение между ВВП США и ВВП СССР как 6:1. Если предположить, что примерно таким же было соотношение и в 1940 году, то советский ВВП потом году можно оценить примерно в 17 млрд долларов, а суммарную стоимость поставок по ленд-лизу из всех стран в СССР в 15,15 млрд долларов. Если предположить, что средний годовой размер советского ВВП в военные годы сохранялся на уровне 1940 года, то поставки по ленд-лизу можно оценить в 22,3 % от суммарного объема советского ВВП за войну, т. е. примерно равными среднегодовому объему советского ВВП за этот период. В годы войны в СССР

наблюдалось резкое падение гражданского и сельскохозяйственного производства. Кроме того, во второй половине 41-го и в первой половине 42-го упало и военное производство за счет эвакуации и установки на новых местах военных заводов. Зато в дальнейшем наблюдался значительный рост военной продукции по сравнению с довоенным уровнем. Реальное значение ленд-лиза было еще большим, так как от западных союзников поступало прежде всего то, что было в дефиците в СССР (бензин, взрывчатка, цветные металлы, танки, самолеты, зенитные орудия, тушенка, радиостанции, вагоны, паровозы, промышленное оборудование и др.).

Погрузка танков "Матильда" для СССР в ливерпульских доках. 1941 г.

Стоит также отметить, что, выпуская 8 мая 1945 года приказ о приостановке поставок по ленд-лизу для Советского Союза, Трумэн не собирался применять к СССР каких-либо санкций, и сам этот акт отнюдь не был недружественным актом по отношению к Москве. Президент лишь хотел не нарушать акт ленд-лиза. Когда 10 апреля 1945 года конгресс продлил действие акта на один год, он снабдил закон оговоркой, что параграф 3(с) запрещает президенту "заключать и выполнять любой контракт или соглашение с иностранным правительством о послевоенной помощи, послевоенном восстановлении и послевоенном строительстве...". С Японией же Советский Союз в войну еще не вступил, так что оснований для продолжения ему поставки по ленд-лизу не было.

Во время первой встречи с Рузвельтом в августе 1941 года в Атлантическом океане на борту линкора "Принц Уэльский"

Черчилль предложил проект декларации, в будущем названной Атлантической хартией, в которой, в частности, говорилось: "Наши страны не будут стремиться к территориальным и каким-либо другим захватам;

они не желают территориальных переделов, идущих вразрез с волеизъявлением заинтересованных сторон;

они уважают право народа на выбор той формы правления, при которой они хотели бы жить".

Рузвельт внес карандашную поправку в третий пункт проекта: "...и надеются, что самоуправление сможет вернуть их в то состояние, из которого они были выведены насильственным путем".

Черчилль одобрил правку и предложил следующую формулировку: "...и надеются, что суверенные права и самоуправление смогут вернуть..."

Проект Черчилля также затрагивал вопросы международной безопасности. Там говорилось, что Соединенные Штаты и Великобритания "добиваются такого состояния, при котором не только навсегда будет уничтожен нацизм, но и будет обеспечена защита территориальной целостности всех государств силами международной организации..." Президент вычеркнул слова "...силами международной организации...", поскольку на примере Лиги Наций сомневался в ее действенности. Черчилль убеждал его оставить все в прежнем виде, но Рузвельт стоял на своем, опасаясь негативной реакции американского общественного мнения, не слишком тепло относившегося к почившей в бозе Лиге наций. И, как объяснил Рузвельт Черчиллю, он пока что не является сторонником создания новой Лиги наций. Он пытался найти другие гарантии будущего мирового порядка. В то же время Рузвельт был захвачен идеей, что Соединенные Штаты и Великобритания должны стать двумя полицейскими, способными сдерживать любую агрессию, тем более что к ним вскоре должен присоединиться третий, Советский Союз, а потом и четвертый, Китай. Вот только американский президент, равно как и британский премьер, не знали, что делать, если между собой подерутся сами мировые полицейские.

Черчилль был обеспокоен, что декларация военных целей может быть подвергнута в Англии резкой критике. Он предложил поправку в добавленную Рузвельтом заключительную статью, в которой говорилось о разоружении всех тех, кто представлял угрозу для мира. Гарантией сохранения мира должно было служить "создание широкомасштабной, долговременной системы всеобщей безопасности..."

Рузвельт согласился.

9 сентября 1941 года в речи, произнесенной в палате общин, Черчилль утверждал: "На встрече в Атлантике мы главным образом рассматривали вопросы восстановления суверенитета, самоуправления, существования государств и народов Европы, находящихся под нацистским игом, и принципы регулирования любых изменений территориальных границ".

24 сентября советский посол Майский на встрече союзников в Лондоне заявил о принятии СССР принципов Атлантической хартии, хотя и с некоторыми оговорками: "Принимая во внимание практическое применение этих принципов, которые неизбежно будут приспосабливаться к обстоятельствам, потребностям и специфическим особенностям государств, советское правительство может с уверенностью заявить, что последовательное применение этих принципов будет гарантировать мощную поддержку со стороны правительства и народа Советского Союза".

21 ноября Черчилль предложил Сталину, чтобы Иден сопровождал британских военных экспертов, направленных в Москву. Черчилль пояснил, что главе Форин Офиса приказано обсудить все вопросы, связанные с войной, но основная цель поездки заключается в обсуждении послевоенных соглашений. Сталин приветствовал это предложение.

Во время визита в Москву в период с 16 по 28 декабря Идена и его коллег советские руководители хотели знать, что Советский Союз получит в конце войны. Сталин предложил составить соглашение относительно: а) послевоенных западных границ Советского Союза и б) урегулировании большинства других европейских политических и территориальных вопросов, которые могут возникнуть по окончании войны. Он настаивал, что Балтийские государства, часть Финляндии и Бессарабия должны остаться в составе Советского Союза, а граница с Польшей должна была пройти по линии Керзона. Речь шла также о возможном изменении границ Восточной Пруссии и размещении советских военных баз в Румынии и Финляндии. В случае удовлетворения советских требований Сталин милостиво соглашался поддержать требование о создании британских военных баз во Франции, Бельгии, Нидерландах, Норвегии и Дании. Беда в том, что Англия и не думала их там создавать.

Сталин находился в эйфории после победы под Москвой и верил, что Красная армия начала безостановочное движение на запад так что война может завершиться уже в 1942 году. И не ожидал, что в этом году на него вновь обрушатся сокрушительные поражения.

Черчилль получил информацию Идена о советских

предложениях на пути в Вашингтон и нашел их довольно наглыми и несвоевременными. 20 декабря он отправил с борта корабля сообщение военному правительству: "Требования Сталина относительно Финляндии, Балтийских государств и Румынии полностью противоречат первому, второму и третьему пунктам Атлантической хартии, подписанной Сталиным. Не может идти речи о подобном соглашении, тайном, явном или подразумеваемом, без предварительного согласования с Соединенными Штатами. Еще не время для улаживания пограничных вопросов; они могут быть решены только на мирной конференции после нашей победы в войне".

Сталин эти аргументы не принял, настаивая, что за понесенные потери Советский Союз должен быть вознагражден территориями. Он заметил, что Атлантическая хартия была направлена против тех, кто пытается установить мировое господство, но надо еще посмотреть, не направлено ли она против Советского Союза. Советский диктатор заявил, что, если Британия откажется признать советские границы, это означает, что она создает прецедент, чтобы расчленил Советский Союз на части. Иден отмел это предположение как вздорное.

Проблема второго фронта

1 января 1942 года была подписана Декларация Объединенных Наций, которая обязывала всех участников антигитлеровской коалиции придерживаться принципов Атлантической хартии. Однако Сталин не собирался отказываться от своих приобретений по пакту Молотова-Риббентропа и другим договорам с Гитлером, поэтому принцип Атлантической хартии о непризнании территориальных изменений, происшедших в ходе войны, был ему как кость в горле.

8 января 1942 года Черчилль написал Идену из Америки: "Присоединение государств Балтии к России против воли народа будет противоречить всем принципам, за которые мы сражаемся в этой войне, и пойдет вразрез с нашими устремлениями. Это же относится к Бессарабии и Северной Буковине и в меньшей степени к Финляндии, которая, я полагаю, не намерена безоговорочно присоединиться к России... В любом случае до проведения мирной конференции и речи не может идти о признании границ. Я знаю, что президент Рузвельт придерживается моей точки зрения и несколько раз выражал согласие с нашей жесткой позицией, выработанной еще в Москве".

Важной вехой в развитии советско-британского сотрудничества стал визит наркома иностранных дел В.М. Молотова в Англию в мае 1942 года. На четырехмоторном бомбардировщике Пе-8 на 10-километровой высоте Вячеслав Михайлович пролетел над оккупированной Европой. 20 мая 1942 года Молотов прибыл в Лондон. 26 мая он подписал здесь вместе с Иденом договор "О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны". Английский проект договора не предусматривал признания советских территориальных приобретений 1939–1941 годов, сделанных согласно секретным протоколам к договорам с Германией о ненападении и о дружбе и границе. Молотов и Майский направили Сталину телеграмму, где расценили английский проект как неприемлемый. Но Сталин приказал немедленно подписать договор на английских условиях и вылететь в Америку, с тем чтобы добиться от союзников открытия второго фронта в 1942 году.

21 мая 1942 года, согласно советской записи беседы британского премьера с главой советской дипломатии, "переходя к вопросу о втором фронте, Черчилль говорит, что он хотел бы сделать следующее замечание. Как Великобритания, так и США готовы вторгнуться на Европейский континент самыми большими

силами. Английское правительство рассматривает в настоящее время вопрос о создании в Европе второго фронта и о поднятии (raise) народов, находящихся под нацистской тиранией, и освобождении этих народов. Английское правительство все сделает, чтобы осуществить эту задачу. В связи с этим вопросы, которые надо обсудить, — это вопросы технического и тактического порядка: проблема транспорта, тоннажа десантных средств, воздушной обороны противника и т. д. В настоящее время все эти вопросы изучаются английскими военными специалистами. Он, Черчилль, хотел бы сообщить о том, что во время встречи с Рузвельтом в августе прошлого года он обсуждал эти вопросы с Рузвельтом и еще тогда просил его принять меры к созданию необходимых количеств десантных средств. Он еще раз просил Рузвельта об этом во время своей последней встречи с ним в январе этого года. Рузвельт обещал принять соответствующие меры с целью создания необходимого количества десантных средств. Англия также работает над разрешением этой проблемы и готовится к вторжению с максимальной энергией. Мы, говорит Черчилль, готовы серьезно рисковать, если имеется обоснованная надежда на успех наших операций.

Черчилль заявляет, что завтра на совещании Молотов ознакомится с физическими возможностями английского правительства. Второй фронт в Западной Европе будет создан, как только появятся соответствующие условия для вторжения. Но в настоящее время английское правительство связано в своих возможностях.

Молотов в своем ответе Черчиллю заявляет, что он разделяет его мнение, что дружба наших стран вытекает из исторических условий и соответствует глубоким интересам обеих стран. Поскольку наши страны нашли общий язык и поскольку теперь будут уточнены интересующие их вопросы, то он, Молотов, полагает, что дружба даст свои результаты и в послевоенное время. Что касается второго фронта, то Молотов заявляет, что он понимает соображения, изложенные Черчиллем, но он надеется, что вопрос о втором фронте может быть решен положительно в смысле ближайшего срока.

Черчилль заявляет, что он понимает срочность вопроса о создании второго фронта. Каждому ясно, что трудности вторжения могут увеличиваться. Но он хотел бы, чтобы Молотов ознакомился с возможностями реализации в настоящее время этого желания обоих правительств".

В ночь на 22 мая Молотов телеграфировал Сталину: "На утреннем заседании с Черчиллем я изложил цели моего приезда:

обсуждение и по возможности решение вопроса о договорах и вопроса о втором фронте, упомянув о возможности рассмотрения и других вопросов. При этом я подчеркнул особую важность и срочность вопроса о втором фронте, сославшись на инициативу Рузвельта в связи с приглашением меня в США по этому вопросу. Черчилль не возражал, но присовокупил, что британское правительство тоже, может быть, найдет какие-либо "другие вопросы" для рассмотрения. Я согласился...

Черчилль заявил о важности идти в ногу с США и о нежелании нарушать Атлантическую хартию, ссылаясь на трудности с признанием наших проектов договоров в парламентских кругах Англии. Черчилль заявил, что целью британского правительства является обеспечение дружбы и доверия между тремя державами — СССР, Англии и США, ибо на плечи этих держав после победы ляжет руководство делами мира. Если такая дружба будет, все остальное приложится. Поэтому-де не следует создавать затруднений в заключении договоров.

На это я ответил, что... минимальным для нас является восстановление того, что было нарушено Гитлером, плюс дополнительные минимальные гарантии безопасности, прежде всего на северо-западе и на юго-западе от границ СССР. Если британское правительство считает, что соглашение на данной базе сейчас невозможно, то лучше отложить вопрос о договорах до более благоприятного будущего...

По вопросу о Польше была длительная дискуссия. При этом я доказывал, что из желания пойти навстречу Англии мы предлагаем компромисс, в котором мы делаем большую уступку, не требуя сейчас согласим Англии на восстановление советско-польской границы 1941 года и обещая отит вопрос дружественно урегулировать непосредственно с Польшей, а Англии предлагаем сделать меньшую, а именно не подтверждать своего заявления от 30 июля 1941 года (нота британского правительства польскому правительству в изгнании о непризнании английским правительством территориальных изменений, которые были произведены в Европе с 1939 г. — Б.С.). Идеи настаивал, что Англия не может отказаться от подтверждения этого заявления, но согласился не вносить ничего в договор..."

22 мая состоялась еще одна беседа Черчилля и Молотова. Молотов повторил, что "советско-германский фронт имеет огромную протяженность, что это фронт весьма активный и напряженный уже в течение многих месяцев. Ему нечего доказывать не только военным, но и невоенным, что ближайшие недели и месяцы будут особенно напряженными и чреватými опасностями для СССР, а значит, и для наших союзников. Когда

наши войска этой зимой били немецкую гитлеровскую армию, они в то же время готовились к событиям весны и лета 1942 года. Мы испытывали большое напряжение зимой, ведя наступательные операции в трудных условиях, но мы считали, что это будет наилучшей подготовкой к разгрому гитлеровской армии разбойников. Но Гитлер не собирается сдаваться. С ним можно покончить только силой и упорной борьбой. Главная тяжесть борьбы и разгрома гитлеровских войск находится на плечах нашей армии. Она гордится этой честью. Особенно трудным периодом будут ближайшие недели и месяцы, когда должна быть предпринята отчаянная попытка гитлеровской армии, чтобы нанести Красной армии удар. Отсюда вытекает сегодняшняя постановка вопроса о втором фронте. Присутствующим известно, что на обеих сторонах советско-германского фронта стоят огромные вооруженные силы с огромным вооружением. Свою и при этом почетную роль и поставках этого вооружения для СССР сыграли и играют Англия и США. Но сейчас вопрос стоит для нас более остро, чем когда-либо за период советско-германской войны, и поэтому сейчас дело заключается не только в усилении снабжения, но и в открытии второго фронта, что стало теперь столь актуальным и срочным делом... С обеих сторон стоят друг против друга и частично уже приступили к решающим летним операциям миллионы вооруженных людей. Мы не знаем точного соотношения сил обеих сторон. Но мы считаем вероятным и исходим из предположений, что силы противника превосходят наши силы, и этим объясняется трудное положение наших армии в данный период (в действительности численное превосходство как в людях, так и в технике в тот момент, как и практически на протяжении всей войны, было на советской стороне. Но благодаря превосходству в уровне подготовки личного состава и лучшего командования вермахт тогда одерживал победы. — Б.С.). Мы, во всяком случае, считаем, что в данный момент после тяжелых 11 месяцев войны с Германией и после того, как Гитлер мерами насилия, гнета и принуждения ограбил почти всю Европу и набрав в свою армию всякими средствами огромные полчища солдат из союзных с Германией стран, нам не приходится закрывать глаза на то, что перевес сил, возможно, находится на стороне нашего непримиримого врага... Могут ли союзники Советского Союза, и в первую очередь Великобритания, оттянуть от нашего фронта летом и осенью 1942 года хотя бы 40 германских дивизий и связать их боями в Западной Европе. Если это будет сделано, тогда вопрос разгрома Гитлера был бы решен в 1942 году, и, во всяком случае, этот разгром был бы тогда предрешен уже в текущем году".

Черчилль ответил, что "во всех прежних войнах господство на море давало державе, которая им обладала, большие преимущества в смысле возможности высадки десанта по своему желанию на побережье противника, так как противнику было невозможно быть повсюду в состоянии готовности для встречи вторжения с моря. Применение авиации совершенно изменило положение дела. Например, во Франции и в Голландии противник мог бы в течение нескольких часов перебросить свои воздушные силы в любые угрожаемые точки побережья. Горький опыт показал, что десантная операция... не была разумным военным предложением. Неизбежным последствием было то, что мы были лишены возможности использовать значительную часть побережья для высадки десанта. Мы были вынуждены поэтому изучить наши возможности в тех пунктах побережья, в которых превосходство нашей истребительной авиации позволило бы завоевать господство в воздухе. Наши возможности оказались ограниченными пределами Па-де-Кале, окончечностью у Шербурга и частью района Бреста. Вопрос о высадке десанта в этом году в одном из этих районов изучается, и с максимальной энергией ведется подготовка. Наши планы строятся на предположении, что высадка последовательными волнами десантных атакующих войск вызовет воздушные бои, которые, если они будут продолжаться в течение недели или 10 дней, окончатся фактическим уничтожением авиационной мощи на континенте. Когда это будет достигнуто и воздушное сопротивление будет ликвидировано, десанты в других пунктах побережья могли бы быть произведены под прикрытием превосходящих сил нашей морской мощи. Решающее значение в осуществлении наших планов и приготовлений имеет наличие специальных десантных средств, необходимых для того, чтобы произвести высадку начального десанта на весьма сильно защищенном побережье противника. К сожалению, наши ресурсы в области специального типа этих средств пока весьма ограничены. В августе прошлого года на встрече в Атлантике он, Черчилль, убедил президента Рузвельта в срочной необходимости для США приступить к строительству возможно большего количества танковых десантных и других судов, нужных для вторжений".

Фактически Черчилль намекал, что в 1942 году десанта во Франции не будет, но Молотов этот намек не сразу понял. И британскому премьеру пришлось высказаться на этот счет более подробно.

Черчилль отметил, что "нельзя ожидать, что США будут располагать необходимыми вооруженными силами раньше конца 1942 года и что в этом году мы будем располагать большим

количеством десантных средств, в которых столь сильно нуждаемся. На 1 августа мы будем иметь только 383 единицы; на 1 сентября — 566 единиц (для высадки в Нормандии 6 июня 1944 года было использовано 7000 десантных судов. — Б.С.). В 1943 году мы будем располагать значительно большим числом судов, и мы смогли бы высадиться на побережье противника в пяти или шести пунктах в любом месте от Нордкапа до Байонны... При самой доброй воле и старании невероятно, что какая-нибудь операция, которую мы могли бы предпринять в 1942 г., если бы она даже была успешной, оттянула бы значительное количество наземных вооруженных сил противника с Восточного фронта. В воздухе, однако, положение иное: на различных театрах войны мы сковываем уже значительные силы истребительной и бомбардировочной мощи германской авиации. Если бы план проведения воздушных сражений над континентом оказался успешным, немцы предстали бы перед выбором: либо перед уничтожением всей своей истребительной авиации на западе, либо перед необходимостью переброски части своих воздушных сил с востока.

Второй вопрос относится к предложению г. Молотова, что наша цель должна состоять в том, чтобы оттянуть не менее 40 германских дивизий из России. Следует отметить, что в настоящее время против нас в Ливни действуют 11 дивизий "оси", из которых 3 германские, в Норвегии находится эквивалент 8 германских дивизий и 25 дивизий находятся во Франции и Голландии. Всего 44 дивизии.

Американское правительство разделяет желание и решимость английского правительства возможно скорее и возможно большими силами вторгнуться на Европейский континент. Английское правительство рассчитывает произвести эту операцию в 1943 году, когда для этой цели как Англия, так и США будут располагать 1–1,5 миллиона американских и английских войск. Английское правительство готовится к высадке десанта, большого количества войск на большом количестве судов. Если бы высадка десанта была возможна в 1942 году, то Америка не смогла бы принять в этом активного участия из-за недостатка войск и десантных средств".

Отвечая на вопрос Молотова, Черчилль сказал, что "в настоящее время на Британских островах находится эквивалент 40 дивизий, из которых 20 являются действительно мобильными дивизиями.

Эти дивизии не участвуют в военных действиях. Если бы они участвовали, тогда Англия не имела бы в своем распоряжении сил для защиты островов. Причем он должен сказать, что из этого

количества дивизий ежемесячно покидает английские острова 50 тыс. войск для участия в военных действиях на Среднем и Дальнем Востоке. В апреле и марте месяце Великобритании имела на Среднем Востоке, начиная с Персии и кончая Ливией, 16 дивизий, в Индии 7 дивизий. Причем английские потери в результате военных действий с японцами составляют 15 дивизий".

Британские начальники штабов, равно как и Черчилль, считали высадку на Европейский континент в 1942 году, даже в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств на Восточном фронте, невозможной из-за нехватки десантных средств. Высадка считалась опасной и бессмысленной, никак не облегчающей положение русских. Англичане пришли к выводу, что, даже если союзническая армия захватит Шербур или Брест, она будет там заблокирована вплоть до следующей весны, причем на снабжение их придется задействовать все силы флота.

На практике получалось, что для вторжения во Францию можно было использовать не более 20 дивизий, из которых с учетом наличия десантных и транспортных средств можно было реально высадит!" на побережье не более 5–6 дивизий, которые были бы гарантированно обречены на уничтожение, причем для того, чтобы их уничтожить, немцам не пришлось бы снимать ни одной дивизии с Восточного фронта.

На самом деле, если бы высадка в Северной Франции в 1942 году была бы все-таки произведена, у союзников не было бы никаких шансов захватить Шербур, Брест и другие порты, а судов, способных высаживать людей и выгружать грузы на необорудованное побережье, у англичан и американцев тогда еще не было. Высадка 5–6 дивизий исчерпала бы союзные десантные средства, и с учетом неизбежных при этом потерь судов при высадке, высаживать подкрепления было бы уже не на чем. В 1944 году проблема была решена созданием искусственных портов (2 искусственные гавани Малберри и 5 искусственных укрытых гаваней Гусберри), которых не было ни в 42-м, ни в 43-м. К тому же десантных средств в Нормандии было использовано в 12 раз больше, чем Англия имела ко 2 сентября 1942 года. А без возможности получать подкрепления и боеприпасы 5–6 высадившихся дивизий были бы быстро уничтожены теми войсками, которыми немцы располагали во Франции, без присылки подкреплений с Восточного фронта. Даже во время высадки в Нормандии первый порт, Шербур, смогли взять только на 22-й день высадки, 27 июня. Очевидно, что без искусственных гаваней трех недель вполне хватило бы немцам, чтобы уничтожить десант.

Во время операции "Оверлорд" в 1944 году в первой волне было высажено шесть с половиной дивизий, и еще три дивизии были десантированы с воздуха. В 1942-м и в 1943 годах такой воздушный десант был еще невозможен. Уже к вечеру 6 июня 1944 года на плацдармах было 5 пехотных дивизий и 1 ¹/₂, бронетанковых дивизии. В 1942-м и 1943 годах такое быстрое наращивание сил было бы невозможно. Да и превосходство англо-американской авиации до 1944 года не было столь подавляющим.

Черчилль оговорился, что "мы не знаем, каковы резервы или ресурсы Красной армии. Прошел год с начала советско-германской войны. Многие военные специалисты других стран, включая германских, думали, что СССР скоро потерпит поражение. Вопреки этим предположениям, Гитлер потерпел ряд поражений, в особенности зимой. При этом бои на советско-германском фронте происходили и происходят в условиях, когда Красная армия захватывает все больше и больше инициативу в свои руки. Английское правительство не может на основании информации своей разведки отметить концентрации значительных германских сил для большого наступления. Английское правительство отметило лишь, что германское наступление, которое было зафиксировано на май месяц, отложено теперь до середины июня. Это имеет существенное значение. Английское правительство полагает, что наступление Гитлера в этом году будет менее сильным, чем в прошлом году. Но мы в этом не уверены. Он, Черчилль, еще раз повторяет, что он не знает ресурсов советских армий и не спрашивает о них своих гостей".

Британский премьер оказался плохим пророком. Как раз в дни молотовского визита германские войска громили советскую группировку под Харьковом. А накануне начала визита были разгромлены советские войска на Керченском полуострове. Генеральное же немецкое наступление к Сталинграду и Кавказу, которое действительно не уступало по размаху наступательным операциям 1941 года, было не за горами. От конкретизации советских сил и средств Молотов уклонился, ограничившись заявлением, что "мы — советское правительство и великий народ СССР — верим в свои силы. Но мы должны считаться и с возможностью серьезных опасностей. В связи с этим он, Молотов, хотел бы спросить Черчилля, какова будет позиция Великобритании, если СССР в 1942 году не выдержит в предстоящих боях напора, который Гитлер наверняка постарается сделать максимальным?"

Черчилль ответил: "Если русские будут побеждены или советская военная мощь будет серьезно подорвана немцами.

Гитлер, по всей вероятности, двинет как можно больше своих войск и воздушных сил на Запад с целью вторжения в Великобританию. Он может также ударить через Баку на Кавказ и Персию. Это поставило бы нас перед серьезнейшей опасностью, и мы бы ни в коем случае не чувствовали уверенности в том, что располагаем достаточным количеством сил для отражения этого удара. Поэтому наше благополучие зависит от сопротивления Советской армии. Тем не менее, если против ожидания Советская армия будет побеждена и наступит худшее из худших, мы будем драться и надеемся с помощью Соединенных Штатов завоевать подавляющее превосходство в воздухе, которое в течение следующих 18 месяцев или 2 лет даст нам возможность подвергнуть уничтожающим атакам германские города и промышленность. Более того, мы будем поддерживать блокаду и высаживать на континент десанты во все более увеличивающемся количестве. В конце концов мощь Великобритании и Соединенных Штатов одержит верх. Нельзя пройти мимо того факта, что после падения Франции Великобритания одна противостояла в течение целого года многочисленным гитлеровским победоносным дивизиям, обладая лишь плохо вооруженными войсками.

Но это явилось бы трагедией для человечества — такое продолжение войны, и совершенно искренней является наша надежда на русскую победу и горячо желание взять на себя нашу долю участия в сокрушении дьявольских сил. Он, Черчилль, хотел бы, чтобы г. Молотов понял, что заветным желанием британской нации и армии является желание сразиться с врагом возможно скорее и тем помочь мужественной борьбе русской армии и народа.

В заключение Черчилль просил Молотова принять во внимание трудность вторжения с моря. После того как Франция вышла из войны, мы в Великобритании оказались почти безоружными, имели всего лишь несколько плохо вооруженных дивизий, меньше чем 100 танков и меньше чем 200 пушек. И все-таки Гитлер не сделал попытки вторжения по причине того, что он не мог завоевать господства в воздухе. Такая же трудность стоит перед нами в настоящее время".

Попробуем представить себе, как бы продолжалась война, если бы Советский Союз в 1942 году действительно потерпел поражение и уровень его сопротивления после захвата немцами Сталинграда и Кавказа значительно упал. Тогда на Восточном фронте осталось бы 60–70 дивизий. Остальные Гитлер перебросил бы на Запад или демобилизовал. Перебросить дополнительные дивизии в район Средиземноморья было бы затруднительно из-за

противодействия британского флота и англо-американской авиации. Поэтому ход борьбы на этом театре военных действий вряд ли бы существенно изменился по сравнению с тем, как это происходило в действительности. Вероятнее всего, операция "Факел" ("Тори") — высадка союзных войск во французской Северной Африке — и в случае поражения Красной армии все равно была бы осуществлена осенью 1942 года, и наступление Роммеля в Египте было бы остановлено, а затем не позднее середины 1943 года итало-германская армия была бы уничтожена. Наступление же германских войск на Иран в 1942 году и в случае советского поражения представлялось крайне маловероятным из-за очевидных трудностей снабжения. К тому же британская группировка в Иране наверняка была бы усилена отступившими в Иран советскими войсками и новыми американскими дивизиями, которые бы перебросили для защиты нефтяных месторождений. Скорее всего, прогноз Черчилля в целом бы оправдался. Благодаря гигантскому американскому промышленному потенциалу западные союзники достигли бы господства в воздухе. Переброска соединений люфтваффе с Восточного фронта на Запад никак не компенсировала бы гигантское превосходство американской авиапромышленности. Точно так же даже полный выход СССР из войны не мог бы никак предотвратить победу западных союзников в битве за Атлантику в 1943 году, поскольку против Советского Союза Германия использовала лишь ничтожные силы флота.

Скорее всего, не позднее чем к концу 1944 года Англия и США сумели бы захватить плацдармы в Южной Италии и в Нормандии. Отбить эти плацдармы, прикрытые большими силами флота и авиации, немцы бы не смогли. Но и союзники вряд ли смогли бы в то время развернуть с этих плацдармов наступление в глубь Франции и Италии, поскольку у вермахта было бы достаточно сухопутных сил, в том числе танковых дивизий, чтобы остановить англо-американское наступление. Перелом стал бы возможен после появления у Америки атомных бомб в июле 1945 года (а к созданию атомного оружия Черчилль приложил немало усилий, сразу оценив его перспективность). Принимая сложившуюся ситуацию, против Японии, участь которой уже была решена, дефицитные атомные бомбы никто применять бы не стал. Их обрушили бы на Германию, причем не позднее конца 1945 года (к тому времени США могли накопить полтора-два десятка атомных зарядов). Ведь американцы и англичане не знали, что германский атомный проект отстает от американского на два с половиной года (крах советского сопротивления на ускорение темпов его реализации никак повлиять не мог), и медлить с

применением оружия, способного переломить ход войны, конечно же не стали бы. Только Гитлеру, боюсь, для капитуляции двух атомных бомб было мало, и, скорее всего, на Германию пришлось бы сбросить 10–15 ядерных бомб. После этого фюрера, скорее всего, свергли бы собственные генералы и фельдмаршалы, осознав безнадежность сопротивления. Германия лежала бы в радиоактивных развалинах. Ее единолично оккупировали бы английские и американские войска, возможно, с позднейшим привлечением французских. В Польшу вернулось бы из Лондона польское правительство в изгнании, а Советскому Союзу в лучшем случае осталась бы довоенная граница 1939 года, да и не факт, что СССР не распался бы после победы союзников. Потери же союзников в людях в этом случае вряд ли бы сколько-нибудь существенно превысили их реальные потери в 1942–1945 годах, памятую, что американские и британские генералы, в отличие от советских, отнюдь не мостили дороги к победе трупами собственных солдат, а больше полагались на технику. Не случайно германские генералы, которым довелось сражаться и на Восточном, и на Западном фронте, вспоминали, что если в России они имели дело с солдатами, к которым было приложено большое количество вооружений и техники, то на Западе ход событий определялся исключительно техникой, к которой солдаты были лишь приложением.

Черчилль, разумеется, в мае 1912 года не мог знать, что американские атомные бомбы удастся применить еще до конца Второй мировой войны. Скорее всего, в тот момент надежду на конечный успех Англии и США он связывал с тем, что со временем, к году 44-45-му, перевес союзников в авиации, артиллерии и танках станет столь подавляющим, что германскую армию удастся буквально "выбомбить" из Франции и Италии, а заодно разрушить основные стратегические предприятия поенной промышленности, в том числе заводы по производству горючего. Вероятно, рано или поздно так произошло.

Вечером 22 мая состоялась еще одна встреча Черчилля и Идена с Молотовым.

Иден согласился не упоминать в договоре о подтверждении его заявления от 30 июля 1941 года на имя Сикорского. В тот же вечер Молотов телеграфировал Сталину: "Проявляя специальное личное внимание ко мне (завтрак, обед, длительная личная беседа до поздней ночи в Чекерсе), Черчилль по существу двух основных вопросов ведет себя явно несочувственно нам. В последней беседе он дал понять, что лучше отложить подписание обоих договоров, так как трудно договориться, не обидев США...

Все последние беседы создают у меня впечатление, что

Черчилль выжидает событий на нашем фронте и сейчас не торопится договариваться с нами.

23 мая Сталин сообщил Молотову, что под Харьковом "дела у Тимошенко пошли хуже. Он надеется выправить положение".

Молотов полагал, что не следует подписывать союзный договор, не содержащий признания советских границ июня 1941 года. Но в 18.30 24 мая он получил телеграмму Сталина, где неожиданно прочел:

"Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой...

Желательно поскорее подписать договор и после этого вылететь в Америку".

26 мая 1942 года был подписан договор между СССР и Соединенным Королевством Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны". Пойти на подписание договора, в котором не содержалось признания советских аннексий, сделанных согласно секретным протоколам к пакту Молотова — Риббентропа и к советско-германскому договору на границе, Сталина заставило тяжелое положение на фронте, тяжелые поражения, которые потерпели советские войска на Керченском полуострове и под Харьковом. В этих условиях советскому руководителю надо было прежде всего продемонстрировать Германии единство союзников и все растущую поддержку СССР со стороны западных держав.

Черчилль охарактеризовал Молотова следующим образом: "Человек, которого Сталин тогда выдвинул на трибуну советской внешней политики, заслуживает описания, которым в то время не располагали английское и французское правительства. Вячеслав Молотов человек выдающихся способностей и хладнокровно беспощадный...

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезной, и, если в ней упорствовал и, она заканчивалась ложью и оскорблениями. Лишь однажды я как будто добился от него естественной, человеческой реакции. Это было весной 1942 года, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов, мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный перелез на родину. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались в целях сохранения

тайны, я крепко пожал ему руку, и мы взглянули друг другу в глаза. Внезапно он показался мне глубоко тронутым. Под маской стал виден человек. Он ответил мне таким же крепким пожатием. Мы молча сжимали друг другу руки. Однако тогда мы были прочно объединены, и речь шла о том, чтобы выжить или погибнуть вместе. Вся его жизнь прошла среди губительных опасностей, которые либо угрожали ему самому, либо навлекались на других. Нет сомнений, что в Молотове советская машина нашла способного и во многих отношениях типичного представителя — всегда верного члена партии и последователя коммунизма. Дожив до старости, я радуюсь, что мне не пришлось пережить того напряжения, какому он подвергался, — я предпочел бы вовсе не родиться".

Британский премьер также особо отмечал: "Для того чтобы выторговать более выгодные условия в переговорах, Сталин и Молотов считали необходимым скрывать свои истинные намерения до самой последней минуты. Молотов и его подчиненные проявили изумительные образцы двуличия во всех сношениях с обеими сторонами". Что ж, это нормальный дипломатический прием, обычный для дипломатов всех стран мира.

Черчилль так изложил ход своих первых переговоров с Молотовым в Лондоне в письме Рузвельту: "Молотов начал с сообщения о том, что советское правительство поручило ему поехать в Лондон для обсуждения вопроса о создании второго фронта. Это не было новой проблемой. Впервые она была поставлена около десяти месяцев назад, а затем сравнительно недавно толчок этому был дан президентом Рузвельтом, который предложил г-ну Сталину, чтобы он (г-н Молотов) отправился в Соединенные Штаты обсудить этот вопрос. Хотя в данном случае инициатива исходила от Соединенных Штатов, советское правительство сочло целесообразным, чтобы он поехал в Соединенные Штаты через Лондон, поскольку именно на Великобританию должна выпасть первоначально главная задача по организации второго фронта.

Цель его визита — выяснить, как рассматривает английское правительство перспективу отвлечения в 1942 году по меньшей мере 40 германских дивизий из СССР, где в данный момент перевес в вооруженных силах принадлежит, по-видимому, немцам.

Отвечая Молотову, я изложил ему суть наших общих взглядов по поводу будущих операций на континенте. Во всех предыдущих войнах контроль на море давал державе, обладавшей им, великое преимущество — возможность высадиться по желанию на

неприятельском побережье, поскольку противник был не в состоянии подготовиться во всех пунктах к отражению вторжения с моря. Появление авиации изменило все положение. Например, во Франции, Бельгии и Голландии противник может за несколько часов перебросить свою авиацию к угрожаемым пунктам в любой части побережья, а горький опыт показал, что высадка десанта при наличии сильного неприятельского сопротивления в воздухе не является разумным военным предприятием.

Неизбежным последствием этого является то, что значительные участки побережья континента не могут быть использованы нами в качестве мест для высадки войск и судов. Поэтому мы вынуждены изучать свои шансы на высадку в тех районах побережья, где наше превосходство в истребительной авиации дало бы нам контроль в воздухе. По сути дела, наш выбор сводится к Па-де-Кале, оконечности Шербурского полуострова и части района Бреста. Проблема высадки войск в этом году в одном или нескольких из этих районов изучается, и подготовка ведется. В своих планах мы исходим из предположения, что высадка последовательными эшелонами штурмовых войск вызовет воздушные бои, которые, в случае если они продолжатся неделю или десять дней, приведут к фактическому уничтожению неприятельской авиации на континенте. Когда это будет достигнуто и сопротивление в воздухе ликвидировано, в других пунктах побережья смогут быть высажены десанты под прикрытием нашего превосходящего по силе морского флота.

Критическим моментом в разработке наших планов и в приготовлениях является вопрос о специальных десантных судах, необходимых для осуществления первоначального десанта на весьма сильно обороняемом неприятельском побережье. К несчастью, наши ресурсы в отношении этого специального типа судов в данный момент строго ограничены. Я сказал, что уже в августе прошлого года, во время встречи в Атлантическом океане, я доказал президенту Рузвельту неотложную необходимость постройки Соединенными Штатами как можно большего числа танкодесантных и других десантных судов. Позднее, в январе этого года, президент согласился на то, чтобы Соединенные Штаты предприняли еще большие усилия в деле строительства этих судов. Мы, со своей стороны, на протяжении более чем года выпускаем столько десантных судов, сколько это допускает наша потребность в строительстве судов для военного и торгового флотов, понесших тяжелые потери.

Однако следует иметь в виду два момента. Во-первых, при всем желании, и несмотря на все старания, маловероятно, чтобы

любой шаг, который мы смогли бы предпринять в 1942 году, будь он даже успешным, отвлек с Восточного фронта крупные контингенты неприятельских сухопутных сил. В воздухе, однако, положение другое: на различных театрах военных действий мы уже сковываем около половины истребительной и одну треть германской бомбардировочной авиации. Если наш план навязывания воздушных сражений над континентом окажется успешным, немцы, возможно, столкнутся с необходимостью выбирать между уничтожением в боях всей их истребительной авиации на Западе и отвлечением части своих военно-воздушных сил с Востока.

Второй момент касается предложения г-на Молотова о том, что нашей целью должно быть отвлечение из России не менее 40 германских дивизий (включая те, которые сейчас находятся на Западе). Следует отметить, что в настоящий момент перед нами в Ливни стоят 11 дивизий "оси", из которых 3 — германские, в Норвегии — эквивалент 8 германских дивизий и во Франции, в Голландии и Бельгии — 25 германских дивизий. Это составляет в общей сложности 44 дивизии.

Но мы этим не удовлетворяемся, и, если можно будет предпринять какие-то дальнейшие усилия или разработать план облегчения в этом году бремени, лежащего на России, мы не поколеблемся сделать это при условии, что этот план будет здравым и разумным. Ясно, что ни делу русских, ни делу союзников в целом не принесло бы пользы, если бы, действуя любой ценой только для того, чтобы действовать, мы предприняли операцию, которая кончилась бы катастрофой и дала бы противнику повод для похвальбы, а нас ввергла бы в замешательство.

Молотов сказал, что он не сомневается в том, что Англия искренне желает успеха Советской армии в боях против немцев этим летом. Каковы же с точки зрения английского правительства перспективы на советский успех? Каковы бы ни были его взгляды, он будет рад услышать откровенное выражение мнения будь то хорошее или плохое.

Я сказал, что без детального знания ресурсов и резервов обеих сторон трудно составить твердое суждение по этому вопросу. В прошлом году военные эксперты, включая германских, думали, что Советскую армию можно подавить и одолеть. Оказалось, что они полностью ошиблись, В конечном результате советские силы нанесли поражение Гитлеру и чуть не привели его армию к катастрофе. Поэтому союзники России глубоко верят в силу и способности Советской армии. Данные разведки, которыми располагает английское правительство, не указывают

на то, что немцы сосредоточивают огромные силы на каком-то отдельном участке Восточного фронта. Кроме того, сейчас представляется маловероятным, чтобы широкое наступление, возмещенное на май, произошло раньше июня. Во всяком случае, не похоже на то, чтобы гитлеровское наступление в этом году могло быть таким сильным и таким угрожающим, как наступление 1941 года.

Тогда Молотов спросил, каково будет положение и позиция английского правительства в случае, если Советская армия не выдержит в течение 1942 года.

Я сказал, что, если бы советская военная мощь серьезно сократилась в результате германского натиска, Гитлер, по всей вероятности, перебросил бы как можно больше войск и авиации на Запад с целью вторжения в Великобританию. Он может также нанести удар на юг через Баку по Кавказу и Персии. Это последнее наступление подвергло бы нас величайшим опасностям, и мы отнюдь не должны быть уверены, что у нас достаточно сил, чтобы его отразить. Поэтому наша судьба связана с сопротивлением Советской армии. Тем не менее, если, вопреки ожиданиям, она будет разбита и если наступит самое худшее, мы будем продолжать борьбу дальше. В конечном счете силы Великобритании и Соединенных Штатов взяли бы верх. Но какой трагедией для человечества явилось бы такое затягивание войны! Какие серьезные надежды возлагаются на русскую победу и как горячо стремление к тому, чтобы мы сыграли свою роль в победе над злым врагом!

Под конец нашего разговора я попросил г-на Молотова помнить о трудностях вторжения через море. После того как Франция выпала из войны, Великобритания осталась почти оголенной, имея несколько плохо снаряженных дивизий, менее сотни танков и менее 20 полетных орудий. И все же Гитлер не попытался предпринять вторжение в силу того, что он не мог добиться господства в воздухе. Те же трудности стоят перед нами в настоящее время".

Добиться открытия Второго фронта в 1942 году в Европе Молотову не удалось — для десанта через Ла-Манш у союзников не было необходимых средств, прежде всего транспортных. А вот союзный договор с Англией был подписан сроком на 20 лет. Но он не содержал признания границ Советского Союза, обретенных в результате пакта Молотова — Риббентропа, хотя Сталин и настаивал на этом. А после начала холодной войны этот договор превратился в клочок бумаги.

Как раз вскоре после визита Молотова, в ночь на 30 мая 1942 года, состоялся первый массированный налет британской

авиации на немецкий город Кельн, в котором участвовало 1046 самолетов. Из них достигли Кельна 898 самолетов, сбросивших 1455 тонн бомб. В результате налета помимо военных объектов в городе были полностью разрушены строения на площади свыше 240 гектаров, 18 432 жилых, промышленных и общественных зданий. А в августе того же года на Британские острова стали прибывать экипажи американских бомбардировщиков. С их помощью в 1943 году началось союзное воздушное наступление на Германию. Уже в 1911 году немцам пришлось направлять до четверти своего военного производства на противовоздушную оборону и ликвидацию последствий бомбардировок. В период высадки союзников в Нормандии транспортная сеть Германии и Франции была в значительной мере парализована стратегическими бомбардировками. Благодаря действиям англо-американской авиации люфтваффе были существенно ослаблены, и к середине 1944 года союзники завоевали господство в воздухе над Германией в дневное время. Это было необходимой предпосылкой для успешной высадки в Нормандии.

По возвращении Молотова из Вашингтона в Лондон они вместе с Иденом обнародовали 11 июня 1942 года коммюнике, где говорилось, что "во время переговоров была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году". Но это коммюнике призвано было только дезориентировать немцев. И Молотов, и Черчилль уже знали в тот момент, что в 1942 году никакого Второго фронта в Европе не будет. Союзники ограничились высадкой в Северной Африке. Перед публикацией коммюнике британский премьер вручил советскому паркому памятную записку, где говорилось: "Мы ведем подготовку к высадке на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже объяснялось, основным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных судов. Между тем ясно, что ни для дела русских, ни для дела союзников в целом не было бы полезно, если бы мы ради действий любой ценой предприняли какую-либо операцию, которая закончилась бы катастрофой и дала бы противнику удобный случай для похвалы, а нас ввергла бы в замешательство. Невозможно сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время. Следовательно, мы не можем дать обещание в этом отношении, но, если это окажется здравым и разумным, мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь".

В завуалированной форме Черчилль предупреждал Молотова, что надеяться на высадку во Франции в 1942 году не стоит.

В тот же день, 11 июня, Черчилль на совещании военного кабинета заявил, что нет смысла высаживаться во Франции в 1942 году, если нет цели там остаться (а десант наверняка не сможет удержать занятый плацдарм). Высадку в этом году можно будет осуществить, если только немцы будут деморализованы своими неудачами на русском фронте, но пока у них там одни успехи. Военный кабинет согласился с премьером.

Американцы, правда, настаивали на ограниченной высадке во Франции с последующей эвакуацией, поскольку, в отличие от Черчилля, не были уверены в том, что русские смогут удержаться без отвлечения немецких сил на Запад. Черчилль же был уверен, что Сталин устоит.

Строго говоря, неудачная высадка союзного десанта во Франции в 1942 году могла только ухудшить положение Красной армии, поскольку после отражения десанта немцы могли бы перебросить несколько дивизий из Франции на Восточный фронт.

В июне 1942 года в результате нового наступления Роммеля англичане потеряли Тобрук в Ливии. Путь в Египет для германо-итальянских сил казался открыт. Это еще более укрепляло Черчилля в убеждении, что совместную англо-американскую десантную операцию надо произнести в Северной Африке.

8 июля Черчилль писал Рузвельту: "Никакой британский генерал, маршал или адмирал не вправе предлагать "Следжхэммер" (план высадки через Ла-Манш. — Б.С.) в качестве реально осуществимой операции в 1942 году... Я уверен, что французская Северная Африка (операция "Джимнаст") является наилучшим шансом с точки зрения оказания помощи русскому фронту в 1942 году... Это и есть реальный второй фронт, открытый в 1942 году". Рузвельт согласился с Черчиллем.

Перед своей первой поездкой в Москву в августе 1942 года, предпринятой по приглашению Сталина, Черчилль, как он признавался в мемуарах, размышлял "о моей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: "Не будет второго фронта в 1942 году". Это было все равно что везти большой кусок льда на Северный полюс. Тем не менее я был уверен, что я обязан лично сообщить им факты и поговорить обо всем этом лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и

посредников".

10 августа Черчилль с присоединившимся к нему личным представителем президента США А. Гарриманом вылетел из Каира в Тегеран. Кстати сказать, Гарриман был Черчиллю почти родным человеком, являясь любовником бывшей невестки Черчилля Памелы Дигби, которая родила премьеру внука Уинстона и с которой Рэндольф Черчилль развелся в 1945 году. Его отец сохранил расположение к бывшей невестке, которая всю войну провела на Даунинг-стрит в качестве секретаря. А за Аврелия Памела вышла замуж только в 1973 году, уже после смерти Черчилля.

Утром 12 августа двумя самолетами делегация направилась из Тегерана в Москву. Самолет Черчилля прилетел без осложнений вечером в тот же день.

Премьера поселили на сталинской "ближней" даче № 7, других членов делегации разместили в гостинице "Националь". Было подготовлено бомбоубежище на случай воздушной тревоги, организовано снабжение делегации и участников предстоящего приема в Кремле лабораторно проверенными продуктами. Охраняли Черчилля и его спутников 120 сотрудников НКВД.

12 августа состоялась первая встреча Черчилля со Сталиным, которая продолжалась около четырех часов. Черчилль говорил о недостатке десантных средств, о пока малом количестве американских дивизий на Британских островах, о том, что было бы просто неразумным начать высадку в этом году без всякой гарантии на успех, прервав тем самым большие приготовления к операциям в 1943 г. Сталин задал Черчиллю вопрос, "правильно ли он понимает, что второго фронта в этом году не будет, что английское правительство также отказывается от операции по высадке 6–8 дивизий на французском побережье в этом году". Черчилль переспросил Сталина, что советский лидер "понимает под вторым фронтом", и получил ожидаемый ответ: "вторжение большими силами в Европу в этом году". Советский лидер заявил, что "тот, кто не хочет рисковать, никогда не выиграет войны", что "не надо только бояться немцев". Черчилль в ответ напомнил Сталину, что в 1940 году Англия сражалась с Гитлером один на один и немцы так и не решились осуществить высадку на Британские острова.

Он сообщил Сталину об операции "Факел" — захвате побережья французской Северной Африки с помощью 250 тыс. американских и английских солдат не позднее 30 октября. Дядюшка Джо "Факел" одобрил.

13 августа состоялась вторая беседа Сталина и Черчилля. Советский вождь отметил, что расхождения между западными

союзниками и СССР состоят в том, что "англичане и американцы оценивают русский фронт как второстепенный, а он, Сталин, считает его первостепенным" и что западные союзники не выполняют своих обязательств по поставкам в СССР оружия и других материалов, "дают не то, что обещано", но в то же время выразил благодарность за эти поставки. Черчилль привел конкретные данные о количестве судов, готовых к отправке в СССР в срыве поставок, но его мнению, виноват только Гитлер. "Мы, — заявил Сталин, — теряем ежедневно 10 тыс. человек. Мы имеем против себя 280 дивизий противника, из них 25 танковых..." Черчилль ответил, что океаны, моря и транспорт — это факторы, в которых нельзя обвинять западных союзников, и они докажут, что тоже не лишены храбрости", что "в настоящее время на стороне Англии две могучие страны — США и Россия. И поэтому впереди верная победа".

Сталин открыто обвинил британского союзника в нежелании сражаться, на что Черчилль ответил, что извиняет его тон только из уважения к исключительному мужеству русских войск.

"Сталин, откинувшись и пытая трубой, полузакрыв глаза, извергал поток оскорблений. Мы достигли такой точки, перейдя которую государственные деятели уже не могут вести переговоры". — вспоминал Черчилль.

В тот же день Черчилль встретился с Молотовым и заявил ему, что чрезвычайно важно сохранить в тайне, что десанта в Западной Европе в 1942 году не будет.

Молотов согласился с ним, но напомнил, что "в такой трудный момент, как настоящее время, тов. Сталин и советское правительство, конечно, интересуются вопросом, какие шаги будут предприняты американцами и англичанами для помощи нашему фронту".

Черчилль ответил, что придется изобразить дело таким образом, что операция "Факел" — это выполнение англо-американского обязательства о втором фронте, но главная цель состоит в том, чтобы не дать противнику успокоиться, что ему не придется защищать французское побережье в этом году. Черчилль также заявил, что считает чрезвычайно важным установить дружественные, хорошие и искренние отношения со Сталиным, подобные тем, какие у него установились с Рузвельтом, чтобы можно было говорить о вещах без обиды друг на друга.

Следующая встреча двух лидеров состоялась 15 августа. За день до этого Черчилль направил Сталину специальное послание ("Памятную записку") в ответ на меморандум советского лидера по поводу второго фронта. В меморандуме Сталин утверждал, что отказ Великобритании открыть второй фронт в Европе в 1942

году нанес большой ущерб Красной армии и общему делу союзников. Черчилль ответил, сославшись на "Факел", что ни Англия, ни США "не нарушили никакого обещания" в отношении Советского Союза. Он понимает, какую боль и разочарование привез в Москву, имея в виду невозможность для Англии и США открыть второй фронт в 1942 г. Однако именно поэтому он полагал, что "лучше ему самому приехать в СССР" и "достигнуть личного взаимопонимания со Сталиным". Он надеялся на то, что и Сталин "чувствует, что в этом отношении был достигнут успех". Смысл ответа Сталина сводился к тому, что он и Черчилль узнали и поняли друг друга, "и если между ними имеются разногласия, то это в порядке вещей, ибо между союзниками бывают разногласия". Он был склонен смотреть на дело "оптимистически".

Когда Черчилль остановился на трудностях и огромных, бессмысленных потерях, которые, по его мнению, явятся результатом преждевременной попытки пересечь Ла-Манш, Сталин прервал премьер-министра: "В конце концов, это ведь война". На что Черчилль ответил: "Война еще не означает безрассудства, а будет полным безрассудством навлекать на себя несчастья..." В ответ последовало гнетущее молчание. Наконец Сталин прервал его, заявив, что, если британцы и американцы не могут совершить высадку во Франции в этом году, он не имеет права требовать или настаивать на этом, но обязан сказать, что не согласен с доводами Черчилля.

Черчилль сообщил Сталину данные о переброске на Британские острова американских войск. К 9 апреля 1943 года их численность должна была достигнуть 1 043 400 человек. Британский премьер сказал также, что положение с транспортом вскоре должно улучшиться. Американцы организуют надежную систему конвоирования судов, а англичане обеспечат за собой превосходство в воздухе.

Он также указал, что бомбардировки Германии будут расширены, и рассказал о плане высадки в Северной Африке.

Сталин спросил Черчилля, надеется ли тот, что операция "Факел" удастся. Черчилль ответил утвердительно. Советский лидер заявил, что, хотя эта операция не связана прямо с Россией, "косвенно ее значение очень велико потому, что успех операции — это удар по странам "оси". Одновременно с осуществлением операций в Северной Африке будут предприняты бомбардировки Сицилии и Италии. Это, в свою очередь, заставит немцев оттянуть свои силы для защиты территорий на Западе. Более того, "чтобы держать Гитлера в состоянии напряжения в ожидании нападения на пролив, в августе будет проведен серьезный рейд на

французское побережье. Этот рейд будет представлять собой разведку боем, в которой примут участие 8 тыс. человек и 50 танков...

В заключительной части беседы Черчилль напомнил Сталину, что предупреждал советское правительство о предстоящем нападении Германии весной 1941 года, когда сообщил о переброске немецких танковых дивизий с Балкан в Польшу. На это советский лидер ответил, что "мы никогда в этом не сомневались", но, что он, Сталин, "хотел получить еще шесть месяцев для подготовки к этому нападению".

Здесь Сталин явно соврал. Шесть месяцев отсрочки означали бы, что советский вождь ожидал немецкого нападения в разгар зимы 41-го года. Но это время было абсолютно неподходящее ни для германского нападения на СССР, ни для советского нападения на Германию. Однако Черчилль, естественно, опровергать Сталина не стал.

Следующую встречу, состоявшуюся 14 августа, Черчилль описал в письме Рузвельту 15 августа: "Все мы отправились в Кремль в 11 часов вечера и были приняты только Сталиным и Молотовым в присутствии переводчика. Затем начался весьма неприятный разговор. Сталин вручил мне прилагаемый документ. Мой ответ также прилагается. Когда документ был переведен на английский язык, я сказал, что отвечу на него в письменном виде и что, как он должен понимать, мы приняли решение о курсе, которому будем следовать, и что упреки напрасны. После этого мы спорили около двух часов, и он высказал много неприятных вещей, особенно относительно того, что мы слишком боимся сражаться с немцами, а если бы мы попытались сражаться так, как сражаются русские, то обнаружили бы, что получается не так уж плохо, что мы нарушили свое обещание относительно операции "Следжхэммер" (план ограниченной высадки в Бресте и Шербуре еще в 1942 году в случае критического положения на Восточном фронте. — Б.Г.), что мы не выполнили обязательств по поставкам, обещанным России, и прислали только то, что оставалось после удовлетворения наших собственных нужд. Очевидно, эти жалобы были адресованы в такой же мере Соединенным Штатам, как и Англии. Я недвусмысленно отверг все его утверждения, по без каких-либо колкостей. Я полагаю, что он не привык к тому, чтобы ему постоянно противоречили, по он совсем не рассердился и даже оживился. В одном случае я сказал: "Я извиняю это замечание только ввиду храбрости русских войск". В конце концов он заявил, что мы не можем далее продолжать обсуждение в таком духе, что он должен примириться с нашим решением, и внезапно пригласил нас на обед в 8 часов вечера сегодня.

Однако, приняв приглашение, я сказал, что отбываю самолетом завтра, то есть 15-го утром на рассвете. Джо, казалось, был этим несколько озабочен и спросил, не могу ли я пробыть дольше. Я сказал, что, конечно, могу, если будет сделано что-нибудь полезное, и что я, во всяком случае, подожду еще один день. Затем я упрекнул его за то, что в его позиции не звучит товарищеских нот. Я приехал издалека, чтобы установить хорошие рабочие взаимоотношения. Мы сделали все возможное, чтобы помочь России, и будем продолжать делать это. В течение года мы были оставлены совершенно одни против Германии и Италии. Теперь, когда три великие державы являются союзниками, победа несомненна, но при условии, что мы не разойдемся, и т. д. Я до некоторой степени оживился в этом месте, и, еще до того, как был сделан перевод моего высказывания, он заметил, что ему нравится энергичный характер моих слов. После этого разговор продолжался в несколько менее напряженной атмосфере.

Он стал пространно рассказывать о двух русских реактивных минометах, которые, как он сказал, производят опустошающее действие и которые он предложил продемонстрировать нашим экспертам, если те могут подождать (речь идет о знаменитых "катюшах". — Б.С.). Он заявил, что предоставит нам все данные о них, но не должно ли что-либо последовать в обмен на это? Не следует ли заключить соглашение об обмене информацией об изобретениях? Я заявил, что мы без всякого соглашения дадим им все, за исключением только тех устройств, которые — если они будут находиться в самолетах, сбитых над вражеской территорией, — затруднят наши бомбардировки Германии. Он согласился с этим. Он также согласился, чтобы его военачальники встретились с нашими генералами, и было условлено, что такая встреча состоится в 3 часа того же дня. Вся эта часть разговора была более спокойной, но, когда Гарриман спросил относительно планов переправки американских самолетов через Сибирь, на что русские после продолжительных и настойчивых американских обращений только недавно дали согласие, он резко ответил: "Планами войну не выиграешь". Гарриман поддерживал меня во всех отношениях, и ни я, ни он не отступили ни на дюйм и не произнесли ни одного слова огорчения...

Я серьезно полагаю, что в глубине своего сердца, если оно есть у него, Сталин сознает, что мы правы и что шесть дивизий, предназначенных для участия в операции "Следжхэммер", не принесут ему пользы в этом году. Кроме того, я убежден, что его уверенные и незамедлительные суждения по военным вопросам делают его твердым сторонником операции "Факел". Я полагаю,

что не исключено, что он внесет поправки. В надежде на это я упорно продолжаю свою линию. Во всяком случае, я уверен, что лучше, чтобы все шло именно таким образом, чем любым другим. Никогда с их стороны ни разу не было ни малейшего намека на то, что они не будут продолжать борьбу, а сам я думаю, что Сталин в достаточной мере уверен, что он победит..."

Незапланированная встреча Сталина и Черчилля произошла в ночь с 15 на 16 августа. Вот как сообщал о ней британский премьер в отчете военному кабинету и президенту Рузвельту:

"Я отправился попрощаться с г-ном Сталиным вчера в 7 часов вечера, и мы имели приятную беседу, в ходе которой он дал мне полный отчет о положении русских, которое казалось весьма отрядным. Он, безусловно, весьма уверенно говорит о том, что удержится до зимы. В 8 час. 30 мин. вечера, когда я собирался уходить, он спросил, когда он увидит меня в следующий раз. Я ответил, что уезжаю на рассвете. Тогда он сказал: "Почему бы вам не зайти ко мне на квартиру в Кремле и не выпить немного?" Я отправился к нему и остался на обед, на который был приглашен также г-н Молотов. Г-н Сталин представил меня своей дочери, славной девушке, которая робко поцеловала его, но которой не было разрешено остаться на обед. Обед и редактирование коммюнике продолжались до трех часов утра. У меня был очень хороший переводчик, и я имел возможность говорить более свободно. Преобладала атмосфера особой доброжелательности, и мы впервые установили непринужденные и дружелюбные отношения. Мне кажется, я установил личные взаимоотношения, которые будут полезны. Мы много говорили о "Юпитере" (плане высадки англо-американских войск в Северной Норвегии. Эта операция, призванная отвлечь внимание немцев от высадки в Северной Африке, так и не была проведена. — Б.С.), который, по его мнению, будет необходим в ноябре или в декабре. Без него я не представляю себе, как мы сможем доставлять материалы, которые будут необходимы для дальнейшего оснащения этой колоссальной сражающейся армии. Трансперсидская дорога пропускает лишь половину того, на что мы надеялись. Больше всего ему необходимы грузовики. Он предпочел бы иметь грузовики, а не танки, которых он выпускает 2 тысячи в месяц. Он также хочет получить алюминий... (эти советские запросы в плане изменения номенклатуры поставок по ленд-лизу были полностью удовлетворены. — Б.С.)

В целом... я определенно удовлетворен своей поездкой в Москву. Я убежден в том, что разочаровывающие сведения, которые я привез с собой, мог передать только я лично, не вызвав действительно серьезного расхождения. Эта поездка была моим

долгом. Теперь им известно самое худшее, и, выразив свой протест, они теперь настроены совершенно дружелюбно, и это несмотря на то, что сейчас они переживают самое тревожное и тяжелое время. Кроме того, г-н Сталин абсолютно убежден в больших преимуществах операции "Торч", и я надеюсь, что "Торч" продвигается вперед с нечеловеческой энергией по обе стороны океана".

В советской записи этой встречи отмечалось: "В дальнейшей беседе Черчилль поинтересовался колхозами и судьбой кулаков.

Тов. Сталин ответил, что коллективизация ликвидировала нищенство, поскольку каждый член крестьянской семьи получил возможность самостоятельно зарабатывать и независимо жить. Тов. Сталин рассказал о том, что коллективизация была вызвана желанием внедрить в сельское хозяйство крупные машины, поднять его производительность. Это было возможно осуществить только в крупном хозяйстве. В результате коллективизации в СССР сильно возросла урожайность, особенно благодаря внедрению высококачественных семян. Что касается кулаков, то некоторое количество их было выселено в северные области СССР, где они получили участки земли. Остальные кулаки были перебиты самими крестьянами настолько была ненависть к ним со стороны крестьян.

Черчилль, внимательно выслушав тов. Сталина, заметил, что коллективизации была, вероятно, весьма трудной работой.

Тов. Сталин ответил, что действительно коллективизации была очень трудной работой, на которую было потрачено несколько лет.

Тов. Сталин сообщил Черчиллю, что в ближайшее время мы предпримем налет на Берлин. Конечно, мы ввиду дальности можем послать только около 150 бомбардировщиков. Англичане находятся в лучшем положении, но у нас ходят слухи, что англичане с немцами заключили соглашение о том, чтобы воздерживаться от взаимных бомбардировок Лондона и Берлина.

Черчилль с некоторым раздражением ответил, что никакого соглашения по этому поводу нет и что они начнут бомбить Берлин, как только позволят метеорологические условия и ночи станут достаточно продолжительными. Нам нужно согласовать, сказал он, налеты английских и советских самолетов на Берлин во избежание столкновений между ними.

Тов. Сталин ответил, что это, конечно, нужно сделать (никаких советских налетов на Берлин в то время не последовало, так как у СССР не было баз, с которых можно было достичь германской столицы, и не было дальних бомбардировщиков, способных долететь до Берлина даже с прифронтовых

аэродромов. Очевидно, Сталин блефовал, чтобы выяснить, не заключали ли англичане и немцы каких-либо соглашений об ограничении масштаба бомбардировок. — Б.С.).

Касаясь Германии, Черчилль заявил, что в Германии нужно уничтожить прусский милитаризм и нацизм и разоружить Германию после войны.

Тов. Сталин ответил, что нужно перебить военные кадры Германии. Кроме того, необходимо ослабить Германию путем отделения от нее Рурской области.

Тов. Сталин спросил Черчилля о количестве сил в Англии на островах.

Черчилль ответил, что количество войск в самой Англии достигает 40 дивизий, но при дальнейших уточняющих вопросах тов. Сталина не дал вразумительного ответа".

Сталин поведал Черчиллю некоторые любопытные подробности берлинского визита Молотова. Британский премьер свидетельствует: "Когда в августе 1942 года я впервые посетил Москву я услышал от Сталина более краткий отчет об этих переговорах, который в основных чертах не отличался от германского отчета, но, пожалуй, был более красочным.

"Некоторое время назад, — сказал Сталин, — Молотова обвиняли в том, что он настроен слишком прогермански. Теперь все говорят, что он настроен слишком проанглийски. Но никто из нас никогда не доверял немцам. Для нас с ними всегда был связан вопрос жизни или смерти".

Я заметил, что мы сами это пережили, и поэтому понимаем, что они чувствуют.

"Когда Молотов, — сказал маршал, — отправился в Берлин повидаться с Риббентропом в ноябре 1940 года, вы пронюхали об этом и устроили воздушный налет".

Я кивнул.

"Когда раздались звуки воздушной тревоги, Риббентроп повел его по длинным лестницам в глубокое, пышно обставленное бомбоубежище. Когда они спустились, уже начался налет".

Риббентроп закрыл дверь и сказал Молотову:

"Ну, вот мы и одни здесь. Почему бы нам сейчас не заняться дележом?"

Молотов спросил:

"А что скажет Англия?"

"С Англией покончено, — ответил Риббентроп. — Она больше не является великой державой".

"А в таком случае, — сказал Молотов, — зачем мы сидим в этом убежище и чьи это бомбы падают?"

Перед этим Риббентроп от имени Гитлера просил Молотова

передать Сталину предложение о присоединении СССР к Тройственному союзу Германии, Японии и Италии, предлагая поучаствовать в разделе Британской империи. Советскую сферу влияния предполагалось выделить от южных советских границ и вплоть до Индийского океана.

При расставании Гитлер сказал Молотову: "Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью. Да и сам льщу себе мыслью, что войду в историю. И естественно, что два таких политических деятеля, как мы, должны встретиться. Я прошу вас, господин Молотов, передать господину Сталину мой привет и мое предложение о такой встрече в недалеком будущем..."

На Черчилля особое впечатление произвели слова Сталина о коллективизации. Британский премьер вспоминал: "Он показал мне свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре — столовая, кабинет, спальня и большая ванная. Вскоре появилась сначала очень старая экономка, а затем красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца.

Он взглянул на меня с усмешкой в глазах, и мне показалось, что он хотел сказать: "Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью".

Дочь Сталина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин раскупоривал разные бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею.

Затем он сказал: "Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество — он может пить".

Тогда я понял, что предстоит обед. Я собирался обедать на государственной даче номер 7, где меня ждал польский командующий генерал Андерс, но я попросил моего нового и превосходного переводчика майора Бирса позвонить и передать, что я вернусь после полуночи. Вскоре прибыл Молотов. Мы сели за стол, и с двумя переводчиками нас было пятеро. Майор Бирс жил в Москве 20 лет и отлично понимал Сталина, с которым он в течение некоторого времени вел довольно живой разговор, в котором я не мог принять участия.

Мы просидели за этим столом с 8 часов 30 минут вечера до 2 часов 30 минут ночи, что вместе с моей предыдущей беседой составило в целом более семи часов. Обед был, очевидно, импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные

блюда, и потягивали различные превосходные вина. Молотов принял свой самый приветливый вид, а Сталин, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним.

Вскоре мы заговорили о конвоях судов, направляемых в Россию. В этой связи он сделал грубое замечание о почти полном уничтожении арктического конвоя в июне... В то время мне не были известны многие подробности, которые я знаю сейчас.

"Г-н Сталин спрашивает, — сказал Павлов несколько нерешительно, — разве у английского флота нет чувства гордости?"

Я ответил:

"Вы должны верить мне, что то, что было сделано, было правильно. Я действительно знаю много о флоте и морской войне".

"Это означает, вмешался Сталин, что я ничего не знаю".

"Россия — сухопутный зверь, сказал я, а англичане морские звери".

Он замолчал и вновь обрел свое благодушное настроение...

Было уже за полночь, а Кадоган все не появлялся с проектом коммюнике.

"Скажи те мне, спросил я, на вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?"

Эта тема сейчас же оживила маршала.

"Ну нет, — сказал он, — политика коллективизации была страшной борьбой".

"Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, — сказал я, — ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей".

"С десятью миллионами, — сказал он, подняв руки. — Это было что-то страшное, это длилось четыре года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали трактора крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними было бесполезно спорить. После того как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что он должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском".

Это последнее выражение было новым для меня в этой связи.

"Обсудив с ними это дело, он всегда отвечает, что не хочет

колхоза и лучше обойдется без тракторов".

"Это были люди, которых вы называли кулаками?"

"Да, — ответил он, не повторив этого слова. После паузы он заметил: — Все это было очень скверно и трудно, но необходимо".

"Что же произошло?" — спросил я.

"Многие из них согласились пойти с нами, — ответил он. — Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области, или в Иркутской, или еще дальше на север, но основная их часть была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками".

Наступила довольно длительная пауза. Затем Сталин продолжал: "Мы не только в огромной степени увеличили снабжение продовольствием, но и неизмеримо улучшили качество зерна. Раньше выращивались всевозможные сорта зерна. Сейчас во всей нашей стране никому не разрешается сеять какие бы то ни было другие сорта, помимо стандартного советского зерна. В противном случае с ними обходятся сурово. Это означает еще большее увеличение снабжения продовольствием" (в действительности в результате коллективизации на страну обрушился голод 1932–1933 годов, который повторился в 1946–1947 годах. И никакого улучшения снабжения населения продовольствием и подъема сельского хозяйства не было. Здесь Сталин Черчиллю откровенно врал, но эта ложь британского премьера особо не волновала. — Б.С.).

Я воспроизвожу эти воспоминания по мере того, как они приходят мне на память, и помню, какое сильное впечатление на меня в то время произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются. Несомненно, родится поколение, которому будут неведомы их страдания, но оно, конечно, будет иметь больше еды и будет благословлять имя Сталина. Я не повторил афоризм Берка: "Если я не могу провести реформ без несправедливости, то не надо мне реформ". В условиях, когда вокруг вас свирепствовала мировая война, казалось бесполезным морализировать вслух (этот принцип Черчилль последовательно проводил в отношениях со Сталиным на протяжении всех военных лет, ради сохранения союза сознательно закрывая глаза на сталинские преступления вроде Катыни или коллективизации и на явное нарушение союзнического долга, как, например, на отказ дядюшки Джо помочь польским повстанцам в России в августе 44-го. — Б.С.)

К часу ночи прибыл Кадоган с проектом коммюнике, и мы занялись его окончательным редактированием. На стол подали молочного поросенка довольно крупных размеров (чувствуется, что рассказ о расправе с кулаками нисколько не испортил

Черчиллю аппетита. — Б.С.). До сих пор Сталин только пробовал отдельные блюда, но время близилось уже к 3 часам ночи, и это был его обычный обеденный час. Он предложил Кадогану вместе с ним атаковать жертву, а когда мой друг отказался, хозяин обрушился на жертву в одиночку. Закончив, он поспешно вышел в соседнюю комнату, чтобы выслушать доклады со всех участков фронта, которые начинали поступать к нему после 2 часов утра. Он возвратился минут через 20, и к тому времени мы согласовали коммюнике.

Наконец в 2 часа 30 минут утра я сказал, что должен ехать. Мне нужно было полчаса добираться до дачи и столько же ехать до аэродрома. Голова моя раскалывалась от боли, что было для меня весьма необычным. А мне еще нужно было повидаться с генералом Андерсом. Я просил Молотова не провожать меня на рассвете, так как он явно был очень утомлен. Он посмотрел на меня укоризненно, как бы говоря: "Вы действительно думаете, что я не провожу вас?"

А лидеру парламентской оппозиции Клементу Эттли Черчилль написал, что "мне кажется, что я установил личные отношения, на которые так надеялся".

Статс-секретарь британского МИДа Александр Кадоган так описал в своем отчете историческое застолье: "Два великих деятеля сумели установить контакт и поладить друг с другом... Подходящая обстановка способствовала тому, что беседа оказалась вдвое содержательнее, чем во время официальных переговоров. Атмосфера была, как на свадьбе". По словам Кадогана, у Черчилля от выпитого разболелась голова. "Невозможно вообразить ничего ужаснее кремлевского банкета, но это надо было вытерпеть", — добавил протрезвевший статс-секретарь.

К тому моменту застолье длилось уже четыре с половиной часа, так что Черчилль, увидев своего помощника, тут же шепотом пожаловался ему на головную боль.

"Стол был уставлен тарелками со всевозможной едой, увенчанной молочным поросенком, и бесчисленными бутылками, — повествует Кадоган. — Сталин заставил меня выпить что-то огненное (неужели чистый спирт, как Воланд Маргариту? — Б.С.). Сэр Уинстон предусмотрительно ограничивался красным кавказским вином.

Участники банкета обсуждали в основном отвлеченные темы: предвоенную политическую ситуацию и военно-технические новинки. Сталин дружески назвал Черчилля "старой боевой лошадкой". Тот пообещал в ответ поставить в СССР грузовики, и обещание выполнил. Правда, грузовики были американскими

студебекерами".

Непринужденная беседа продолжалась до трех часов утра, после чего британцы отправились в свою резиденцию за вещами и в 4:15 выехали на аэродром. Сталин проводил гостей до автомобиля и сфотографировался с ними на память.

Это был фирменный прием дядюшки Джо — напоить своих партнеров по переговорам (а также соратников по Политбюро) буквально до беспамятства, чтобы, руководствуясь известной русской мудростью: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, доподлинно выяснить, не замышляют ли что-либо против него партнеры и друзья-соратники. В случае с Черчиллем Сталину хотелось узнать, не собирается ли британский премьер заключить сепаратный мир с Германией. И начнут ли англичане и американцы воевать всерьез или будут до бесконечности заставлять его таскать для них каштаны из огня. Ведь положение Советского Союза в тот момент действительно было критическим, германские войска рвались на Кавказ и к Волге, а советские войска на юге были разбиты. И, похоже, результатом позднего обеда-ужина дядюшка Джо был доволен, убедившись, что Черчилль намерен сражаться всерьез.

9 октября Черчилль сообщил Сталину о приостановке северных конвоев в Россию в связи с тем, что эскортные суда надо использовать для операции "Торч". С пиши ответил более чем сухо: "Получил ваше письмо от 9 октября. Спасибо".

Черчилль расстроился из-за несправедливых подозрений Москвы в том, что западные союзники хотят заключить сепаратный мир, и полного нежелания Сталина по достоинству оценить военные усилия Британии и Америки. 24 октября британский премьер сообщил Рузвельту, что послание из Москвы привело его в состояние крайней растерянности и он просто ничего не понимает. В ответном послании от 27 октября Рузвельт писал: "Я не слишком взволнован полученными ответами, или их отсутствием, из Москвы... Я абсолютно уверен, что русские выдержат зиму, а мы должны в соответствии с нашими планами обеспечивать им поставки и направить авиацию для участия в боевых действиях. Мне бы хотелось, чтобы мы могли сказать Сталину, что выполняем взятые обязательства на сто процентов".

После этих слов Рузвельта Черчилль вновь обрел уверенность и написал Идену: "Уверен, что будет огромной ошибкой бегать за русскими в их теперешнем настроении и еще большей ошибкой гоняться с ними за химерой... Я уверяю вас, единственное, что следует делать, — так это сражаться и выигрывать... Вы увидите, что в случае победного завершения наших усилий мы окажемся в совершенно ином положении. Между тем, общаясь с русскими, я

обязан держать себя в руках, не реагировать на их ложь, упорно продолжая преследовать наши цели".

Несмотря на внешнее радушие, Сталин после первого визита британского премьера в Москву сохранил глубокое недоверие к Черчиллю как скрытому ненавистнику СССР. 19 октября 1942 года Иосиф Виссарионович телеграфировал Майскому: "У нас в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются, несмотря на рост производства в Англии, по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас, наконец, по вопросу о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение сентября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не *выполнил ни* на йоту, несмотря на то что он безусловно мог это выполнить".

Сталин подозревал Черчилля в намерении добиваться поражения СССР и заключить сепаратный мир с Гитлером за советский счет, но таких планов у британского премьера не было никогда, даже в самые тяжелые для Англии месяцы 1940 года.

23 октября Майский ответил Сталину: "Вопрос, который Вы поставили мне, имеет совершенно исключительную важность, и потому я постараюсь дать на него посильный ответ с максимально доступными мне объективностью и откровенностью. Я не хочу создавать у Вас никаких иллюзий ни в ту, ни в другую сторону...

Итак, держит ли Черчилль курс на поражение СССР для того, чтобы потом за наш счет сговориться с Германией Гитлера или Брюннинга. Я не думаю, чтобы Черчилль сознательно ставил себе такую цель. Не думаю по следующим основаниям:

Поражение СССР неизбежно означало бы конец Британской империи. В самом деле, как мог бы Черчилль договориться с Гитлером? На какой базе? Ведь в случае поражения СССР Гитлер стал бы господином не только всей Европы, но и Африки и, по крайней мере, большей части Азин. Говорю "большой части Азии", так как допускаю, что Гитлер мог бы быть вынужденным, особенно на первое время, выделить Японии ее особую "сферу влияния". Очень сомнительно, чтобы в указанном гипотетическом случае Гитлер вообще пошел на какое-либо соглашение с Англией... Сознательно Черчилль не держит курса на поражение СССР (и стаз бы искренне возмущаться, если бы его стали в этом обвинять), но проводимая им политика объективно могла бы

способствовать такому результату. И если это все-таки случится, то отнюдь не потому, что Черчилль со своей стороны делает все возможное для предупреждения разгрома нашей страны...

Если признать правильной мою основную мысль, то все остальное уже легко объясняется. Почему Черчилль фактически сокращает снабжение СССР? Говорю "фактически", так как формально все нам полагающееся по протоколу отгружается, но только... в английских портах. Черчилль фактически сокращает наше снабжение, так как в погоне за "легкой войной" он затеял операцию "Факел", а эта операция для своей реализации требует огромного количества военных судов. Я не знаю всех детальных расчетов Адмиралтейства, но отнюдь не исключено, что одновременное осуществление "Факела" и наших больших конвоев с их тяжелым прикрытием британскому флоту сейчас не под силу. Почему Черчилль не бомбит Берлин. Но это тоже понятно: он не хочет, чтобы немцы в ответ бомбили Лондон, ибо тяжелая бомбежка Лондона нарушала бы концепцию "легкой войны". Почему Черчилль не хочет сейчас судить Гесса. И это понятно: он боится в ответ массовых немецких репрессий против английских пленных. Что же тогда будет концепцией "легкой войны"? Кроме того, поскольку Черчилль ориентируется на длительную войну, он думает: кто знает, для чего еще может пригодиться Гесс...

Конечно, в Англии сейчас есть группы и течения, которые вполне сознательно стремятся к поражению СССР и сделке с Германией. Такова, например, группа Лэди Астор, "группа имперской политики" и другие. По мере сил и возможностей они стараются отравлять общественную атмосферу (в частности, они ведут ожесточенную и далеко не безуспешную борьбу против второго фронта), но пока эти группы отсиживаются в политическом полуподполье, не пользуются большим влиянием и терпеливо ждут благоприятной для них конъюнктуры..."

Сталин ответил Майскому. Из его телеграммы видно, что недоверие к Черчиллю у него все же осталось: "Ваши соображения получил. Я нашел в них много интересного и поучительного. Ряд ваших предложений совпадает с намеченными нами мероприятиями.

Я все же думаю, что, будучи сторонником легкой войны. Черчилль легко поддастся влиянию тех, которые держат курс на поражение Совсоюза, ибо поражение нашей страны и компромисс с Германией ал счет Совсоюза является наиболее легкой формой войны Англии с Германией.

Конечно, англичане потом поймут, что бел русского фронта на континенте Европы при выходе Франции из строя они, т. е.

англичане, обречены на гибель. Но когда они поймут это?

Поживем — увидим.

Я сомневаюсь, чтобы англичане поддержали северную операцию. Они только болтают об этом для виду.

Черчилль заявил нам в Москве, что к началу весны 43-го года около миллиона англо-американских войск откроют второй фронт в Европе. Но Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко дают обещание, чтобы так же легко забыть о нем или даже грубо нарушить его.

Он так же торжественно обещал в Москве бомбить Берлин интенсивно в течение сентября-октября. Однако он не выполнил своего обещания и не попытался даже сообщить в Москву о мотивах невыполнения (мотив, между тем был очевиден — основные силы авиации были задействованы для подготовки высадки в Северной Африке, тогда как налеты на Берлин, отвлекавшие значительные ресурсы, в тот момент имели главным образом пропагандистское значение. — Б.С.) Что же, впредь будем знать с какими союзниками имеем дело.

Я мало верю в операцию "Факел". Если же, вопреки ожиданию, эта операция кончится успешно, можно примириться с тем, что у нас отобрали самолеты ради этой операции".

Также 28 октября, в следующей телеграмме послу, Сталин выразил сомнение в успехе операции "Факел" — высадки союзных войск в Северной Африке. Здесь Сталин, к счастью, оказался плохим пророком, поскольку высадка в ноябре 1942 года увенчалась полным успехом.

В ответ на послание Черчилля с упоминанием о сделке союзников с "мошенником Дарланом", представителем правительства Виши в Северной Африке, чью власть они признали в обмен на его приказ французским войскам прекратить сопротивление и сотрудничать с англо-американскими силами, Молотов составил проект ответного послания, где осудил беспринципность союзников: "Что касается Дарлана, то подозрения в его отношении представляются мне вполне законными. Во всяком случае, прочные решения дел в Северной Африке должны опираться не на Дарлана и ему подобных, а на тех, кто может быть честным союзником в непримиримой борьбе с гитлеровской тиранией, с чем, я уверен, вы согласны". Однако Сталин предпочел другой текст, где проводилась близкая ему мысль о том, что цель оправдывает средства: "Что касается Дарлана, то мне кажется, что американцы умело использовали его для облегчения дела оккупации Северной и Западной Африки. Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и черта с его бабушкой".

Как свидетельствует документ, отправленный Черчиллем в адрес британского штаба 9 ноября, на следующий день после успешной высадки во французской Северной Африке, премьер предлагал сначала захватить Сицилию и Сардинию, а затем, непрерывно тесня врага в Северной Франции и Нидерландах, оккупировать территорию для "нанесения окончательного удара по Италии или, еще лучше, по Южной Франции, одно временно с операциями, не требующими серьезных затрат, в Турции и вместе с русскими, на Балканах".

Рузвельт этот план поддержал, и после ликвидации севера африканской группировки германо-итальянских войск основные усилия союзников были направлены на высадку в Италии, чтобы вывести из войны основного союзника Гитлера.

3 декабря 1942 года глава Имперского генштаба фельдмаршал Ален Брук записал в дневнике: "До сих пор я был уверен, что Уинстон и три начальника штаба, включая меня, придерживаются одной точки зрения, но Черчилль неожиданно изменил позицию и настаивает на создании Западного фронта в 1943 году". На дневном заседании... он заявил: "Вы не должны думать, что можете вылезать со своей "Сардинией" в 1943 году, потому что мы должны открыть Западный фронт, и, что самое важное, мы пообещали Сталину сделать это, когда были в Москве". На это я возразил: "Нет, мы не обещали".

По итогам после краха тунисской группировки германо-итальянских войск в мае 1943 года выбор был сделан в пользу вторжения на Сицилию, а потом — на Апеннинский полуостров. Не вполне понятно, то ли Черчилль в эйфории от успеха "Факела" действительно допускал, что в 1943 году можно будет одновременно высадиться и в Италии, и в Северной Франции, то ли о высадке в Северной Франции он говорил, чтобы задобрить Рузвельта и американских военных, а сам рассматривал в качестве реальной стратегии на 1943 год только высадку в Сицилии, а потом в континентальной Италии.

Рузвельт, Черчилль и начальники их штабов встретились в январе 1943 года в Касабланке для выработки единой стратегии. В Касабланке было объявлено, что союзники будут добиваться безоговорочной капитуляции стран-агрессоров.

Вот что заявил Черчилль в своем выступлении в парламенте 30 июня 1943 года:

"Мы, объединенные нации, требуем от нацистской, фашистской и японской тирании безоговорочной капитуляции. Под этим мы подразумеваем, что их неумное желание к сопротивлению должно быть полностью сломлено и они должны сдаться в расчете на нашу милость и справедливость... Это не

значит ни при каких обстоятельствах, что мы опозорим наши победоносные силы бесчеловечными действиями или жадной мести. Мы стремимся к миру, в котором все ветви человеческого сообщества будут жить в предвкушении того, что американская конституция называет "жизнью, свободой и погоней за счастьем"

Когда в июне 1943 года Черчилль и Рузвельт сообщили Сталину, что летом 1943 года вместо высадки в Северной Франции союзные войска высадятся в Италии, Сталин наиболее подробно и возмущенно ответил в послании британскому премьеру от 24 июня: "Должен Вам заявить, что речь идет здесь не просто о разочаровании советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям.

Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, но сравнению с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину". Майский сообщил, как отреагировал британский премьер: "В ходе разговора Черчилль несколько раз возвращался к той фразе послания товарища Сталина, в которой говорится о "доверии к союзникам". Эта фраза явно не давала покоя Черчиллю и вызвала в нем большое смущение".

Черчилль усомнился и целесообразности продолжения переписки, которая "только приводит к трениям и взаимному раздражению", предложив вернуться к общению по обычным дипломатическим каналам. Майский дежурно напомнил об огромных жертвах Советского Союза и о важности сохранения доверительных отношений в критический момент войны. Черчилль, по утверждению Ивана Михайловича, "стал постепенно обмякать" и оправдываться: "Хотя послание товарища Сталина является очень искусным полемическим документом, оно не вполне учитывает действительное положение вещей... В тот момент, когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искренне верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков... Но мы не боги, и мы делаем ошибки. Война полна всяких неожиданностей".

В заключительном докладе Объединенного комитета начальников штабов Великобритании и США на конференции в Квебеке, состоявшейся в августе 1943 года, указывалось, что операция "Оверлорд" по высадке в Северной Франции будет главным англо-американским наступлением на суше и в воздухе против европейских держав "оси", которое намечалось на 1 мая 1944 года.

И Черчилля, и Рузвельта тревожило быстрое продвижение советских армий на запад. На совещании с американскими

начальниками штабов 19 ноября 1943 г. на борту линкора "Айова" по пути в Каир на англо-американо-китайскую конференцию, которая предшествовала встрече глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране, президент Рузвельт обратил внимание присутствовавших на то, что советские войска находятся всего лишь в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии. Если они форсируют реку Буг, что могут сделать в ближайшие две недели, они окажутся на пороге Румынии.

Президент указывал на необходимость употребить все усилия, чтобы вместе с Англией оккупировать большую часть Европы. Англичане должны были занять Францию, Бельгию, Люксембург, а также южную часть Германии — Баден, Баварию и Вюртемберг. Американцы же, по словам Рузвельта, "должны занять Северо-Западную Германию. Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также в порты Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты".

Эта позиция претерпела существенную эволюцию в последующие месяцы войны. На Ялтинской конференции было в общих чертах определено, что граница между Польшей и Германией пройдет по Одру и Нейсе. В ноябре 1943 года территорию Германии не собирались еще урезать так радикально и, в частности, присоединять Восточную Пруссию к СССР (претензии на Кенигсберг Сталин заявил только в Тегеране). Но все равно получалось, что если отдать американцам Берлин, а вместе с ним всю землю Бранденбург, поскольку было решено, что при определении оккупационных зон земли Германии дробиться не будут, то советская зона оккупации окажется слишком малой по сравнению с оккупационными зонами западных держав. Фактически СССР тогда передали бы только Саксонию с Дрезденом и некоторые померанские земли. Такого унижения от Англии и Америки Сталин бы явно не потерпел, и это грозило, понятное дело, не войной, но отсутствием взаимопонимания и конфронтацией между союзниками в побежденной Германии. А любое существенное увеличение территории советской зоны оккупации требовало включения в нее Берлина с прилегающими землями, т. е. Бранденбурга, на что Рузвельт под влиянием аргументов Черчилля и своих советников в конце концов согласился.

Высадка в нормандии

Балканская стратегия Черчилля, предусматривавшая высадку на Балканах, призвана была предотвратить установление советского контроля над странами Центральной и Юго-Восточной Европы. На заседании Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании 20 августа 1943 года в Квебеке, в частности, обсуждался вопрос, "не помогут ли немцы" вступлению англо-американских войск на территорию Германии, "чтобы дать отпор русским". Однако балканский вариант был отвергнут Рузвельтом и американскими военными. Условия местности на Балканах затрудняли как снабжение высадившихся значительных сил союзников, так и их быстрое продвижение вперед. После того как союзники в сентябре 1943 года высадились в Италии, но были сравнительно легко остановлены уступавшими им по численности и оснащенности силами немцев, стало ясно, что на Балканах неизбежно создастся такой же позиционный тупик.

В Тегеране Черчилль доказывал, что до начала операции "Оверлорд" остается шесть месяцев и поэт ему нежелательно, чтобы англо-американские войска оставались в течение всего этого времени в бездействии. В качестве первоочередной задачи он предлагал занять Рим и блокировать Германию с юга, организовав операции на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Вначале Черчилль дал понять, что предложенные им действия, "возможно, вызвали бы некоторую отсрочку операции через Канал". Затем он высказался более категорично: "Я не могу пожертвовать операциями в Средиземном море только ради того, чтобы сохранить дату 1 мая".

Черчилль предлагал:

1. Довести итальянскую кампанию до захвата Рима и продолжить до условной линии, идущей через Пизу и Римини.

И.В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль в Тегеране. 1943 г.

2. Предпринять согласованную попытку, чтобы склонить или заставить Турцию вступить в войну.

3. Или в связи со вступлением Турции, или иным путем, с помощью блокады или десанта, захватить острова в Эгейском море. Это позволит открыть транспортные маршруты через Дарданеллы и Черное море в Россию — быстрее, проще и большего объема, чем существующий путь; если будет принято такое решение, то откроется юго-восточный вход на Балканы.

4. Совершать небольшие набеги через Адриатику с целью снабжения и поддержки югославских партизан.

5. Закрепившись севернее Рима, предпринять высадку в Южной Франции.

6. Или вместо этого тогда же направить экспедицию в верхнюю часть Адриатики, поставив перед ней задачу пробиться через Люблянское ущелье и далее к Австрии и Венгрии.

При этом Черчилль поддерживал проведение "Оверлорда", которому, по его мнению, операции в Средиземноморье помешать не могли. Как он писал в мемуарах, "я мог увлечь Сталина, но на президента угнетающе действовало предубеждение его военных советников, и в споре он то и дело менял свою позицию..."

Черчилль, подобно Рузвельту, считал, что все три союзника должны быть равноценными партнерами в процессе освобождения и установления порядка в странах Центральной и Восточной Европы. Он опасался, что с именем Германии Советский Союз займет главенствующее положение в Европе.

Но такое распыление сил вызвало возражение у будущего командующего союзными силами в операции "Оверлорд"

Эйзенхауэра. Рузвельту понравилась идея высадки в Адриатике, чтобы объединиться с партизанами Тито, но в конце концов он внял аргументам американских военных.

Сталин возражал Черчиллю, подчеркивая, что итальянский театр военных действий важен лишь для обеспечения свободы судоходства на Средиземном море, но не имеет существенного значения для дальнейших операций против Германии, так как наступление через Альпы предпринять крайне трудно. По поводу сроков высадки в Северной Франции он сказал, что лучше всего предпринять высадку в мае, а "если осуществить "Оверлорд" в августе... то из-за неблагоприятной погоды в этот период ничего из этой операции не выйдет".

Когда *после* обеда Рузвельт, сославшись на усталость, удалился, Черчилль заявил: "Я полагаю, что Бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы он стал нашим верным союзником..."

Сталин хладнокровно парировал: "Ну а дьявол, разумеется, на моей стороне. Потому что конечно же каждый знает, что дьявол — коммунист. А Бог, несомненно, добропорядочный консерватор..."

Утром 30 ноября состоялось заседание англо-американского Объединенного комитета начальников штабов. Датой начала операции "Оверлорд" установили 1 июня 1944 года, по соображениям секретности сообщив советской стороне, что высадка начнется в мае.

Во время завтрака 30 ноября Рузвельт известил Сталина, что британскими и американскими представителями решено провести "Оверлорд" в мае 1944 года, поддержав его вспомогательным десантом в Южной Франции: "...Насколько сейчас можно судить, наиболее подходящим временем будет период с 15 по 20 мая". В ответ Сталин обещал организовать к маю большое наступление в нескольких местах, с тем чтобы сковать немецкие дивизии на Восточном фронте и не дать немцам возможности создать какие-либо затруднения для "Оверлорда".

В действительности к тому времени Рузвельт и Черчилль собирались осуществить высадку не в мае, а в начале июня. Возможно, они сознательно сообщили Сталину более раннюю дату высадки, чем было запланировано, чтобы он действительно начал большое наступление Красной армии в середине мая и тем самым отвлек часть немецких сил из Франции. Но в итоге Сталин перехитрил своих партнеров.

Как известно, высадка в Нормандии началась 6 июня 1944 года. А большое советское наступление в Белоруссии началось только 23 июня, уже после того, как Гитлер перебросил с

Восточного фронта на Западный свой главный резерв — 2-й танковый корпус СС, а также значительные силы люфтваффе. В результате операция "Багратион" стала одной из наиболее успешных операций Красной армии за все время войны.

1 декабря американский президент предложил расчленить Германию на пять независимых государств, а Рурскую и Саарскую области, Гамбург и район Кильского канала поставить под международный контроль. Черчилль поддержал идею о расчленении Германии, предложив включить Баварию и другие южные немецкие провинции в так называемую Дунайскую конфедерацию, которую он предлагал создать после войны. Пруссия также подлежала отделению и изоляции от Германии.

Конференция в Тегеране обсудила также польский вопрос. Черчилль и Рузвельт пытались побудить Сталина к восстановлению отношений с правительством Польши в Лондоне, прерванных Советским Союзом в апреле 1943 года, после того как оно потребовало расследования катынского преступления. К тому времени и премьер, и президент не сомневались, что это советских рук дело (это Черчилль признал и в мемуарах). Об этом им сообщали дипломатические ведомства и разведывательные органы. Однако ради сохранения союза и Черчилль, и Сталин делали вид, что верят сталинской версии, будто поляков в Катыни убили немцы. Публично признать Сталина виновным в преступлении против человечности было для Рузвельта и Черчилля делом немыслимым. После этого им пришлось бы объяснять своей общественности, почему они вступили в союз с таким чудовищем, и сделать это удовлетворительным образом не представлялось возможным.

Дядюшка Джо лицемерно заявил, что "Россия не меньше других, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы — за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне". Условием восстановления каких-либо связей с ним Сталин выдвинул прекращение польским эмигрантским правительством "антисоветской политики". Черчилль безуспешно пытался убедить Сталина помириться с лондонскими поляками, убеждая его, что "мы должны победить Гитлера, а потому у нас нет времени на споры и обвинения". Британский министр полагал, что народы малых стран должны иметь свободу и жить спокойной и мирной жизнью.

Во время одного из совместных обедов в Тегеране произошел замечательный инцидент. Его хорошо описал в своих мемуарах Черчилль: "Обедали мы у Сталина, в узкой компании: Сталин и

Молотов, президент, Гопкинс. Гарриман, Кларк Керр, я, Иден и наши переводчики. Усталости от трудов заседания как не бывало, было довольно весело, предлагалось много тостов. Как раз в это время в дверях появился Эллиот Рузвельт, который прилетел, чтобы присоединиться к своему отцу; кто-то жестом пригласил его пойти. Поэтому он вошел и занял место за столом. Он даже вмешивался в разговор и впоследствии дал весьма пристрастный и крайне неверный отчет о том, что он слышал. Сталин, как рассказывает Гопкинс, сильно меня "поддразнивал", но я принимал это спокойно до тех пор, пока маршал в шутовском тоне не затронул серьезного и даже жуткого вопроса наказания немцев. Германский генеральный штаб, сказал он, должен быть ликвидирован.

Вся сила могущественных армий Гитлера зависит примерно от 50 тысяч офицеров и специалистов. Если этих людей выловить и расстрелять после войны, военная мощь Германии будет уничтожена с корнем.

Здесь я счел нужным сказать:

"Английский парламент и общественное мнение никогда не потерпят массовых казней. Даже если в период военного возбуждения и будет дозволено начать их, английский парламент и общественное мнение после первой же массовой бойни решительно выступят против тех, кто несет за это ответственность". Советские представители не должны заблуждаться на этот счет".

Однако Сталин, быть может, только шутки ради продолжал говорить на эту тему.

"50 тысяч, — сказал он, — должны быть расстреляны".

Я очень рассердился.

"Я предпочел бы, — сказал я, — чтобы меня тут же вывели в этот сад и самого расстреляли, чем согласиться запятнать свою честь и честь своей страны подобным позором".

Здесь вмешался президент. Он внес компромиссное предложение. Надо расстрелять не 50 тысяч, а только 49 тысяч человек. Этим он, несомненно, рассчитывал свести все к шутке. Идеи тоже делал мне знаки и жесты, чтобы успокоить меня и показать, что это шутка. Однако в этот момент Эллиот Рузвельт поднялся со своего места в конце стола и произнес речь, в которой выразил свое полное согласие с планом маршала Сталина и свою полную уверенность в том, что американская армия поддержит его. Здесь я не выдержал, встал из-за стола и ушел в соседнюю комнату, где царил полумрак. Я не пробыл там и минуты, как почувствовал, что кто-то хлопнул меня сзади руками по плечам. Это были Сталин и Молотов; оба они широко

улыбались и с живостью заявили, что они просто шутили и что ничего серьезного они и не думали. Сталин бывает обаятелен, когда он того хочет, и мне никогда не приходилось видеть, чтобы он проявлял это в такой степени, как в этот момент. Хотя в то время — как и сейчас — я не вполне был уверен, что все это была шутка и что за ней не скрывалось серьезного намерения, я согласился вернуться к столу, и остальная часть вечера прошла очень приятно".

Сейчас не приходится сомневаться, что в данной шутке была только доля шутки. Сталин и Молотов были вполне серьезны и в тот вечер прощупывали реакцию союзников на свое людоедское предложение. И в дальнейшем они максимально задерживали возвращение из плена германских офицеров и генералов. А нескольких наиболее опасных генералов, возможно, даже отравили, чтобы не допустить их возвращения в Германию. Но подобные меры были абсолютно бесполезны в качестве попытки воспрепятствовать возрождению германских вооруженных сил. Ведь подавляющее большинство офицеров, генералов и адмиралов вермахта, равно как и войск СС, оказались в плену у западных союзников и сравнительно быстро обрели свободу.

Черчилль тоже воспринял сталинскую идею вполне серьезно. Вот как вспоминал британский премьер об этой беседе в записке от 19 апреля 1944 года к Кадогану: "Сталин говорил о казне огромного количества, свыше пятидесяти тысяч человек, штабных офицеров и военных экспертов. Затрудняюсь сказать, шутил ли он или говорил всерьез. Царила обстановка мрачного веселья. Сталин также заявил, что потребует на неопределенный период четыре миллиона немецких мужчин на работы по восстановлению России".

Черчилль категорически возражал против хладнокровного убийства солдат, сражавшихся за свою родину. Он полагал, что будет справедливо, если военные преступники, совершившие варварские преступления, предстанут перед судом, но был против наказания людей в политических целях.

В Тегеране пытались решить вопрос, стоит ли разделить Германию на несколько государств. Сталин идею разделения горячо поддерживал. Рузвельт с ним согласился. Черчилль заявил, что он в принципе не против, но главным считает отделение Пруссии — центра немецкого милитаризма.

Тогда Рузвельт предложил план раздела Германии на семь частей, пять из которых будут самостоятельными государствами, а две будут находиться под управлением Объединенных Наций или под каким-либо другим видом международного управления. Под двумя последними имелись в виду зона Кильского канала и

бывшие ганзейские города — Бремен. Гамбург и Любек, а также Рурская и Саарская области. Автономными, а фактически независимыми государствами должны были стать 1. Пруссия (в урезанном виде), Ганновер и Северо-Запад; 2. Саксония и район Лейпцига; 3. Гессен-Дармштадт, Гессен-Кассель и районы к югу от Рейна; 4. Бавария; 5. Баден-Вюртемберг.

Черчилль предложил альтернативный план. Пруссия должна быть отделена от Германии. Также южные земли (Бавария. Баден, Вюртемберг, Саксония) должны были стать частью конфедерации Дунайских государств, в которую должны были также войти Австрия, Венгрия и другие Балканские государства. По всей видимости, Черчилль осознавал нереализуемость своей идеи как с Дунайской конфедерацией, так и с довольно искусственным разделением Германии. Скорее всего, он выдвинул свой план, чтобы затянуть дискуссию и не допустить принятия каких-либо определенных решений по германскому вопросу. Когда Черчилль поинтересовался у Сталина, как ему нравится идея с Дунайской федерацией, Сталин заявил, что все немцы одинаковы и дрались как дьяволы и ему пришелся по душе план президента, поскольку есть вероятность, что с его помощью удастся ослабить Германию. Он особо подчеркнул, что категорически против объединения даже части Германии в конфедерацию, поскольку тем самым немцы получают прекрасную возможность для возрождения сильного государства. Рузвельт согласился с утверждением, что все немцы — агрессивные и стойкие воины, но, по его мнению, управлять ими в пределах небольших союзов будет вполне возможно. Черчилль тут удачно подловил своих партнеров. Он возразил, что если Германия будет разделена на небольшие независимые государства и они не войдут ни в какие союзы, то рано или поздно они воссоединятся и бросят вызов своим противникам. На что Сталин ответил: "Нет, Россия не допустит этого". Черчилль воспользовался этой проговоркой и поинтересовался у Сталина, не собирается ли тот разделить всю Европу на небольшие государства, слабые и обособленные. Сталин ответил, что даже не рассматривал такой вопрос, и добавил, что только Германия должна быть разделена, а другие страны нет, "например, Польша станет сильным государством, так же как Франция и Италия...". Тут Черчилль напомнил, что ранее упрекал Францию за слабость и ругал польское правительство в Лондоне за амбициозные представления о том, какое положение Польша могла бы занимать в Европе.

20 декабря 1943 года Черчилль попросил Идена завести с поляками разговор о границах на основе формулы, о которой договорились со Сталиным (линия Одера на западе, линия

Керзона на востоке), и посоветовать им принять это предложение. Тем самым польская территория сдвинулась бы на запад на 300–400 миль и она получила бы 150 миль морского побережья. Одна фраза из меморандума, отправленного Черчиллем Идену в качестве руководства, подошла к самой сути спорных вопросов: "Вам следует дать им понять, что, завладев нынешними немецкими территориями до Одера и твердо удерживая их, они окажут услугу Европе: ведь тогда будет создан базис дружественной политики по отношению к России и тесного сотрудничества с Чехословакией".

Герберт Фейс так формулирует главную проблему, которая стояла перед Черчиллем в польском вопросе: "Как запретить Советскому Союзу сделать Польшу своим придатком, не повредив военному сотрудничеству?" И решение всегда принималось в пользу военного сотрудничества.

Возвращаясь в Лондон из Москвы, Бенеш заехал в Марракеш, где восстанавливал силы Черчилль, и рассказал ему о своем пребывании в Москве. В более позднем отчете об этой беседе Бенеш писал: "Его [Черчилля] реакция была бурной. Он считал, что поляки должны принять требования Москвы; что, приехав в Лондон, я должен сначала информировать Идена, а потом Миколайчика, а затем вместе с Иденом уговорить поляков на правах их друга тотчас же принять решение вступить в переговоры с Москвой и согласиться на предложение Сталина".

В послании Рузвельту от 6 января 1944 года Черчилль писал, что собирается, вернувшись в Лондон, сделать все возможное, чтобы заставить польское правительство "... принять территориальные предложения Советского Союза, выработанные в Тегеране, а потом заявить о своей готовности защищать границу, проходящую по Одера, как бастион от любой агрессии Германии против России, а также всемерно поддержать урегулирование территориальных вопросов. Это будет их долгом перед европейскими державами, которые дважды их спасали".

5 января польское правительство в Лондоне обратилось к полякам, одновременно опубликовав заявление Объединенным Нациям, в основном повторяющее обращение к польскому народу. В этом заявлении утверждалось, что соглашение с Советским Союзом крайне желательно и что в ближайшее время польская власть будет господствовать на освобожденной территории, в связи с чем Советский Союз должен уважать права и интересы Польской Республики и ее граждан. В нем говорилось и о том, что польским подпольщикам 27 октября уже приказано более интенсивно вести борьбу против немцев и избегать каких-либо конфликтов с советскими войсками, входящими в Польшу, и,

напротив, сотрудничать с советскими командующими "...в случае возобновления польско-советских отношений".

20 января 1944 года Черчилль заявил Миколойчику: "Британское правительство считает, что Польша должна быть сильной, независимой и свободной". Но добавил: "От линии Керзона до Одера". Он предупредил Миколойчика, что Великобритания и Соединенные Штаты не станут воевать с Советским Союзом из-за польских границ. Черчилль объяснил, что британское и советское правительства гарантируют эти границы, если Польша их примет, но объяснил, что Рузвельт этого сделать не может. Описывая жестокие порядки, которые Красная армия установит в Польше, Миколойчик попросил союзников найти способ ввести в Польшу войска с целью помочь польской администрации на освобожденных территориях и предоставить населению защиту от советских войск. Записку соответствующего содержания Миколойчик передал Черчиллю в конце беседы.

Черчилль пытался убедить Миколойчика изменить состав польского правительства в Лондоне в соответствии с советскими пожеланиями. Но Сталину нужно было не просто польское правительство, дружественное СССР, а польское коммунистическое правительство, полностью зависимое от Советского Союза. Черчиллю, как и Рузвельту, не нравилось, что Сталин стремится к полному доминированию в Восточной Европе, создавая там правительства по собственному произволу и не допуская туда наблюдателей из других стран.

22 января 1944 года, выступая в палате лордов, Черчилль говорил: "Термин "безоговорочная капитуляция" не означает, что немцы как народ будут порабощены или уничтожены. Однако он означает, что в момент капитуляции союзники не будут связаны с ними каким-либо договором или обязательством... Безоговорочная капитуляция означает, что победители получают полную свободу действий. Это не значит, что они имеют право вести себя наподобие варваров или хотят отгородить Германию от остальных наций Европы".

В тот же день Гарриман поздравил Черчилля с благополучным возвращением в Британию из Карфагена, где тот перенес серьезное заболевание, и, кроме того, написал: "Русский медведь много требует, да еще и кусает руки, которые его кормят".

А неделей раньше, 15 января 1944 года, Европейская консультативная комиссия определила примерные границы будущих оккупационных зон в Германии. Советская зона начиналась южнее Любека на Балтике и далее занимала

пространство между Одером и Эльбой. Из советской зоны исключался Большой Берлин, который должны были совместно оккупировать войска трех держав. Англии доставалась северо-западная зона, а США — юго-западная. Затем последовали только незначительные изменения в границах. Окончательно границы зон оккупации были оформлены соглашением от 12 сентября 1944 года в рамках Европейской консультативной комиссии в Лондоне. Советская оккупационная зона описывалась так: "Территория Германии (включая провинцию Восточная Пруссия), расположенная к востоку от линии, проходящей от пункта на берегу Любекского залива, где сходятся границы Шлезвиг-Гольштейна и Мекленбурга, по западной границе Мекленбурга до границы провинции Ганновер, затем по восточной границе Ганновера до границы Брауншвейга, затем по западной границе прусской провинции Саксония до западной границы Ангальт, далее по западной границе Ангальт, затем по западной границе прусской провинции Саксония и западной границе Тюрингии до пересечения ее с баварской границей и далее на восток по северной границе Баварии до чехословацкой границы 1937 года, занимается вооруженными силами СССР, за исключением района Берлина, для которого... предусматривается особый порядок оккупации".

На Ялтинской конференции в феврале 1945 года к зонам оккупации была добавлена французская зона, а ее границы были определены соглашением, заключенным на Потсдамской конференции 26 июля 1945 года.

15 сентября 1944 года Черчилль и Рузвельт на конференции в Квебеке подписали следующее соглашение: "На совещании между президентом и премьер-министром об оптимальных мерах предотвращения перевооружения Германии установлено, что основным вопросом является будущее управление Руром и Сааром. Легкость, с которой металлургическая, химическая и электронная промышленность Германии может быть конвертирована с мирных рельсов на военные, уже поразила нас своим горьким опытом. Надо также помнить: немцы разрушили большую часть промышленности России и других ее соседей-союзников, и по законам справедливости эти пострадавшие страны должны иметь право забрать себе технику, необходимую им для возмещения своих потерь. Следовательно, упоминавшаяся промышленность Рура и Саара будет неизбежно демонтирована и прекратит существование. Решено, что эти два района должны находиться под контролем какого-нибудь органа международной организации, который будет наблюдать за демонтажем этих отраслей и гарантировать, чтобы они путем каких-нибудь

ухищрений не возобновили свою работу. Настоящая программа уничтожения военной промышленности в Руре и Сааре предусматривает конверсию Германии в страну изначально сельскохозяйственную и пасторальную по своему характеру. Премьер-министр и президент пришли к общему мнению по поводу этой программы".

У. Черчилль. Ф. Рузвельт и И.В. Сталин на Ялтинской конференции

Когда американский министр финансов Моргантау в Квебеке впервые предложил Черчиллю свой план "пасторализации" Германии, то, по словам Моргантау, британский премьер гневно возразил, уж не приехал ли он в Квебек обсуждать схему, которая привяжет Англию к мертвецу? Но в конце концов Моргантау убедил Черчилля, что ограбление Германии поможет более быстрому восстановлению Англии, хотя опыт ситуации, сложившейся после Первой мировой войны, свидетельствовал об обратном. Практически Черчилль согласился с планом Моргантау только для того, чтобы получить еще 6 % млрд американской помощи по ленд-лизу до конца войны с Японией, в том числе на 3.5 млрд — вооружений и боевой техники, что позволит перевести промышленность на мирные рельсы и заняться экспортными отраслями.

Однако план Моргантау оказался мертворожденным. Очень скоро советники убедили и президента, и премьера, что незачем загонять Германию в каменный век. И Черчилль заявил, что "идея сделать Германию "пасторальной" не приживется". А очень скоро необходимость противостоять СССР вынудила западных союзников активно заняться восстановлением промышленности в

западных оккупационных зонах Германии, и тем же самым вынужден был заняться Сталин в советской оккупационной зоне.

4 мая 1944 года Черчилль направил Идену записку: "Следует составить для кабинета, а вероятно, и для имперской администрации документ, в котором бы кратко излагались острые разногласия между нами и советским правительством, возникшие в Италии, Румынии, Болгарии, Югославии и особенно в Греции... Основной вопрос заключается в следующем: собираемся ли мы дать свое молчаливое согласие на установление власти коммунистов на Балканах и, вероятно, в Италии?.. Я придерживаюсь мнения, что нам следует сделать твердые выводы по этому вопросу, и, если мы решим сопротивляться вторжению и распространению коммунизма, это надо им ясно показать, как только позволит военная ситуация. Но прежде всего надо посоветоваться с Соединенными Штатами".

Но реально сопротивляться продвижению коммунизма до конца войны означало вступить в открытый конфликт с Красной армией, которая несла коммунизм на своих штыках. А в условиях, когда Германия еще не капитулировала, на такой конфликт не могли решиться ни Рузвельт, ни Черчилль.

6 июня 1944 года Черчилль сообщил Сталину долгожданную весть о высадке в Нормандии: "Все началось хорошо. Мины, препятствия и береговые батареи в значительной степени преодолены. Воздушные десанты были весьма успешными и были предприняты в крупном масштабе. Высадка пехоты разворачивается быстро, и большое количество танков и самоходных орудий уже на берегу. Видны на погоду сносные, с тенденцией к улучшению". Сам британский премьер немало поспособствовал успеху высадке, выдвинув идею создания искусственных портов. Благодаря этому отпала необходимость немедленного захвата хорошо укрепленных французских портов.

Высадка союзников в Нормандии, Дюнкерк. 1944 г.

11 июня 1944 года Сталин в послании Черчиллю выразил восхищение успешной высадкой союзников в Нормандии: "Как видно, десант, задуманный в грандиозных масштабах, удался полностью. Я и мои коллеги не можем не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия с точки зрения его масштабов, широкого замысла и мастерства выполнения. Как известно, Наполеон в свое время позорно провалился со своим планом форсировать Ла-Манш. Истерики Гитлер, который два года хвастал, что он осуществит форсирование Ла-Манша, не решился сделать даже намек на попытку осуществить свою угрозу. Только нашим союзникам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша. История отметит это дело как достижение высшего порядка".

24 июня Сталин заверил Черчилля, что не собирается учреждать на территории Польши советскую администрацию, это придется сделать самим полякам. Настоящая задача возложена на Национальный совет Польши или его дочерние организации, так как подпольные элементы, возглавляемые польским правительством в Лондоне, оказались недолговечными и эфемерными. Относительно Миколайчика Сталин сказал, что не отказывается от встречи с ним, но будет лучше, если тот обратится к Национальному совету Польши.

Сталин понимал, что союзники, занятые сейчас боями в Нормандии, не будут особенно заступаться за лондонских поляков, чтобы лишний раз не конфликтовать с ним.

Для Миколайчика это пока что было неприемлемо. В Лондоне он дважды разговаривал с русским послом при лондонском правительстве Польши Лебедевым. Во время второй беседы тот

предложил лондонскому правительству избавиться от некоторых своих членов, в частности от президента Рачкевича и начальника штаба Соснковского, и не обращаться в Международный Красный Крест по поводу расстрела польских офицеров в Катыни. Миколайчик рассмеялся над предложениями посла и заметил: "Вы просите меня, бывшего министра правительства Сикорского, предать это правительство!" Русский посол кивнул, и Миколайчик заметил: "Тогда нам с вами не о чем разговаривать!"

20 июля 1944 года Сталин создал просоветский Польский комитет национального освобождения в Хелме, вскоре переведенный в Люблин. Он претендовал на роль альтернативного польского правительства.

22 июля поляки и Варшаве перехватили по радио приказ командующего 4-й немецкой танковой армией своим частям отступить западнее Вислы.

Вечером 29 июля радиостанция в Москве, известная как станция Костюшко, обратилась к жителям Варшавы от имени Союза польских патриотов, созданного по приказу Сталина: "Варшава, несомненно, слышит шум битвы, которая вскоре принесет ей освобождение..." И далее: "Польская армия, обученная в СССР, входящая на территорию Польши, теперь присоединилась к Народной армии, в результате чего сформирован корпус польских вооруженных сил, вооруженная рука нашей нации в борьбе за независимость".

Станция призывала жителей Варшавы присоединиться к борьбе. "Для Варшавы, не сдающейся, а продолжающей борьбу, настал час действовать. Немцы в Варшаве, несомненно, будут защищаться... Они обрекут город на разрушение, а ею жителей — на гибель... Поэтому во сто раз больше, чем когда-либо, необходимо помнить, что... прямая, активная борьба на улицах Варшавы, в ее домах, на заводах и в магазинах не только ускорит момент окончательного освобождения, но и сохранит национальную собственность и жизни наших братьев. Поляки, время освобождения близко! К оружию! Нельзя терять ни мгновения!"

Именно после этого призыва командование Армии Крановой, подчинявшейся польскому правительству в Лондоне, привело в действие план восстания.

30 июля прибывший в Москву Миколайчик имел первую беседу с Молотовым. Нарком иностранных дел сухо спросил: "Зачем вы сюда приехали? Что вы имеете сказать?" И, согласно отчету, позже опубликованному Миколайчиком, добавил: "Скоро мы возьмем Варшаву, мы уже примерно в шести милях от нее!"

Миколайчик выразил готовность сотрудничать как с ПКНО,

так и с Красной армией, но по-прежнему настаивал, что только его правительство является единственным законным правительством Польши. После итога Сталин раздумал всерьез помогать варшавским повстанцам, начавшим 1 августа восстание. Прямого "стоп-приказа" не последовало. Было слишком неудобно перед англо-американским общественным мнением прекращать наступление на центральном участке фронта как раз после начала восстания. Проще было наступать, но так, чтобы Варшаву до поры до времени не брать.

22 августа Сталин ответил на совместное послание Рузвельта и Черчилля, просивших оказать помощь Варшавскому восстанию. Он взваливал вину за происходящее в городе на кучку преступников, которые несут смерть хорошим людям, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Более того, он писал, что с военной точки зрения создано весьма невыгодное для русских положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве.

Черчилль горел желанием ответить, что самолеты союзников будут посланы в любом случае, а уж советским властям решать, давать или нет убежище любому самолету союзников, который пересечет советскую линию фронта. Но Рузвельт отказался подписывать подобное послание, поскольку считал, что это не пойдет на пользу общей перспективе войны.

13 сентября 47-я армия и 1-я армия Войска польского заняли правобережное предместье Варшавы Прагу. Однако советские войска не поддержали мужественную попытку польских частей 1-й армии Войска польского под командованием генерала Берлинга форсировать Вислу в непосредственной близости к Варшаве. 16–19 сентября через Вислу переправилось до шести батальонов пехоты; 23 сентября под натиском превосходящих сил противника поляки, понеся большие потери, вынуждены были вернуться на восточный берег. Десант был почти полностью уничтожен немцами. Как кажется, это была запланированная неудача. 2 октября восставшие вынуждены были капитулировать. Погибли десятки тысяч варшавян, в том числе около 16 тыс. бойцов Армии Крайовой. Примерно столько же около 17 тыс. убитыми и пропавшими без вести потеряли и немцы. Около 20 тыс. бойцов АК попало в плен.

Рузвельт и Черчилль не решились на какие-либо серьезные меры давления на Сталина, чтобы заставить его оказать действенную помощь отрядам Армии Крайовой в Варшаве и не преследовать бойцов АК на освобожденных советскими войсками территориях. Собственно, у руководителей Англии и США был тогда единственный рычаг давления на Сталина — это

приостановка поставок по ленд-лизу. Однако это вряд ли заставило бы дядюшку Джо изменить свою политику в польском вопросе. Скорее всего, он бы просто на время приостановил под предлогом недостатка снабжения активные боевые действия на советско-германском фронте, позволив немцам перебросить дополнительные силы для борьбы против западных союзников, чтобы затормозить продвижение англо-американских войск. А потом, когда германские войска на востоке оказались бы серьезно ослаблены, возобновил бы наступление и быстро достиг бы границ Рейха. Разумеется, такой вариант развития событий мог привести только к дополнительным потерям в рядах американской и британской армий и Рузвельта и Черчилля никак не устраивал. Поэтому они и не предпринимали серьезных попыток защитить польские интересы.

В октябре 1944 года Черчилль вновь посетил Москву. 9-го числа он поднес Сталину свой портрет с дарственной надписью. Они обсудили польскую проблему, но к согласию так и не пришли. Сталин соглашался лишь на включение нескольких "лондонских поляков" в состав коммунистического люблинского правительства. То, что он так и не помог героически сражавшимся в Варшаве повстанцам Армии Крайовой, не должно было оставить у Черчилля каких-либо иллюзий, что дядюшка Джо собирается поставить Польшу под полный советский контроль.

Обсудили также балканские дела. Согласно советской записи, Черчилль заявил, что "подготовил довольно грязный и грубый документ, на котором показано распределение влияния Советского Союза и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии, Болгарии. Таблица составлена им для того, чтобы показать, что думают по этому вопросу англичане. Американцы будут поражены этим документом. Но Маршал Сталин — реалист, он, Черчилль, тоже не отличается сентиментальностью, а Иден — это совсем испорченный человек. Он, Черчилль, не показал этого документа Британскому Кабинету, но Британский Кабинет обыкновенно соглашается с тем, что он, Черчилль, и Иден предлагают. Что касается парламента, то в парламенте у Кабинета большинство, да если и показать парламенту этот документ, он все равно ничего в нем не поймет.

Тов. Сталин говорит, что 25 %, предусмотренные для Англии в Болгарии, не гармонируют с другими цифрами таблицы. Он, тов. Сталин, считал бы необходимым внести поправки, а именно предусмотреть для Советского Союза в Болгарии 90 %, а 10 % — для Англии.

Черчилль заявляет, что англичан болгары сильно оскорбили. В прошлой войне они очень плохо вели себя по отношению к

англичанам, напав на Румынию. В нынешней войне болгары были очень жестокими по отношению к югославам и грекам. Он, Черчилль, не может допустить, чтобы после всего этого болгары сидели с союзниками за одним столом.

Тов. Сталин заявляет, что Болгарию, конечно, нужно наказать.

Иден заявляет, что в Румынии англичане являются зрителями, но в Болгарии они хотели быть немного больше, чем зрителями.

Молотов спрашивает, относится ли сюда турецкий вопрос.

Он, Черчилль, конечно, не касался турецкого вопроса, а лишь хотел показать, что у англичан на уме. Он, Черчилль, очень обрадован тем, насколько близкими оказались точки зрения обеих сторон. Он полагает, что можно будет еще раз встретиться и решить вопрос окончательно.

Тов. Сталин говорит, что если речь идет о Турции, то он должен сказать, что по Конвенции в Монтре Турция имеет все права на Проливы, в то время как Советский Союз очень мало имеет прав. По Конвенции в Монтре у Советского Союза столько же нрав, как и у японского императора. Он, тов. Сталин, считает, что необходимо обсудить вопрос о пересмотре Конвенции в Монтре, так как она совершенно не соответствует современной обстановке.

Черчилль заявляет, что Турция потеряла сейчас права на вступление в войну. Она не вступала в войну раньше потому, что боялась Германии, так как у нее не было современного оружия. Кроме того, турки не только не умеют обращаться с современным оружием, но и не имеют многочисленных подготовленных войск.

Тов. Сталин замечает, что у турок сейчас во Фракии сосредоточено 26 дивизий. Неясно, против кого они сосредоточили эти дивизии.

Черчилль заявляет, что турки боялись болгар, так как немцы передали болгарам захваченное у французов оружие. В нынешней войне Турция научилась бояться Болгарин. Смотря в будущее, он, Черчилль, может сказать, что бри ганская политика не состоит в том, чтобы не дать России доступа к теплым морям и великим мировым океанам. Напротив, британцы считают, что эта задача составляет элемент русско-британской дружбы. Теперь не существует политики Дизраэли и Керзона. Какие изменения, по мнению Маршала Сталина, нужно будет сделать в Конвенции в Монтре?

Тов. Сталин отвечает, что он не может сказать, какие нужны изменения и чем нужно заменить конвенцию, но он чувствует, что конвенция не соответствует современной обстановке и нацелена

против России. Он, тов. Сталин, хотел бы спросить Черчилля, согласен ли он в принципе, что конвенцию нужно изменить. В самом деле, не может такая большая страна, как Советский Союз, быть под страхом того, что такая небольшая страна, как Турция, может закрыть Проливы и поставить под вопрос наш экспорт, импорт или оборону. Он, тов. Сталин, не хочет ущемить суверенитета Турции, но нельзя терпеть такое положение, когда Турция держит за горло советскую торговлю и судоходство.

Черчилль отвечает, что он в принципе разделяет этот взгляд Маршала Сталина, но считает, что этот вопрос лучше зафиксировать на бумаге немного позже, так как в противном случае Турция может испугаться и подумать, что у нее требуют уступки Стамбула. Черчилль придерживается того взгляда, что Россия должна получить возможность выхода к Средиземному морю как для военных, так и торговых судов. Мы надеемся, говорит Черчилль, работать в этом вопросе дружно с Советским Союзом, но мы хотели бы подойти к этому вопросу осторожными шагами, чтобы не испугать Турции. Если бы Советский Союз и Англия сидели за общим столом и составляли бы соглашение о перемирии и если бы русские просили о том, чтобы англичане согласились с предоставлением советским судам, военным и торговым, возможности входа в Средиземное море, то он, Черчилль, сказал бы, что Великобритания против этого не возражает.

Тов. Сталин отвечает, что он не торопит Черчилля с этим вопросом, но хотел бы его предупредить, что такой вопрос стоит у Советского Союза. Он, тов. Сталин, хотел бы, чтобы Черчилль признал, что постановка такого вопроса законна.

Черчилль отвечает, что он согласен с этим не только в принципе, но и считает, что Советский Союз должен взять на себя инициативу заявить о своем взгляде, что нужно изменить конвенцию и сообщить Соединенным Штатам о том, что Советский Союз думает по этому вопросу. Со своей стороны, британское правительство считает претензии Советского Союза в принципе справедливыми и морально обоснованными.

Черчилль заявляет, что тот подход к Балканам, который он изложил, предотвратил бы возникновение гражданской войны там из-за различия идеологий. Он, Черчилль, считает, что союзники не могут разрешить балканским народам иметь небольшую гражданскую войну после того, как союзники закончат великую войну. Раздор на Балканах должен быть прекращен авторитетом и властью трех великих держав. Мы должны, говорит Черчилль, сказать балканским народам, что эти вопросы решены тремя державами и что они должны

руководствоваться советом трех великих держав. Британия ни в коем случае не будет навязывать короля Югославии, Греции или Италии, но в то же время Британия считает, что народы должны иметь право на плебисцит в мирное время. Что бы ни предпочли народы в конечном счете — монархию или другой режим, — они должны иметь возможность высказать свою волю свободно. Он, Черчилль, хотел бы спросить Маршала Сталина, не возражает ли он против сотрудничества с королем, если король будет избран народом.

Тов. Сталин отвечает, что он не возражает.

Черчилль заявляет, что англичане надеются, что в Северной Италии власть будет осуществляться под руководством армии союзников. Англичане не ценят итальянского короля, но англичане не хотят, чтобы в Италии после или до ухода оттуда вооруженных сил союзников возникла гражданская война. Мы, говорит Черчилль, хотели бы, чтобы советское правительство затормозило деятельность итальянских коммунистов, чтобы итальянские коммунисты не будоражили Италию и не создавали там возбуждения. Все можно будет решить демократическим путем, но мы, заявляет Черчилль, не хотим беспорядков в Италии, где находятся войска союзников, ибо эти беспорядки могут привести даже к столкновениям с войсками. Рузвельт относится благосклонно к итальянцам, хотя ему, Черчиллю, это не нравится. Тут дело в том, что в штате Нью-Йорка много итальянских голосов.

Тов. Сталин говорит, что ему трудно повлиять на итальянских коммунистов, он не знает национальной обстановки в Италии. Кроме того, в Италии нет советских войск, в противоположность Болгарии, где они имеются и где мы можем приказывать коммунистам не делать того-то и того-то. Но если он, тов. Сталин, будет давать какие-либо советы Эрколи, то Эрколи может послать его к черту, ибо он, тов. Сталин, совсем не знает национальной обстановки в Италии. Другое дело, когда Эрколи был в Москве, он мог с ним беседовать. Он, товарищ Сталин, может лишь сказать, что Эрколи — умный человек и что он не пойдет на какую-либо авантюру.

Черчилль говорит, что пусть все же итальянские коммунисты не будоражат Италию.

Тов. Сталин заявляет, что нужно было бы исправить цифру по Болгарии.

Черчилль отвечает, что, вообще говоря, ему на Болгарию наплевать и что, может быть, этот вопрос обсудят между собой Иден и Молотов.

Тов. Сталин отвечает согласием.

Черчилль заявляет, что остается еще несколько вопросов, которые должны быть обсуждены. Нужно будет иметь особую беседу о будущем Германии. В Тегеране этот вопрос был рассмотрен очень поверхностно. Нужно, чтобы на беседе о будущем Германии присутствовал Гарриман. Он, Черчилль, воздерживался и воздерживается от публичного заявления о расправе с Германией огнем и мечом, так как это заставило бы немцев сражаться еще более упорно. Но здесь он, Черчилль, может сказать, что он стоит за жесткое обращение с Германией. В Америке существуют два мнения по этому вопросу. Президент — за жесткое обращение с Германией. Но самое лучшее, конечно, это сначала одержать победу над немцами, а тогда сказать, что им следует делать. Нужно решить вопрос, отделить ли Восточную Пруссию, Саар, Рур и вообще раздробить территорию Германии, запретить немцам иметь оружие.

Русские фабрики сильно пострадали в этой войне так же, как и бельгийские, и голландские. Он, Черчилль, думает, что немцы будут обязаны возместить ущерб машинами. Встает вопрос, как разделить Германию. Может быть, Иден, Молотов и Гарриман обсудят между собой этот вопрос в деталях и представят Маршалу Сталину, ему, Черчиллю, полную картину общих предложений.

Тов. Сталин соглашается с этим предложением и заявляет, что, по его мнению, Версальский договор был половинчатым. Он породил в Германии настроение реванша, но он не лишил Германию возможности осуществить реванш. Любые меры по обузданию Германии неизбежно вызовут настроение реванша в Германии. Задача состоит в том, чтобы предотвратить реванш. Для этого нужно до минимума сократить тяжелую промышленность Германии и все те отрасли Германии, из которых возникают военные отрасли промышленности. Если союзники не лишат Германию возможности для осуществления реванша, то войны с Германией будут неизбежны через каждые 25–30 лет.

Черчилль с этим соглашается, заявляя, что немцев, состоявших в фашистских отрядах, отрядах гестапо, и гитлеровскую молодежь нужно отправить на исправительные работы, чтобы показать им, что строить труднее, чем уничтожать. Он, Черчилль, может сказать, что в Англии не могли бы согласиться с массовым истреблением лиц этой категории. Нужно будет их перевоспитать.

Тов. Сталин отвечает, что никто массового истребления не предлагает и что самым верным средством перевоспитания будет длительная оккупация Германии.

Черчилль заявляет, что американцы, вероятно, не намерены участвовать в длительной оккупации Германии.

Тов. Сталин заявляет, что к оккупации можно будет привлечь другие союзные страны, в том числе Францию.

Черчилль с этим соглашается.

Тов. Сталин заявляет, что к оккупации Германии можно будет привлечь также вооруженные силы мелких союзных государств.

Черчилль говорит, что он хотел бы, чтобы в оккупации Германии были использованы также войска единой Польши.

Тов. Сталин заявил, что поляки будут заниматься оккупацией Германии с большой охотой. Полякам нужно будет отдать Восточную Пруссию, Силезию, а район Кенигсберга с городом заберет Советский Союз.

Черчилль заявляет, что он считает это правильным, но полагает, что германское население из этих районов должно быть переселено в Германию. Теперь для немцев, после того как союзники истребили около 8 миллионов немцев, в Германии будет достаточно жизненного пространства.

Тон. Сталин отвечает, что он согласен с тем, чтобы немецкое население Силезии и Восточной Пруссии было переселено в Германию".

Согласно первоначальной британской записи, Черчилль положил на стол лист бумаги с личным знаком WSC и сказал, что этот "грязный документ" содержит список балканских стран и пропорциональную заинтересованность в них великих держав и что американцы если узнают, то будут поражены той грубостью, с которой он его изложил, но господин Сталин реалист и поймет, о чем идет речь. Британский премьер предложил раздел "сфер влияния" на Балканах в следующем процентном соотношении: Румыния — 90 % влияния России, 10 % — другие; Греция — 90% влияния Англии (в сотрудничестве с США), 10 % — другие; Югославия и Венгрия — 50 на 50 %; Болгария — 75 % влияния России, 25 % — другим странам. Позднее Черчилль говорил Идену, что "забыл" про Албанию, которую следует также разделить 50 на 50 %.

Обсуждение планов раздела сфер влияния на Балканах, равно как и планов раздела и максимального ослабления Германии, было вполне циничным. Сталин, требуя полного советского доминирования в Болгарии, ясно намекал, что от этого зависит, насколько итальянские коммунисты будут пытаться дестабилизировать королевское правительство Италии. Отдавая Англии Грецию, Сталин требовал для СССР ведущей роли в остальных балканских странах.

Реального значения вес эти проценты не имели, поскольку, за

исключением Греции, в остальных балканских странах Советский Союз господствовал безраздельно, не допуская туда западных наблюдателей. Только ссора Сталина и Тито в 1948 году вывела Югославию из советской сферы влияния.

Когда 14 октября обсуждали польский вопрос, Черчилль резонно заметил, что в Польше до войны было очень мало коммунистов.

Тогда дядюшка Джо прочел партнеру лекцию по политграмоте: "Польский народ рассуждает очень элементарно. Поляки считают, что Красная армия освобождает Польшу, и спрашивают, кто из польских руководителей является другом Красной армии. Поляки видят, что люблинский комитет — с Красной армией. Они видят, что англичане вместе с американцами в союзе с Красной армией, но они спрашивают: почему никого из представителей лондонского польского правительства нет с Красной армией? Польские крестьяне не могут этого попятить. Миколайчик не понимает, какой большой вред наносит ему этот факт. Что касается утверждения, что ПКНО является выражением русской воли, то это неправильно, так как комитет пользуется широкой поддержкой польского народа. Конечно, в комитете имеются противоречия, но Черчилль знает, насколько поляки капризный народ".

Черчилль возразил, что британское правительство ознакомилось с биографиями люблинских поляков и выяснило, что глава ПКНО Болеслав Берут — старый коммунист, который "был в тюрьме при Пилсудском, но был впоследствии обменян советским правительством".

Сталин не моргнув глазом соврал, что Берут вышел из компартии в 1937 или 1938 году и что он познакомился с Берутом лишь в последнее время.

Черчилль признался, что думает: будущность мира зависит от дружбы британцев и американцев с Советским Союзом. В то же время малые европейские страны напуганы до смерти большевистской революцией. Это объясняется тем, что до ликвидации Коминтерна советское правительство заявляло о своем намерении советизировать все страны Европы. Он, Черчилль, помнит, как в 1919–1920 годах весь мир дрожал в страхе перед мировой революцией, хотя он уверен, что в Англии бы революции не было.

Сталин еще раз спокойно соврал, что теперь мир не будет дрожать в страхе, поскольку "Советский Союз не намерен устраивать большевистские революции в Европе", в чем можно убедиться на примере Румынии, Болгарии и Югославии.

Этот пример Черчилля не вдохновил, собеседнику он не

поверил, но, соблюдая дипломатический этикет, заявил, что "верит всему тому, что ему заявляет маршал Сталин".

Насчет большевистских революций в Европе Сталин совершенно не кривил душой. Никаких революций в Восточной Европе он допускать не собирался, а хотел просто без каких-либо революций, если понимать под последними массовые народные выступления, привести к власти коммунистические правительства, привезенные в обозе советских войск, и Польша здесь не была исключением.

Черчилль, хотя и неоднократно заявлял, что Англия вступила в войну из-за Польши и потому делом чести для нее является обеспечить создание в Польше сильного и демократического государства, де-факто вместе с Рузвельтом признал Польшу сферой советского влияния, поскольку она была освобождена Красной армией.

Однако после ухода в отставку с поста премьера в июле 1945 года Черчилль публично критиковал советскую политику в отношении Польши и насильственное утверждение там коммунистического правительства.

Арденны

Германское наступление в Арденнах, начавшееся 16 декабря 1944 года, застало западных союзников врасплох и заставило их на время отложить планы вторжения в Германию.

24 декабря 1944 года Черчилль писал Сталину: "Я не считаю положение на Западе плохим, но совершенно очевидно, что Эйзенхауэр не может решить своей задачи, не зная, каковы Ваши планы. Президент Рузвельт, с которым я уже обменялся мнениями, сделал предложение о посылке к Вам вполне компетентного штабного офицера, чтобы ознакомиться с Вашими соображениями, которые нам необходимы для руководства. Нам, безусловно, весьма важно знать основные наметки и сроки Ваших операций. Наша уверенность в наступлениях, которые должны быть предприняты русской армией, такова, что мы никогда не задавали Вам ни одного вопроса раньше, и мы убеждены теперь, что ответ будет успокоительным; но мы считаем, исходя из соображений сохранения тайны, что Вы скорее будете склонны информировать абсолютно надежного офицера, чем сообщать это каким-либо другим образом".

Генерал Д. Эйзенхауэр

Сталин ответил на следующий день: "Получил Ваше послание насчет приезда в Москву компетентного офицера от ген. Эйзенхауэра. Я уже сообщил президенту о своем согласии и о том, что готов обменяться информацией с упомянутым офицером".

5 января 1945 года Черчилль информировал Сталина о положении на Западном фронте: "Я только что вернулся, посетив по отдельности штаб генерала Эйзенхауэра и штаб фельдмаршала Монтгомери. Битва в Бельгии носит весьма тяжелый характер, но считают, что мы являемся хозяевами положения. Отвлекающее наступление, которое немцы предпринимают в Эльзасе, также причиняет трудности в отношениях с французами и имеет тенденцию сковать американские силы. Я по-прежнему остаюсь при том мнении, что численность и вооружение союзных армий, включая военно-воздушные силы, заставят фон Рундштедта пожалеть о своей смелой и хорошо организованной попытке расколоть наш фронт и по возможности захватить порт Антверпен, имеющий теперь жизненно важное значение..."

Черчилль вспоминал, что "за этот период Эйзенхауэр и его штаб, конечно, жаждали узнать, могут ли русские что-либо сделать со своей стороны, чтобы облегчить нажим, которому мы подвергались на Западе. Все усилия офицеров связи в Москве получить ответ у своих русских коллег терпели неудачу. Для того чтобы наиболее убедительно изложить дело советскому командованию, Эйзенхауэр послал своего заместителя, главного маршала авиации Теддера, со специальной миссией. Он сильно задержался в пути из-за погоды.

Как только я узнал об этом, я заявил Эйзенхауэру: "Вы можете столкнуться с многочисленными проволочками в штабных сферах, но я полагаю, что Сталин сообщит мне, если я спрошу его. Попытайся мне?"

Он просил меня сделать это..."

На следующий день, 6 января, британский премьер сообщил советскому генсеку: "На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению, наш эмиссар, главный маршал авиации Теддер, вчера вечером находился в Каире, будучи связанным погодой. Нго поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я

никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным".

Сталин ответил 7 января: "Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуются ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать, для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам".

9 января Черчилль рассыпался в благодарностях: "1. Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему благородному предприятию полная удача!

2. Битва на Западе идет не так уж плохо. Весьма возможно, что гунны будут вытеснены из своего выступа с очень тяжелыми потерями. Это битва, которую главным образом ведут американцы; и их войска сражались прекрасно, понеся при этом тяжелые потери.

Мы и американцы бросаем в бой все, что можем. Весть, сообщенная Вами мне, сильно ободрит генерала Эйзенхауэра, так как она даст ему уверенность в том, что немцам придется делить свои резервы между нашими двумя пылающими фронтами. В битве на Западе, согласно заявлениям генералов, руководящих ею, не будет перерыва".

К 15 января в Москву наконец добрался маршал авиации Теддер, и Сталин в этот день писал Черчиллю: "Сегодня имел беседу с маршалом Теддером и сопровождающими его генералами. Мне кажется, что взаимная информация получилась достаточно полная, о чем Вам, должно быть, доложит маршал Теддер. Должен сказать, что маршал Теддер произвел на меня очень хорошее впечатление. Несмотря на неблагоприятную погоду, наступление советских войск развивается по намеченному плану. Приведены в движение войска всего центрального фронта — от Карпат до Балтийского моря. Немцы бешено сопротивляются, но вынуждены отступать. Надеюсь, что это

обстоятельство облегчит и ускорит намеченное генералом Эйзенхауэром наступление на Западном фронте".

17 января Черчилль ответил Сталину столь же вежливо: "Я очень благодарен Вам за Ваше послание, и я очень рад, что маршал авиации Теддер произвел на Вас такое благоприятное впечатление. От имени правительства Его Величества и от всей души я хочу выразить Вам нашу благодарность и принести поздравления по случаю того гигантского наступления, которое Вы начали на Восточном фронте.

Вам, несомненно, теперь известны планы генерала Эйзенхауэра и в какой степени осуществление их было задержано превентивным наступлением Рундштедта. Я уверен, что на всем нашем фронте бои будут идти непрерывно. Британская 21-я армейская группа под командованием фельдмаршала Монтгомери начала сегодня наступление в районе к югу от Роермонда".

Эйзенхауэр довольно быстро понял, что теми силами, которые немцы имеют в Арденнах, они не смогут окружить значительные силы союзников и их наступление обречено на провал. В мемуарах он писал, что быстро понял, что немецкое наступление "не грозит катастрофой, а дает благоприятную возможность нанести противнику поражение... Несмотря на развернувшиеся в декабре оборонительные бои, мы не переставали разрабатывать планы по возобновлению нашего общего наступления. 31 декабря я направил Монтгомери и Брэдли краткую записку, в которой рассматривались все операции на период, пока мы не достигнем Рейна по всему фронту от Бонна и далее на север".

Собственно, для координации своих планов с Москвой Черчилль и Рузвельт запрашивали информацию о советских военных планах. Эйзенхауэр вспоминал: "В ходе предыдущих кампаний Объединенный англо-американский штаб информировал нас об общих намерениях советских войск, и этим обеспечивалась достаточная координация действий, пока одна зона боевых действий отделялась от другой довольно большим расстоянием. Однако теперь настала пора обмениваться информацией относительно конкретных планов операций, их целей и времени осуществления".

Знаменитый победный жест Уинстона Черчилля

Главнокомандующий союзными силами в Европе утверждал: "Нам уже было известно, что русские готовились в ближайшее время начать наступление в западном направлении с исходных рубежей вокруг Варшавы. Мы знали, что они сосредоточили войска для наступления в начале года, по ввиду плохих условий местности и особенно из-за густых туманов и облачности, мешавших использованию авиации, откладывали наступление до установления более благоприятных погодных условий. Через Объединенный англо-американский штаб мы узнали, что, даже если погодные условия не улучшатся, наступление русских начнется не позднее 15 января. Оно началось 12 января и успешно развивалось".

Распространенное в советской историографии мнение, что Сталин, идя навстречу пожеланиям Черчилля и Рузвельта, начал наступление на 8 дней раньше запланированного срока 12 января вместо 20 января, не соответствует действительности. На самом деле Висло-Одерская операция началась не раньше, а позже намеченной даты — войска были готовы уже к 8-10 января, но по причине плохой погоды наступление было задержано до 12-14 числа. Да и никаких просьб о помощи со стороны западных союзников не было. Они лишь хотели выяснить советские намерения, чтобы учитывать их при планировании заключительных операций в войне против Германии. А сам Сталин никогда не называл дату 20 января как первоначальную

дату начала советского наступления.

В ходе Арденнского сражения потери трех немецких армий составили 10 749 убитыми, 22 487 пропавшими без вести и 34 225 ранеными, что в сумме дает 67 461 человек. Союзники потеряли 8697 убитыми, 47 059 ранеными и 21 134 пропавшими без вести, что в сумме дает 76 890 человек. Общее соотношение потерь оказывается 1,14:1 в пользу немцев, а соотношение безвозвратных потерь — 1,08:1 в пользу союзников. Из числа англо-американских пропавших без вести и пленных было около 12,5 тыс. человек, а среди немецких пропавших без вести около 16 тыс. человек. Погибло также около 3 тыс. гражданских лиц из Бельгии.

Раздел Европы

После провала Арденнского наступления немцев стало очевидно, что конец войны не за горами. Союзникам необходимо было наметить основные контуры раздела Европы и согласовать будущую оккупационную политику в Германии и Австрии. Для этого состоялась Ялтинская конференция — последняя, на которой "Большая тройка" была в прежнем составе.

Во время Ялтинской конференции, 6 февраля 1945 года, Черчилль заявил о готовности признать линию Керзона восточной границей Польши с оставлением Львова в советских руках. Но польский вопрос и на этот раз не был решен. Предложения об объединении лондонских и люблинских (а теперь варшавских) поляков Сталин отверг, ссылаясь на мнение ПКНО.

8 февраля 1945 года на приеме в Юсуповском дворце в Ялте Черчилль в славословии дядюшки Джо перешел последние пределы приличия и здравого смысла: "Я не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветастым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей. Но лишь немногие из них были государственными деятелями, и большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала сохранится для народа Советского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно. Я шагаю по этому миру с большей смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру". В общем, британский премьер, казалось, просто готов был лопнуть от счастья, что живет в одну эпоху с таким великим и во всех отношениях достойным человеком, да еще может называть его своим другом.

Сталин ответил Черчиллю по принципу: кукушка хвалит петуха за то, что хватит он кукушку: "Я провозглашаю тост за лидера Британской империи, за самого мужественного из всех премьер-министров, сочетающего в себе политический опыт и военное руководство, за человека, который в момент, когда вся Европа была готова пасть ниц перед Гитлером, заявил, что Англия не дрогнет и будет сражаться против Германии одна, даже без союзников. Даже если нынешние и возможные союзники покинут

ее, сказал он, она будет продолжать сражаться. За здоровье человека, который может родиться лишь раз в столетие и который мужественно поднял знамя Великобритании. Я сказал то, что чувствую, то, что у меня на душе, и то, в чем я уверен".

Однако черчиллевская лесть ничуть не сделала дядюшку Джо более уступчивым. Сталин в любовь к себе Черчилля никогда не верил, да и британский премьер на самом деле не питал теплых чувств к советскому генералиссимусу. Особенно теперь, когда до краха Германии оставались считанные месяцы и ум Черчилля был озабочен советской опасностью, надвигавшейся вместо германской. Сдержать её можно было только с помощью США, а уверенности, что американские войска останутся в Европе после войны и что Америка будет и дальше активно участвовать в делах Старого Света, все еще не было. Тем более что опыт американской политики после Первой мировой войны не внушал оптимизма.

Уже в Ялте Черчилль был против разделения Германии, хотя там был подписан документ, по которому Германия должна была быть разделена на несколько отдельных государств. Ему очень не понравилось, когда Советский Союз выразил желание держать под контролем все страны к востоку от Германии и со временем сделать их коммунистическими. Вот как выразился премьер-министр через шесть недель после Ялты: "Мне не очень нравится мысль о расчленении Германии до тех пор, пока не прояснятся мои сомнения относительно намерении России".

После Ялты Черчилль пришел к выводу, что, по его словам, "Советская Россия стала представлять смертельную опасность для свободного мира". В мемуарах он так описывал свое настроение в марте-апреле 1945 года: "Кульминация, по-видимому, безмерного успеха была для меня самым несчастливым временем. Я вращался среди веселящихся людей или сидел за столом, осыпаемый поздравлениями и благословениями всех участников великого альянса, испытывая сердечную боль и дурные предчувствия".

Тем временем на повестку дня стал вопрос: чья армия возьмет Берлин. Как отмечает Герберт Фейс, "несмотря на то, что никто не искал шанса дойти до Берлина раньше русских, этот шанс представился — не Монтомгери, а американцам и был упущен. 11 апреля войска Соединенных Штатов под командованием генерала Симпсона, входившие в состав группы армий генерала Брэдли, дошли до Эльбы близ Магдебурга и на следующий день — день смерти Рузвельта — форсировали ее. Они находились всего в пятидесяти милях от Берлина. "Тогда, — писал позже Брэдли, — мы бы, вероятно, могли сделать рывок на Берлин, если бы хотели добиться этого любой ценой. Жуков еще

не форсировал Одер, а Берлин уже находился на полпути между нашими войсками. Однако восточное направление для наступления Жукова было неизмеримо более удобным, нежели заболоченная дорога, низина, на которую мы вышли на западе".

Симпсон попросил у Брэдли разрешения идти на Берлин. Вряд ли это могло быть одобрено без кажущегося отступления от плана Эйзенхауэра, который он представил Сталину и с которым, вероятно, Красная армия согласовывала свои планы. Во всяком случае, вместо этого "главнокомандующий приказал ему [предположительно Брэдли, который передал приказ Симпсону] удержаться на Эльбе, повернув свои части на север в направлении Любека и на юг в направлении Национального укрепленного района".

Информировав 15 апреля Маршалла об этих решениях, Эйзенхауэр подчеркнул, что считает эти цели самыми важными; кроме того, он заметил, что бросить сейчас свои силы против Берлина "было бы глупо ввиду разницы в положении русских и наших сил... Да, мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, но нельзя забывать, что на этом берегу располагаются только наши передовые части, а основные силы находятся далеко позади". Некоторые источники, впрочем, в значительной степени приписывают эти решения трудностям снабжения передовых частей, а не другим военным идеям или физическим препятствиям. Наверное, это еще одно обстоятельство, повлиявшее на решение, но не думаю, чтобы оно было главным".

Фейс прав, когда считает, что решение остановить наступление на Берлин было политическим, а не военным. Эйзенхауэр и Трумэн не хотели раздражать Сталина.

В апреле 1945 года американские войска имели реальную возможность взять Берлин, причем без больших потерь. Еще до начала советского наступления на Берлин американская 9-я армия захватила и удержала плацдарм на Эльбе всего в 80 км от Берлина. Командующий 9-й армией генерал Симпсон собирался бросить танки на Берлин, но главнокомандующий союзными силами в Европе Эйзенхауэр запретил ему это делать, явно руководствуясь указанием только что вступившего на президентский пост Трумэна. Для оправдания этого решения была придумана версия, что наступление на Берлин стоило бы американцам 100 тыс. потерь. Но это совершенно фантастическая цифра. Противостоявшая 9-й американской армии 12-я германская армия Вальтера Венка насчитывала в тот момент не более 35 тыс. человек, подкреплённых 40 штурмовыми орудиями. Против них могли перейти в наступление около 200 тыс. американцев, подкреплённых несколькими сотнями танков, к

тому же в условиях полного господства англо-американской авиации в воздухе. Выходит, каждый из "чудо-богатырей" Венка, включая обозников, должен был убить или ранить не менее трех неприятельских солдат и офицеров. На практике американцы, легко сломив сопротивление 12-й армии, могли бы выйти к окраинам Берлина тогда, когда советские войска еще не прорвали фронт на Одере. При этом перебросить что-то против американцев с Зееловских высот или из состава довольно слабого берлинского гарнизона немцы бы просто не смогли из-за отсутствия горючего и господства союзников в воздухе. Однако Трумэн понимал, что Сталин очень разозлится, если союзники у него перед носом захватят главный приз войны — Берлин. А новый американский президент был заинтересован в налаживании сотрудничества со Сталиным в послевоенном обустройстве Европы, да и советское участие в войне с Японией до появления американской атомной бомбы представлялось необходимым, чтобы ускорить ее окончание. Поэтому Эйзенхауэр, Рузвельт и Трумэн отвергли все предложения Черчилля попытаться овладеть Берлином.

5 мая 1945 года Черчилль писал Идену в Сан-Франциско: "Боюсь, но время наступления русских по Германии к Эльбе произошло нечто ужасное. Предложенный отход армии Соединенных Штатов в оккупационные зоны, о котором русские и американцы договорились в Квебеке... означал бы расширение господства русских на 120 миль вперед на фронте протяженностью от 300 до 400 миль. Это событие, если оно произойдет, будет одним из самых печальных в истории". В качестве одной из контрмер, которые можно использовать для мирного урегулирования проблемы, он предложил следующее: "Во-первых, союзники не должны отходить со своих нынешних позиций к границам оккупационных зон:

а) пока не будет удовлетворительно решен польский вопрос;

б) пока не будет согласован характер временной оккупации Германии русскими; в) пока не будут обсуждены порядки, которые предполагается установить в русифицированных или находящихся под контролем русских странах долины Дуная, особенно в Австрии и Чехословакии и на Балканах. Во-вторых, возможно, русские захотят при общем урегулировании получить выходы из Черную и Балтийского морей. Все эти вопросы должны быть решены прежде, чем в Европе начнется сокращение войск Соединенных Штатов..."

7 мая, в день подписания, Черчилль предложил президенту, что, пока не встретятся три главы правительств, а это должно произойти как можно скорее, "...мы должны твердо

придерживаться существующих позиций, занятых или занимаемых нашими войсками в Югославии, Австрии, Чехословакии, на главном Центральном фронте Соединенных Штатов и на Британском фронте, простирающемся до Любека, включая Данию... Поэтому я считаю, что мы должны самым серьезным образом обдумать наше отношение к Советам и показать им, как много мы можем дать или отнять".

Разногласия между союзниками возникли и в связи с капитуляцией Германии. Как только Трумэн узнал от Айзенхауэра, что 7 мая в его ставке в Реймсе германскими представителями была подписана капитуляция, он предложил Сталину объявить о ней одновременно с Америкой и Великобританией и 9.00 по вашингтонскому времени 8 мая. Но Сталин ответил, что у командования Красной армии нет уверенности, что приказ о безоговорочной капитуляции будет выполнен немецкими войсками на Восточном фронте. Он опасался преждевременным объявлением о капитуляции ввести в заблуждение советский народ. Поэтому он попросил о небольшой отсрочке, продолжая продвижение советских войск на запад. Поскольку это могло означать лишь новые потери на Западном фронте, Трумэн и Черчилль объявили о капитуляции, не дожидаясь решения Сталина.

Сталин рассчитывал затянуть вопрос с капитуляцией, чтобы советские войска успели как можно дальше продвинуться на запад. Чтобы удовлетворить сто тщеславие, Рузвельт и Черчилль согласились на повторную церемонию подписания акта о капитуляции в берлинском пригороде Карлсхорсте, при том что реальное значение для германских войск имела именно первая, реймсская капитуляция.

Сразу после окончания войны в Европе между союзниками начался разлад, 13 мая 1945 года в выступлении по радио Черчилль призвал англичан к бдительности ввиду угрозы восстановления в Европе власти "тоталитарных или полицейских правительств".

А 19 мая 1945 года советский посол Ф. Гусев, представлявший СССР в Европейской консультативной комиссии, телеграфировал из Лондона: "Во время приема в посольстве 16 мая миссис Черчилль пригласила меня с женой к себе на квартиру на завтрак 18 мая... Только в конце завтрака и после того, как миссис Черчилль и моя жена удалились в другую комнату, а мы остались с Керром вместе с Черчиллем, он начал свою речь.

Черчилль заявил, что сейчас он ведет переписку с президентом Трумэном об очередной встрече глав трех

правительств где-либо на территории Германии. На мой вопрос, какое место в Германии имеется в виду, Черчилль сказал, что можно было бы подыскать какой-либо небольшой пункт, например Иена, где можно было бы обеспечить безопасность. Черчилль считает, что было бы очень хорошо организовать встречу в середине июня. Трумэн в принципе согласен, но он предлагает организовать встречу в конце июня. И спросил Черчилля, внесены ли конкретные предложения на рассмотрение маршалу Сталину. Черчилль ответил, что как только ему удастся договориться с Трумэном о приблизительной дате встречи, то он немедленно пошлет телеграмму маршалу Сталину. Черчилль добавил, сказав, что он не уверен, пожелает ли маршал Сталин встретиться. Черчилль считает, что теперь, когда победа достигнута, перед союзниками возникло так много больших вопросов, что без личной встречи руководителей трех стран невозможно лишь с помощью телеграмм разрядить весьма напряженную обстановку. Черчилль вновь подчеркнул, что он считает положение весьма напряженным и встрече трех он придает исключительно важное значение. От этой встречи зависит будущее мира, будущие отношения между гремя странами. Одно из двух, сказал Черчилль, или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять советскому миру, и сейчас трудно предвидеть могущие быть результаты, если события будут развиваться по второму пути. При этом Черчилль повысил голос и продолжал: мы полны жалоб (протестов) (We are full of complaints).

Я спросил Черчилля, какие жалобы он имеет в виду. Черчилль начал перечислять повышенным голосом и с раздражением следующие вопросы:

1) Триест. Тито подкрался к Триесту и хочет завладеть им. Черчилль показал руками на столе, как Тито подкрадывается к Триесту. Мы не позволим, прорывал Черчилль, чтобы территориальные вопросы решались путем захвата, а не на мирной конференции. Мы и американцы едины в своей решимости и считаем, что все территориальные вопросы должны решаться на мирной конференции.

Я заметил, что, поскольку мне известно, Тито не претендует на решение территориальных вопросов сейчас. Черчилль, не обращая внимания на мои слова, продолжал: Тито не желает отводить свои войска из Триеста. Положение в этом районе весьма напряженное. Армии стоят друг против друга. В любое время могут возникнуть большие неприятности, если не будет проявлено благоразумно. Триест входит в нашу лону оккупации,

и как порт он должен стать международным под итальянским флагом. Этот порт должен обслуживать нужды оккупационных войск в Австрии. Покойный Рузвельт придерживался той точки зрения, что Триест должен быть международным портом под итальянским флагом. Черчилль еще раз упомянул о серьезности положения в районе Триеста, добавив, что со своей стороны он предпринял необходимые меры по усилению концентрации воздушных сил.

2) Прага. Вы не пускаете наших представителей в Прагу, заявил Черчилль. Нашему послу, аккредитованному при правительстве Бенеша, не разрешили въезд в Чехословакию, нашим самолетам не разрешают прилетать в Прагу.

Я заметил, что только вчера Ринка и другие представители чехословацкого правительства вылетели на британском самолете из Лондона в Прагу.

Вы хотите создать для себя какое-то исключительное право во всех столицах, где находятся ваши войска, продолжал Черчилль. Британское правительство само не может понять и не может объяснить британскому народу такую позицию советской) правительства, имея в виду, что мы обязались быть друзьями и сотрудничать друг с другом. Я готов разрешить вашим представителям в любом количестве посещать какие угодно пункты в Италии, в Германии, в Дании, здесь, в Англии, где угодно. А почему вы не можете проявить одинакового отношения к британской нации? Мы — британцы — представляем из себя достойную нацию, и мы не позволим, чтобы нас третировали.

Не желая выслушивать каких-либо замечаний, Черчилль перешел к следующему пункту.

3) Вена. Вы не пускаете нас в Вену. Наши представители сейчас, после окончания войны, не могут посмотреть на месте, что им предлагают для расквартирования своих солдат в Вене.

Я остановил Черчилля и заявил ему следующее: еще в прошлом году Европейская консультативная комиссия выработала соглашение о зонах оккупации в Германии и управлении "Большим Берлином". Правительства утвердили это соглашение. Одновременное этим Европейская консультативная комиссия начала обсуждение вопросов, связанных с Австрией, и вот уже в течение 10 месяцев ведутся переговоры. Комиссия была уже близка к соглашению о зонах оккупации в Австрии и в городе Вене. Но по инициативе британской и американской делегации переговоры были приостановлены. Советская делегация согласна продолжать обсуждение, но не по ее вине переговоры были приостановлены.

Почему вы не разрешаете нашим представителям посетить

Вену? заявил Черчилль. Мы обратились к советскому правительству с просьбой разрешить нашим представителям посетить Вену, а оно отослало нас опять и Европейскую консультативную комиссию. Теперь, когда закончилась война, какими мотивами можно объяснить отказ советского правительства нашим представителям посетить Вену?

Я заявил, что советское правительство полагало, что обсуждение вопросов на Европейской консультативной комиссии было бы наиболее быстрым путем достижения соглашения. Если каждая из делегаций будет отбирать себе квартиры по своему собственному желанию, то вряд ли можно было бы достигнуть соглашения в ближайшее время. Мы уже ведем переговоры в течение 10 месяцев. Сколько же времени потребуется еще для того, чтобы закончить переговоры?

Я полагаю, говорит Черчилль, посадить Европейскую консультативную комиссию вместе с военными советниками на самолет и отправить в Вену для того, чтобы представители четырех держав на месте достигли соглашения. Это является моим предложением, заявил Черчилль.

Я заметил, что вряд ли такой путь был бы наиболее быстрым в достижении соглашения.

Вы создали австрийское правительство, сказал Черчилль.

Я заметил, что советское правительство не создавало правительства в Австрии, а лишь не препятствовало австрийцам создать правительство, которое могло бы оказать помощь в борьбе против немцев.

Черчилль заявил, что он не критикует австрийское правительство. Может быть, оно и не плохое, но создано оно сепаратно от союзников.

4) Берлин. Вы не пускаете нас в Берлин. Вы хотите сделать Берлин своей исключительной зоной.

Я заявил, что утверждения Черчилля не имеют основания, так как мы имеем соглашение о зонах оккупации и управлении "Большим Берлином"... Мы не претендуем на то, чтобы посылать кого-либо в те районы, которые предназначены для оккупации советскими войсками, а сейчас там находятся союзные войска. Черчилль вновь повторил, что он готов разрешить какому угодно количеству советских представителей посещение любых мест.

Черчилль перешел к вопросу о Польше и говорил с еще большим раздражением...

5) Польша. Черчилль заявил, что польские дела все ухудшаются и сейчас он не видит пути к удовлетворительному решению. Мы назвали польских кандидатов для переговоров, а мы посадили их в тюрьму. Парламент и общественность проявляют

большую тревогу. Парламент настойчиво требует новых прений по польскому вопросу, и, по-видимому, после 10-дневного перерыва в заседаниях правительство должно будет предоставить отчет о состоянии польских дел.

Черчилль предполагает, что этими прениями будет выражено сильное негодование британской нации и он будет находиться в затруднении, как ему успокоить общественное мнение. Он намерен успокоить парламентское общественное мнение обещанием предстоящей встречи трех, если к этому времени удастся получить согласие маршала Сталина. Говоря об этом еще год тому назад, он согласился на линию Керзона, он полагал, что это будет являться большим вкладом в дело соглашения по польскому вопросу, но на деле оказалось не так. Далее Черчилль глухо упомянул о том, что, решая удовлетворительным образом польский вопрос, можно было бы одновременно решить и прибалтийские дела.

Не желая выслушать моих замечаний, Черчилль вновь перешел к характеристике серьезности общего положения.

Ваш фронт проходит от Любека до Триеста, вы держите в своих руках столицы и никого туда не пускаете, положение в Триесте угрожающее, польские дела загнаны в тупик, общая атмосфера накалена все это не может не вызвать у нас тревогу.

Я заявил Черчиллю, что ему хорошо известна позиция советского правительства, которое не предъявляет каких либо территориальных претензий и не претендует на европейские столицы. Наш фронт не проходит до Триеста. Там войска маршала Тито. Мы не отвечаем за действия Тито. Он и югославский народ своей борьбой заслужили почетное место среди Объединенных Наций.

Я знаю, сказал Черчилль, вы являетесь великой нацией и своей борьбой заслужили равное место среди великих держав, но и мы британцы — являемся достойной нацией, и мы не позволим, чтобы с нами обращались грубо и ущемляли наши интересы. Я хочу, сказал Черчилль, чтобы вы поняли, что мы весьма обеспокоены существующим положением и я приказал задержать демобилизацию воздушного флота.

Черчилль быстро закончил беседу, извинился за свою откровенность и отправился вести переговоры с Эттли о предстоящих выборах в парламент".

Эта речь Черчилля дает попят, насколько накалились отношения между союзниками уже через несколько дней после победы над Германией. Практически эта речь стала своеобразной репетицией для знаменитой Фултонской речи.

А еще был план операции "Немыслимое" (Unthinkable),

разработанный по приказу Черчилля в мае 45-го на случай, если Красная армия не остановится на согласованных границах зон оккупации, а продолжит победоносный марш на Запад вплоть до Атлантического океана. Данный план представлял собой доклад Штаба объединенного планирования британского Военного кабинета, датированный 22 мая 1945 года. Одно из приложений к плану было посвящено анализу только что закончившейся кампании в Европе. А в публикации плана и британской "Дейли телеграф" прямо говорится, что "Черчилль опасался, что после дня победы в Европе 8 мая советские войска могут продолжить движение на Запад и угрожать Англии. Черчилль полагал, что наступление против Советского Союза было бы тогда единственным решением и его надо будет предпринять до того, как американцы перебросят свои силы на Тихоокеанский театр. И он приказал своему штабу "думать о немыслимом" и разработать проект плана". Да и в самом плане содержались пункты, явно указывавшие на советскую агрессивность. Так, в качестве одной из предпосылок "Немыслимого" указывалось, что СССР вступает в союз с Японией. Насчет же союзных армий в связи с предполагаемой датой начала военных действий 1 июля 1945 года говорилось: "До 1 июля продолжается осуществление планов передислокации и демобилизации войск, затем оно прекращается". Никакой агрессор не стал бы проводить демобилизацию до самого дня агрессии. Также и предположение о том, что "акция получает полную поддержку общественного мнения как Британской империи, так и Соединенных Штатов, соответственно, высоким остается моральный настрой британских и американских войск", могло относиться только к тому случаю, когда "Немыслимое" стало бы ответом на советскую агрессию. Ибо британское и американское общественное мнение никогда бы не поддержало неспровоцированное нападение на вчерашнего союзника.

В плане отмечалось: "Это решать русским. Если они хотят тотальной войны, то они в состоянии вести ее..." План "Немыслимое" призван был по замыслу Черчилля продемонстрировать невозможность для союзников осуществить наступательную операцию против Красной армии в Европе. Ведь Красная армия имела подавляющее численное превосходство, 264 дивизии против 103 дивизий у союзников, и ни о каком быстром успехе наступления против нее не могло быть и речи, а тем более о нападении первыми уже 1 июля 1945 года, как утверждают российские историки. Эта дата была лишь чисто условным временем начала боевых действий для расчетов.

Цель операции заключалась в том, чтобы "принудить Россию

подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи". Конкретно имелось в виду "вытеснить Красную армию за пределы Польши".

Как отмечалось в докладе, в Европе силы Красной армии сосредоточены преимущественно в центральной ее части. В ходе контрдействий вероятна оккупация ею Хорватии, Греции, Турции, блокада черноморских проливов, что исключит действия военноморских сил союзников в Черном море.

"На Среднем Востоке, — как говорилось в докладе. — возникнет крайне опасная ситуация в Персии и Ираке. Почти наверняка Россия предпримет наступление в этом регионе с учетом возможности получения ценных нефтяных ресурсов и исключительного значения для нас этих районов. Примерно одиннадцати советским дивизиям здесь противостоят три бригады наших войск. Практически этот район окажется беззащитным, а утрата его нефтяных источников будет крайне серьезной потерей. Сложности тылового обеспечения и обстановка в Центральной Европе не позволят русским в начальных стадиях конфликта развернуть наступление на Египет. Вместе с тем они будут стремиться организовать беспорядки во всех странах Среднего Востока.

В Индии со стороны России также будут предприняты попытки организации беспорядков, но ее военные действия в этом регионе маловероятны.

На Дальнем Востоке любое русско-японское соглашение высвободит японские силы для укрепления обороны метрополии или возобновления наступления в Китае. Война союзников против Японии, скорее всего, зайдет в тупик".

Отсюда следовал вывод, что главным театром военных действий будут Центральная Европа и важный для союзников район Персии и Ирака. В Европе наиболее предпочтительным является наступление в северо-восточной ее части, что даст возможность использовать морское преимущество союзников на Балтике, обеспечить левый фланг их армий и оказывать давление на правый фланг противника. Расчеты на успех связывались также с бомбардировками центров коммуникаций на территории СССР и тактическим использованием авиации.

Конкретно указывались два основных направления наступления войск западных союзников: ось Штеттин — Шнейдемюль — Быгдоц и ось Лейпциг — Коттбус — Познань — Бреслау. При этом на картах, приложенных к "Немыслимому", Лейпциг показывался как находящийся под советским контролем, тогда как в реальности к 22 мая его все еще занимали американские войска. Это еще раз доказывает сугубую

теоретичность плана, который ориентировался на формальные границы советской зоны оккупации, а не на фактическую линию соприкосновения советских и англо-американских войск.

Британские генералы пришли к неутешительным выводам: "а) Если начнется война против России, она может стать длительной и дорогостоящей тотальной войной.

б) Численное превосходство противника делает маловероятным достижение быстрого успеха союзными армиями".

Преимущество же союзников в стратегической авиации было во многом обесценено тем, что в Германии и Польше не было стратегических целей, и "летающие крепости" пришлось бы использовать для решения несвойственных им тактических задач, т. е. стрелять из пушек по воробьям.

Вряд ли Черчиллю нужен был специальный доклад для того, чтобы убедиться в подавляющем советском численном превосходстве. Он был хорошо осведомлен об этом в последние месяцы войны. Вероятно, он хотел иметь под рукой этот документ, чтобы с цифрами в руках продемонстрировать американским союзникам советское превосходство и побудить их не убирать войска из Европы. Не случайно британский премьер 8 июня писал генерал-лейтенанту сэру Хастингсу Исмею, начальнику своего личного штаба, передававшему премьеру план "Немыслимое": "Используя кодовое название "Немыслимое", штабы должны понимать, что это остается исключительно изучением того, что, я надеюсь, является чисто гипотетической конструкцией на случай чрезвычайных обстоятельств (contingency)". И в плане "Немыслимое" особо подчеркивалось, что одолеть СССР в тотальной войне можно, только мобилизовав значительные людские ресурсы как за счет мобилизации в Америке, так и за счет восстановления германской армии, причем подчеркивалось, что оба эти проекта могут быть долговременными. Кстати, в плане действительно упоминались 10 немецких дивизий, которые частично сохранили свою организационную структуру в английских лагерях в Северной Германии и в Дании, но при этом отмечалось, что к 1 июля они никак не могут быть подготовлены к боям. И в письме Исмею от 8 июня Черчилль поручал ему изучить возможности обороны союзниками Западной Европы от вероятного советского вторжения, поскольку союзные силы находятся в соприкосновении с советскими войсками и в любой момент могут быть втянуты в столкновения. Оборонительный, как и наступательный, план имел чисто теоретический характер и не предполагал перемещений войск.

А каков мог бы быть исход Третьей мировой войны, если бы

Сталин вдруг начал летом 45-го вторжение в Западную Европу? Надо признать, что для наступательных операций у союзников действительно не было сил. Однако их оборона имела неплохие шансы на успех даже без применения ядерного оружия. В плане "Немыслимое" отмечалось, что "в нынешней войне русские потеряли ориентировочно 10–11 млн человек, общая численность отмобилизованных сухопутных сил русских на 1 июля может составить чуть более 7 млн человек. Более 6 млн из них, по нашим оценкам, задействованы на европейском театре военных действий". Численность действующей армии в Европе была определена близкой к действительности, а вот безвозвратные потери Красной армии были значительно преуменьшены. По нашей оценке. Красная армия потеряла погибшими 26,9 млн человек. Поэтому людские ресурсы СССР были практически полностью истощены. Сталин не знал точной величины потерь, но он был наверняка в курсе, что призывать в армию уже почти некого. Так что, если бы Красной армии не удалось сразу же прорвать фронт и сбросить союзников в море, советские войска, понеся большие потери, которые нечем было бы восполнить, оказались бы в сложном положении, тогда как союзники имели бы в своем распоряжении практически не затронутые войной людские ресурсы США и возможность со временем создать новую армию из примерно 8 млн германских военнопленных. К тому же СССР нельзя было полагаться ни на армию коммунистической Польши, ни на призывников из Прибалтики и Западной Украины, которые бы в случае Третьей мировой войны наверняка перебежали бы на Запад. Господство союзной авиации, которая, уступая в численности советской, превосходила ее как качеством машин, так и особенно уровнем командования и подготовки экипажей, делало маловероятным успех советской; наступления, тем более что фронт этого наступления, учитывая характер местности, должен был ограничиться Центральной и Северной Германией, т. е. быть сравнительно узким, а следовательно, у союзников хватило бы дивизий, чтобы его оборонять и остановить советское наступление. В затяжной же войне, вопреки мнению британских генералов, у Сталина не было шансов на победу. В такой войне Англия и США, скорее всего, вытеснили бы в конце концов Красную армию из Восточной Европы и Прибалтики, но вряд ли бы рискнули оккупировать советскую территорию, остановившись где-то на линии Керзона. Америка имела почти не затронутые войной людские ресурсы. И даже с учетом того, что, в отличие от Сталина, англичане и американцы бросали в бой только обученных призывников, этих последних бы все равно хватило для победы. Ведь соотношение безвозвратных потерь в

гипотетической войне Англии и США против СССР, по всей вероятности, было бы близким к десятикратному, которое было в войне вермахта и Красной армии, и на этот раз — в пользу западных союзников. Поэтому советские ресурсы живой силы истощились бы достаточно быстро, и Сталин запросил бы перемирие.

"Возможность революции в СССР и политического краха нынешнего режима" в плане "Немыслимое" даже не рассматривалась, так же как и возможность продвижения союзных армий дальше Польши. Планировщики прямо признавали: "В 1942 г. немцы дошли до рубежей Москвы. Волга и Кавказа, но методы эвакуации заводов в сочетании с развертыванием новых ресурсов и помощью союзников позволили СССР продолжить боевые действия. Фактически невозможно говорить о пределе продвижения союзников в глубь России, при котором дальнейшее сопротивление станет невозможным". Помимо всего прочего, с прекращением ленд-лиза советская промышленность не смогла бы долго питать войска всем необходимым, а на освоение германских трофеев требовалось время.

Союзники переоценивали реальную мощь Красной армии и способность СССР к продолжению тотальной войны. И они, во всяком случае, не собирались оккупировать территорию СССР и устанавливать там другую власть, понимая чрезвычайную затратность этого проекта. Сталин же, сознавая, что ресурсов для длительной войны у него уже нет, а сокрушить союзников одним ударом не удастся, вовсе не собирался в 1945 году вторгаться в Западную Европу. Но окончательно страхи Черчилля и других западных лидеров прекратились только после того, как в июле 45-го в США была испытана атомная бомба. Черчилль, можно сказать, был одним из ее отцов, инициировав в 1940 году британский ядерный проект и заключив в том же году соглашение с США о сотрудничестве в этой сфере. А в 1942 году, осознав, что у Англии недостаточно ресурсов для создания атомной бомбы, санкционировал передачу американцам британских наработок по ядерному оружию и переезд ученых в США.

23 мая Гопкинс отправился на переговоры со Сталиным. Он пытался возродить дух сотрудничества с Советским Союзом и считал, что, если позволить Черчиллю навязать свою волю, отношения могут еще больше ожесточиться из-за вызывающих мер, на которых настаивал Черчилль. В дневнике военноморского министра Форрестала есть запись после беседы с Гопкинсом, в которой тот объяснил свою задачу в Москве: "Гарри сказал, что он скептически относится к Черчиллю, особенно в том, что касается англо-американо-русских отношений; что, по

его мнению, для нас жизненно важно не объединяться с Великобританией в блок против России и не стать орудием для проведения Англией ее политики в Европе".

В 20-х числах мая Черчилль встретился со специальным посланником Трумэна Джозефом Дэвисом, бывшим послом в СССР. В докладе, представленном по возвращении домой. Дэвис писал, что он объяснил Черчиллю желание Трумэна рассеять подозрение Советского Союза, что Британия и Соединенные Штаты вместе с Объединенными Нациями "плетут интриги" против него; это подозрение и в самом деле неоправданно, и его следует рассеять; для этого требуется уверенность в доброй воле и надежности всех сторон, которая может быть достигнута только в ходе откровенных дискуссий и благодаря возможности узнать и оценить друг друга. Не зная лично своих союзников, президент оказался в невыгодном положении по сравнению с премьер-министром и Сталиным. Черчилль и Иден часто имели дружеские беседы с маршалом Сталиным и министром Молотовым. "Поэтому, ввиду ответственности предстоящей встречи, президент решил познакомиться с советским лидером и предоставить такую возможность ему... Президент хочет встретиться с маршалом незамедлительно, до запланированной встречи. Он уверен, что премьер-министр оценит разумность его позиции... Я откровенно сказал, что, слушая, как он [Черчилль] столь яростно выступает против угрозы советского господства и распространения коммунизма в Европе и проявляет явное недоверие к честным намерениям Советского Союза, стремящегося к лидерству, невольно задаешься вопросом: не хочет ли премьер-министр заявить всему миру, что он и Британия совершили ошибку, не поддержав Гитлера? Насколько я его понял, он сейчас выражает доктрину, которую провозглашали Гитлер и Геббельс все последние четыре года, стараясь нарушить единство союзников. Теперь он утверждает точно то же самое, что утверждали они, и делает те же выводы".

21 мая Черчилль снова написал президенту, что, по его мнению, необходима встреча всех троих в ближайшее время, и попросил: "Не могли бы Вы подсказать удобную дату и место для того, чтобы мы могли предъявить некоторые требования Сталину? Боюсь, он будет пытаться выиграть время, чтобы остаться властвовать в Европе, когда наши силы иссякнут..."

Однако Трумэн, в отличие от Черчилля, еще надеялся на какое-то сотрудничество со Сталиным в устройстве послевоенной Европы и мира. Разочарование у него наступило чуть позже — к началу 1946 года, когда у него уже не было сомнений, что американские войска необходимо оставить в Европе.

Дипломатия Сталина облегчалась тем, что союзники, заинтересованные в советской военной помощи, закрывали глаза на идеологические различия и отсутствие в СССР демократии. Они, особенно Черчилль, во время войны грубо льстили Сталину, называли Советский Союз "одной из трех "великих демократий" наряду с США и Англией, хотя прекрасно знали, что никакой демократии в СССР нет и в помине.

Уинстон Черчилль в рабочем кабинете

В Потсдаме Черчилль и Сталин встретились в последний раз. В ходе беседы 17 июля 1945 года Сталин сообщил Черчиллю, что он отклонил просьбу Японии о посредничестве в переговорах с США. На следующий день Черчилль сказал советскому лидеру, что 25 июля он на один день уедет в Англию в связи с выборами, на которых думал одержать убедительную победу. Сталин ободрил его, выразив уверенность, что консервативная партия получит большинство в 80 депутатских мест. Но Иосиф Виссарионович оказался плохим пророком. На выборах победили лейбористы, и Черчилль в Потсдам уже не вернулся.

Англичане и американцы в Потсдаме турецкую Армению и Проливы Сталину не отдали. Напрасно Сталин и Молотов убеждали Черчилля и Трумэна в необходимости разрешить СССР заключить с Турцией договор о размещении в Проливах советских военных баз, подобно российско-турецкому Ункяр-Искелесийскому договору 1833 года. Западные лидеры выразили уверенность, что Турция на такие условия никогда не пойдет, а в дальнейшем поддержали Турцию в этом вопросе. Они также отметили, что одно дело — пересматривать Конвенцию в Монтрё в плане разрешения прохода через Проливы советских военных

судов, и совсем другое — согласиться на размещение советских войск и флота в зоне Проливов.

Фультонская речь

В годы Второй мировой войны в Соединенном Королевстве Черчилль воспринимался как настоящий спаситель нации. После войны этот ареол немного поблек, поскольку Вторая мировая война закончилась для Англии потерей империи.

На выборах 26 июля 1945 года консерваторы получили немногим больше трети мест в парламенте. Это был разгром.

После ухода в отставку с поста премьера в июле 1945 года Черчилль публично критиковал советскую политику в отношении Польши и насильственное утверждение там коммунистического правительства. Теперь он возглавлял консервативную оппозицию, но в парламенте появлялся редко, предпочитая путешествовать или работать в Чартвелле над своими самыми известными в мире мемуарами "Вторая мировая война".

Черчилль предупреждал против "русской опасности", но в то же время в 1946 году говорил: "Я не верю, что Россия хочет войны. Она хочет плодов войны".

9 ноября 1945 года речь Черчилля в палате общин, произнесенную 7 ноября в качестве лидера консервативной оппозиции, с некоторыми сокращениями перепечатала "Правда". Бывший британский премьер признался в любви к Сталину и советскому народу: "Я должен сначала выразить чувство, которое, как я уверен, живет в сердце каждого, — именно чувство глубокой благодарности, которой мы обязаны благородному русскому народу. Доблестные советские армии, после того как они подверглись нападению со стороны Гитлера, проливали свою кровь и терпели неизмеримые мучения, пока не была достигнута абсолютная победа.

Поэтому... глубокое стремление этой палаты, а эта палата говорит от имени английской нации, заключается в том, чтобы чувства товарищества и дружбы, развившиеся между английским и русским народами, не только были сохранены, но и систематически развивались".

Говоря о тов. Сталине, Черчилль заявил: "Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения, по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правившему судьбой своей страны во времена мира, и победоносному защитнику во время войны. Даже если бы у нас с советским правительством возникли сильные разногласия в отношении многих политических аспектов — политических, социальных и даже, как мы думаем, моральных, то в Англии нельзя допускать такого настроения, которое могло бы нарушить

или ослабить эти великие связи между двумя нашими народами, свяли, составляющие нашу славу в период недавних страшных конвульсий".

На следующий день отдохавший в Сочи Сталин разразился срочным посланием в адрес оставленной в Москве руководить страной четверки в составе Молотова, Маленкова, Берии и Микояна: "Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалением России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР, в частности, замаскировать тот факт, что Черчилль и его ученики из партии лейбористов являются организаторами англо-американо-французского блока против СССР. Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Труманов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу. Но если мы будем и впредь публиковать подобные речи, мы будем этим насаждать угодничество и низкопоклонство. Я уже не говорю о том, что советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня. Сталин".

Иосифу Виссарионовичу были нужны и полезны восхваления со стороны Рузвельта и Черчилля в годы войны, когда он нуждался в них как в союзниках и в поднятии собственного авторитета в западном общественном мнении. Теперь же, когда Сталин собирался переходить к конфронтации с Америкой и Англией и бороться с "безродными космополитами" и "низкопоклонством перед Западом" внутри страны, такого рода речи Черчилля, да еще опубликованные в "Правде", были ему только во вред, поскольку создавали у советской общественности абсолютно ненужное в данный момент впечатление, будто на Западе видные политические деятели отнюдь не левого направления по-прежнему с симпатией относятся к СССР и к его лидеру. С этой точки зрения гораздо полезнее для Сталина оказалась Фультонская речь Черчилля, произнесенная пол года спустя.

11 ноября оставленный руководить "четверкой" Молотов незамедлительно покаялся: "Опубликование сокращенной речи Черчилля было разрешено мною. Считаю это ошибкой, потому что даже в напечатанном у нас виде получилось, что восхваление

России и Сталина Черчиллем служит для него маскировкой враждебных Советскому Союзу целей. Во всяком случае, ее нельзя было публиковать без твоего согласия. Молотов".

4 декабря ТАСС сообщил содержание ранее задержанной цензурой, а теперь опубликованной в "Дейли телеграф энд Морнинг пост" статьи московского корреспондента Рэндольфа Черчилля (сына Уинстона) о правительстве СССР. Там заявляется, что 13 членов Политбюро коммунистической партии "представляют собой подлинное и действительное правительство России. Жданов, Маленков, Андреев и Берия, — пишет Рэндольф Черчилль, — являются более мощными фигурами, чем Молотов, и именно из числа их, вероятно, выйдет преемник Сталина".

Насчет А.А. Андреева сын Черчилля попал пальцем в небо. Как раз незадолго до этого, 10 ноября, Сталин сообщал четверке, что из-за болезни Андрей Андреевич не может долго оставаться наркомом земледелия. А вот мысли Черчилля-младшего по поводу Молотова и других потенциальных преемников Иосиф Виссарионович учел, в скором времени отодвинув в тень наркома иностранных дел и возвысив Жданова.

7 декабря Маленков, Берия и Микоян сообщили Сталину: "Мы указали Молотову, что он неправильно поступил, дав 7 ноября на банкете согласие на прием сыну Черчилля, который в это время находился в Москве как корреспондент газеты и хотел получить интервью у Молотова. Прием сына Черчилля не состоялся, так как мы высказались против".

На этом личные отношения Сталина с семейством Черчиллей закончились навсегда.

После войны Черчилль был очень популярен в США. 5 марта 1946 года, выступая в Вестминстерском колледже Фультона (Миссури), он произнес речь, озаглавленную "Мускулы мира": "Мы не можем закрыть глаза на то, что свободы, которые имеют граждане в США, в Британской империи, не существуют в значительном числе стран, некоторые из которых очень сильны. В этих странах контроль над простыми людьми навязан сверху через разного рода полицейские правительства до такой степени, что это противоречит всем принципам демократии. Единственным инструментом, способным в данный исторический момент предотвратить войну и оказать сопротивление тирании, является "братская ассоциация англоговорящих народов". Это означает специальные отношения между Британским содружеством и империей и Соединенными Штатами Америки...

Тень упала на сцену, еще недавно освещенную победой альянса. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намерены делать

в ближайшем будущем и есть ли какие-то границы их экспансии. Я очень уважаю и восхищаюсь доблестными русскими людьми и моим военным товарищем маршалом Сталиным... Мы понимаем, что России нужно обезопасить свои западные границы и ликвидировать все возможности германской агрессии. Мы приглашаем Россию с полным правом занять место среди ведущих наций мира. Более того, мы приветствуем или приветствовали бы постоянные, частые, растущие контакты между русскими людьми и нашими людьми на обеих сторонах Атлантики. Тем не менее моя обязанность, и я уверен, что и вы этого хотите, изложить факты так, как я их вижу сам... От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен "железный занавес". За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой, и все они в той или иной форме — объекты не только советского влияния, но и очень высокого, а в некоторых случаях и растущего контроля со стороны Москвы... Коммунистические партии, которые были очень маленькими во всех этих восточноевропейских государствах, были выращены до положения и силы, значительно превосходящих их численность, и они стараются достичь во всем тоталитарного контроля...

В большом числе стран, далеких от границ России, во всем мире созданы коммунистические "пятые колонны", которые работают в полном единстве и абсолютном послушании в выполнении директив, получаемых из коммунистического центра... Я отвергаю идею, что новая война неотвратима... Я не верю, что Советская Россия жаждет войны. Она жаждет плодов войны и неограниченного расширения своей власти и идеологии". И далее: "Из того, что я видел во время войны в наших русских друзьях и соратниках, я заключаю, что ничем они не восхищаются больше, чем силой, и ничего они не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость. Поэтому старая доктрина баланса сил ныне неосновательна..."

Черчилль заявил: "Леди и джентльмены, безопасность в мире требует нового союза в Европе, из которого ни одна нация не может быть постоянно исключена. Именно из-за ссор между сильными расами в Европе происходили все войны как в прошлое время, так и та мировая война, свидетелями которой мы были. Дважды за время нашей жизни мы видели, как Соединенные Штаты — вопреки собственным желаниям и традициям, вопреки аргументам, силу которых нельзя не признать, — ведомые

непреодолимой силой, вовремя сохраняли победу, но только после страшных кровопролитий и разрушений. Дважды Соединенные Штаты посылали через Атлантику свои миллионы молодых ребят на войну, но теперь война может настичь любую нацию между сумерками и рассветом. Без сомнений, мы должны осознанно действовать в целях решительного умиротворения Европы в рамках Объединенных Наций". Эту идею он развил 19 сентября 1946 года, выступая в Цюрихском университете. Там Черчилль призвал бывших врагов — Германию, Францию и Британию — к примирению и созданию "Соединенных Штатов Европы": "Этот благородный континент, приютивший самые красивые и просвещенные страны мира, этот континент с умеренным и ровным климатом — колыбель и пристанище всех великих братских народов западного мира, очаг христианской веры и морали. Именно в Европе, начиная с Античности и до Нового времени, зарождалось большинство культур, искусств, наук, философских течений. Если бы страны Европы в один прекрасный день объединились и по-братски разделили это общее наследие, не было бы границ счастью, процветанию и славе трехсот или даже четырехсот миллионов ее обитателей... Первый шаг к воссозданию европейской семьи — это примирение и заключение партнерских отношений между Францией и Германией.

Только так Франция вновь станет духовным светочем Европы. Возрождение Европы невозможно без духовного возрождения Франции и Германии".

В Фультоне Черчилль призвал к единению англосаксонских народов и поискам взаимопонимания с Россией: "Никогда не было в истории войны, которую было бы легче предотвратить своевременным действием, чем та, которая только что опустошила огромную область на планете. Такой ошибки повторить нельзя. А для этого нужно под эгидой Объединенных Наций и на основе военной силы англоязычного содружества найти взаимопонимание с Россией. Тогда главная дорога в будущее будет ясной не только для нас, но для всех, не только в наше время, но и в следующем столетии".

После Фултонской речи Черчилль признался Трумэну: "Если бы я мог вторично появиться на свет, я хотел бы родиться в Америке. Это единственная в мире страна, где молодой человек знает, что перед ним распахнуты ворота в будущее неограниченных возможностей".

Из британского посольства в Вашингтоне Черчилль послал письмо премьер-министру К. Эттли и министру иностранных дел Э. Бовину, где, в частности, писал: "Я убежден, что некоторая

демонстрация мощи и силы сопротивления необходима в целях положительного урегулирования отношений с Россией.

Я предвижу, что это станет преобладающим мнением в Соединенных Штатах в ближайшем будущем".

Черчилль предложил немедленно "достигнуть полного взаимопонимания с Россией по всем вопросам" и добиться проведения свободных выборов в странах Восточной Европы. Он призвал к объединению военных усилий стран Запада: "Судя по моим встречам с русскими, я уверен, что они больше всего восхищаются силой, и нет ничего такого, к чему бы они питали больше уважения, чем военная мощь". В СССР речь Черчилля получила даже больший резонанс, чем на Западе. Советская пропаганда стала утверждать, что именно речь в Фультоне стала объявлением "холодной войны". Между тем последняя в полном объеме началась лишь два года спустя — с коммунистического переворота в Праге и блокады Берлина. В 1946 году бывшие союзники еще взаимодействовали в Германии и Австрии. А вот то, что в Фултонской речи прозвучало впервые после Второй мировой войны, — так это призыв к англосаксонскому, европейскому и североатлантическому единству, что воплотилось позднее в создании Евросоюза и НАТО.

Уже 13 марта 1946 года Сталин прокомментировал в интервью "Правде" Фултонскую речь Черчилля (на следующий день текст интервью был опубликован): "По сути дела, г-н Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И г-н Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира (тут Сталин сознательно передергивал. Гитлер говорил не о народах, говорящих на немецком языке, как о высшей расе, а о народах германской крови. Говорящих на немецком языке евреев он безжалостно уничтожал. Черчилль же в данном случае говорил обо всех, для кого английский язык является родным, независимо от их расового происхождения. — Б.С.). Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над

другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела, г-н Черчилль и сто друзей в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке — в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством Черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство...

Несомненно, что установка г-на Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР...

Г-н Черчилль утверждает, что Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы. Г-н Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ "экспансионистские тенденции" Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что г-н Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру (но Черчилль-то имел в виду прежде всего военный контроль. И Вена, и Берлин находились в советских зонах оккупации, и находившиеся в обеих столицах западные представители и контингенты войск фактически чувствовали себя в окружении гораздо более многочисленных соединений Советской армии. — Б.С.).

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Болгарию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах

существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на каторгу около семи миллионов человек. Иначе говоря. Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечивающие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них. Спрашивается: что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?.."

Здесь Сталин опять передергивает, причем довольно грубо. Черчилль совсем не призывал вести войну против СССР, а лишь принять меры к тому, чтобы "железный занавес" не передвинулся дальше на Запад. И здесь главную надежду он возлагал на Америку. Если американские войска уйдут из Европы, то сдерживать Сталина, думал Черчилль, будет некому. И характер влияния американцев в Западной Европе был совсем иным, чем советского влияния в Восточной Европе. Вашингтон, безусловно, влиял на политическую ситуацию — как экономической помощью в рамках плана Маршалла, так и пропагандистскими средствами, но при этом президент Трумэн и не думал отменять там демократические свободы и свободные выборы. Сталин же осуществлял контроль с помощью своих войск и послушных марионеток-коммунистов, и в результате уже к концу 1948 года о демократических свободах и альтернативных выборах в Восточной Европе было приказано забыть.

В интервью "Правде" по поводу Фультонской речи Черчилли в марте 1946 года Сталин впервые козырнул величиной советских потерь как для оправдания советской политики в Восточной Европе, так и для унижения, как он думал, вчерашних союзников. Как смеете, мол, учить нас демократии, когда вы потеряли и минувшей войне жалкие сотни тысяч, тогда как мы — полновесные семь миллионов. Потом эту традицию восприняли все преемники Сталина, от Хрущева до Путина. Цифра при этом выросла сначала до 20, а затем до 27 млн человек, по все равно осталась достаточно далека от истинной, особенно в части потерь Красной армии. Официальная цифра в 8668 тыс. погибших и умерших красноармейцев и командиров, обнародованная в 1993

году, также примерно втрое меньше истинной.

В начале 1947 года Сталин одобрил карикатуру на Черчилля в связи с его речью в Фультоне. До этого публикации карикатур на союзников в войне в советской печати не допускались. Так был сделан важный шаг к "холодной войне".

После Фултонской речи ни о каком сохранении даже внешней формальной дружбы между Сталиным и Черчиллем говорить не приходится. Тем не менее в феврале 1947 года Черчилль направил частное послание Сталину в ответ на переданный через побывавшего в Москве фельдмаршала Монтгомери сталинский привет: "Я постоянно вспоминаю наши товарищеские отношения в те годы, когда все было поставлено на карту. Я также был счастлив узнать от Монтгомери, что Вы в добром здравии. Ваша жизнь драгоценна не только для Вашей страны, которую Вы спасли, но и для дела дружбы между Советской Россией и Великобританией и даже всем говорящим на английском языке миром, дружбы, от которой зависит будущее счастье человечества. Верьте мне, искренне Ваш Уинстон Черчилль".

Возможно, в тот момент Уинстон на самом деле верил, что со Сталиным еще можно договориться. Окончательный разрыв между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции произошел только в следующем. 1948 году.

Тем не менее, будучи убежден, что коммунисты вгонят человечество в каменный век. Черчилль в 1949 году заявил:

"Если бы мы задушили русский большевизм при его рождении, человечество было бы безмерно счастливо".

Последние годы

Будучи временно отлучен от государственной деятельности, Черчилль все больше времени уделял своему любимому хобби — живописи. Но когда в конце 40-х годов ему предложили устроить выставку его работ, Уинстон скромно отказался: "Они не стоят того, чтобы их выставлять. Их ценность только в том, что они написаны знаменитой личностью". А позднее он признавался: "Мне как-то неловко выставлять свои картины публично, ведь они для меня как дети: даже если ведут себя плохо, то все равно остаются любимыми".

Тем не менее в 1947 году Черчилль направил две картины в Королевскую академию искусств, подписавшись вымышленным именем — мистер Дэвид Винтер. К его удивлению, работы были приняты, и в 1948 году Черчилль стал почетным членом Королевской академии искусств. Это был настоящий успех, потому что академики вряд ли догадывались, кем на самом деле является безвестный художник Дэвид Винтер. В дипломе, подписанном покровителем Академии королем Георгом VI, отмечалось: "Это уникальное назначение стало возможно благодаря постоянной службе нашему Королевству и его людям, а также Вашим достижениям в искусстве живописи".

А в 1950 году при содействии бизнесмена Джойса Клайда Холла 12 картин Черчилля все же были выставлены анонимно для американской Ассоциации директоров искусствоведческих музеев. Профессионалы оценили их довольно высоко, утверждая: "Кто бы ни был их автор, он явно не художник воскресного дня". А Черчилль-то как раз творил свои полотна только по выходным и в немногие свободные от других дел, вроде политики или литературы, минуты и часы.

Но вот пришла пора возвращаться в большую политику. 25 октября 1951 года консерваторы выиграли парламентские выборы. Черчилль вернулся в премьерское кресло. В период своего второго премьерства, в первой половине 50-х годов, он стремился если не прекратить, то смягчить "холодную войну", предотвратить военную конфронтацию между США и СССР, сознавая ее разрушительные последствия. Черчилль предупреждал: "Мы живем в эпоху, когда в любой момент Лондон со всем населением можно стереть с лица Земли за одну ночь".

Последнее послание Черчилля Сталину, сохранившееся в архиве генералиссимуса, датировано 4 ноября 1951 года. Оно очень короткое: "Теперь, когда я вновь во главе правительства Его Величества, позвольте мне ответить одним словом на Вашу

прощальную телеграмму из Берлина в августе 1945 года: "Привет!"" Через день в посольство СССР в Лондоне пришла срочная и еще более короткая телеграмма из Москвы: "Немедленно передайте по назначению следующее послание И.В. Сталина: "Уинстону Черчиллю, премьер-министру Великобритании. Благодарю за привет! И. Сталин". Исполнение срочно телеграфьте".

Теперь, когда после начала корейской войны, юридического оформления раскола Германии и создания Организации Северо-Атлантического договора "холодная война" была в разгаре, о восстановлении былых доверительных (или казавшихся со стороны таковыми) отношений между Сталиным и Черчиллем не могло быть и речи. Прочитированные весьма краткие и сухие письма оказались последними в многолетней переписке. Здоровье двух государственных деятелей, особенно Сталина, оставляло желать много лучшего. Иосифу Виссарионовичу было уже не до переписки с Черчиллем.

В 1953 году Черчилль был удостоен Нобелевской премии по литературе за "высокое мастерство произведений исторического и биографического характера, а также за блестящее ораторское искусство, с помощью которого отстаивались высшие человеческие ценности". Главным аргументом в пользу такого решения Нобелевского комитета послужили мемуары "Вторая мировая война". Здесь литература тесно переплелась с политикой. Как заметил в своей речи член Шведской академии П.С. Сиверц, "политические и литературные достижения Черчилля столь велики, что его можно сравнить как с Цезарем, так и с Цицероном". Его речи представляют собой образцы ораторского искусства и высокой литературы. По словам другого британского нобелевского лауреата, писателя Уильяма Голдинга, "черчиллевская поэзия факта изменила историю".

9 октября 1954 года в речи "Мир посредством силы" перед конференцией консервативной партии Черчилль высказался о дядюшке Джо весьма откровенно: "Сталин в течение многих лет был диктатором России, и чем больше я изучал его карьеру, тем более меня шокировали те ужасные ошибки, которые он допускал, и та крайняя жестокость по отношению к людям и массам, которыми он управлял. Сталин был нашим союзником в борьбе против Гитлера, когда Россия подверглась агрессии, но, когда Гитлер был уничтожен, Сталин превратился в главную угрозу для нас.

После нашей общей победы стало очевидно, что его действия вновь разделили мир. По-видимому, его захватили мечты о мировом господстве. Он превратил треть Европы в сателлита

Советского Союза, навязав им коммунизм. Это было прискорбным событием после всего, через что мы прошли.

Но вот уже год, как Сталин умер, — это несомненно, и с тех пор я питаю надежду, что открывается новая перспектива для России, новая надежда на мирное сосуществование с русским народом, и наш долг — терпеливо и настойчиво удостовериться, есть ли такой шанс, или нет".

Прежней активности и энергии периода Второй мировой войны у Черчилля уже не было. В августе 1949 года он перенес первый микроинсульт, а во время предвыборной кампании 1950 года у Уинстона диагностировали спазм мозговых сосудов. Он также страдал сердечной недостаточностью, экземой и прогрессирующей глухотой. Не исключено, что еще один микроинсульт Черчилль перенес в феврале 1952 года. Однако ясность ума он сохранил до самых последних дней жизни, хотя феноменальная память его теперь иной раз подводила. В июне 1953 года новый инсульт на несколько месяцев парализовал премьера, однако ему удалось полностью восстановиться. 14 июня 1954 года Черчилль был посвящен королевой в рыцари ордена Подвязки — высшего рыцарского ордена Великобритании.

5 апреля 1955 года Черчилль ушел в отставку с поста премьера, но сохранил за собой место в палате общин. Как оказалось, очень вовремя. Задержись Черчилль еще на полтора года, и его имя у англичан прочно ассоциировалось бы с провальной попыткой совместно с Францией силой восстановить свой контроль над Суэцким каналом. На этот раз Черчилль ушел непобежденный, предоставив расхлебывать кашу за Суэцкий проват Энтони Идену.

Как-то в последние жизни один молодой парламентарий осведомился у Черчилля, не желает ли он чая, на что бывший премьер раздраженно ответил: "Не валяйте дурака. Я желаю только большой стакан виски!"

Первая персональная художественная выставка Черчилля под своим именем, включившая 35 работ, была организована в Канзас-Сити (Миссури) в 1958 году. В первый день ее посетило более 5 тыс. человек. Как писала одна из местных газет, "еще никогда в истории Нельсоновской галереи за день не было столько посетителей. Хотя их и привлекло имя Черчилля, большинству экспозиция понравилась и сама по себе". Общее же число посетителей выставки отставного британского премьера, которая после Канзас-Сити отправилась в турне по американским городам, превысило полмиллиона. Среди них был и давний друг Черчилля президент Гарри Трумэн, который похвалил его за реализм: "Они чертовски хороши. По крайней мере вы ясно

видите, что именно на них изображено. А о работах многих современных художников этого не скажешь". Также и директор галереи Лоуренс Сикман утверждал: "По большей части Уинстон — реалист. Его деревья выглядят как деревья, дома — как дома. Достаточно одного взгляда на его работы, чтобы понять, что он предпочитает яркие тона".

После США выставка картин Черчилля побывала в Канаде, Австралии и Новой Зеландии. А в следующем году Уинстон впервые выставился на родине, в лондонской Диплома-галерее. На выставке, проходившей под патронажем Королевской академии искусств, публике были представлены 62 картины. За всю историю Черчилль был пятым академиком, удостоенным столь большой прижизненной выставки. На открытии Уинстон не присутствовал. Клементина писала ему, что в день открытия выставку посетило 3210 человек, тогда как годом раньше на открытии выставки Леонардо да Винчи было только 1172 человека. Когда открывшуюся в марте выставку в мае наконец почтил своим присутствием Черчилль, число посетителей превысило 100 тыс. А всего на выставке побывало более 140 тыс. человек. Искусствовед Джон Лондон писал, что от картин Черчилля исходит яркость, сила и самоуверенность, а дюжина картин смело могла бы соперничать с лучшими полотнами французских импрессионистов. Отмечали также высокий профессионализм черчиллевских картин. Сам он после отставки стал охотно дарить картины своим друзьям, утверждая: "Мои картины слишком плохи, чтобы их продавать, и слишком дороги, чтобы дарить их кому-то другому, кроме близких друзей".

Спрос на картины Черчилля сохранился и через много лет после его смерти. Так, в 1977 году одна из работ британского премьера была продана за 148 тысяч фунтов стерлингов. В декабре 2006 года его "Вид на Тинхерир", написанный в 1951 году в Марокко, ушел за 612,8 тысячи фунтов. А в июле 2007 года во время лондонских торгов аукционного дома Сотби стоимость работы Черчилля "Чартвелл: пейзаж с овцами" превысила рубеж в 1 миллион фунтов. Искусствовед доктор Артур Фракфуртер, вероятно, прав, когда полагает, что в популярности картин Черчилля среди коллекционеров в равной мере повинны как его личность, так и художественные достоинства его творений. Ведь кроме Черчилля не было больше ни одного выдающегося художника, который стал бы великим премьер-министром одной из великих держав мира.

Поздравляя жену с 78-летием, Черчилль писал: "Признаюсь тебе в своей величайшей любви и шлю сотни поцелуев. Хотя я изрядно поглупел и вывожу на бумаге едва ли не каракули,

карандашом, которым я пишу тебе, водит мое сердце.

Твой любящий У."

К смерти Черчилль относился философски. Он говорил: "Я готов встретиться с Творцом, но не знаю, готов ли Творец к такому тяжкому испытанию, как встреча со мной!" Еще Черчилль утверждал: "Я не боюсь смерти, но собираюсь сделать это наилучшим образом".

8 апреля 1963 года Черчилль стал почетным гражданином США. Ранее этой чести удостоился только герой войны за независимость французский генерал маркиз Жильбер де Лафайет. А в мае 1963 года Черчилль объявил, что больше не будет участвовать в заседаниях парламента. 27 июля 1964 года он последний раз в своей жизни посетил заседание палаты общин, чтобы проститься с ней. Бывший премьер Гарольд Макмиллан приветствовал сидевшего на почетном месте Черчилля: "Жизнь человека, которого мы сейчас приветствуем, уникальна. Старейшие члены парламента не смогут вспомнить кого-нибудь, сравнимого с ним. Молодые же члены, как бы долго им не довелось жить, вряд ли увидят кого-либо более достойного".

Уинстон и Клементина Черчилль на закате жизни

В августе 1964 года Черчилля сразил очередной инсульт. В больнице его навеситил Дуайт Эйзенхауэр, приехавший в Европу в связи с юбилеем высадки в Нормандии. Черчилль, хотя и был парализован и не мог говорить, узнал старого друга, и его глаза загорелись. Уинстон лишь положил ладонь на правую руку генерала и президента. Через десять минут Черчилль разжал руку

и поднял ее вверх, продемонстрировав V — знак победы. Выйдя из палаты, Эйзенхауэр сказал: "Я только что простился с Уинстоном, но его мужество навсегда останется с нами".

Когда 30 ноября 1964 года Черчиллю исполнилось 90 лет, лечащие врачи сочли это удивительным достижением для человека со столь вредными привычками. К тому времени он уже оправился от инсульта и смог сидеть со своими близкими за праздничным столом. Клементина подарила ему золотое сердечко с выгравированными цифрами "90", и Уинстон повесил его на цепочку для часов рядом с подарком, сделанным в день их свадьбы, — рубиновой "каплей крови".

Даже в последние месяцы жизни Уинстон не изменил себе, наслаждаясь обильной едой, сигарами и стаканчиком бренди каждый вечер. 10 января 1965 года после очередного инсульта он впал в кому, а утром 24 января умер, ровно через 70 лет после смерти своего отца. Это была его мечта — умереть в годовщину смерти лорда Рэндольфа. В телеграмме соболезнования, присланной генералом Де Голлем, творилось: "В минуты великих испытаний он был самым великим из нас". А ведь президент Франции излишней скромностью никогда не страдал.

На похоронах Черчилля, как он того и хотел, было девять военных духовых оркестров. Сами похороны, как и жизнь усопшего, превратились в событие всемирного масштаба. ООН, Совет НАТО, Конгресс США, Совет Европы не только выразили соболезнование, но и на несколько минут приостановили работу. На отпевании Черчилля присутствовала королева Елизавета II — редчайший случай для похорон того, кто не был лицом королевской крови. Кроме членов британской королевской семьи и правительства на траурной церемонии в базилике Святого Павла присутствовало три тысячи человек из 112 стран. Присутствовали его соратники по Второй мировой войне генералы Де Голль и Эйзенхауэр, четыре короля и одна королева, три президента и два вице-президента, одиннадцать премьер-министров, два канцлера, шестнадцать министров иностранных дел. Двенадцать самых близких сотрудников Черчилля в годы Второй мировой войны держали концы гробового покрывала. Поезд отвез гроб в Блендой для захоронения в соответствии с завещанием на кладбище в Блейдоне, близ Бленхеймского дворца. При въезде в деревушку катафалк встретили мальчики из окрестных селений, каждый из них нёс большую свечу. Пастор приходской церкви прочитал Божественную Литургию. Сценарий похорон написал сэр Уинстон. Когда гроб везли на катере вверх по Темзе к вокзалу Ватерлоо, крановщики всех лондонских доков склонили к реке стрелы своих кранов в память о великом

человеке, который навсегда уходил в легенду.

Клементина пережила Уинстона почти на 13 лет. Она скончалась 12 декабря 1977 года в возрасте 92 лет.